

СТАС КУЗНЕЦОВ

ЛОВУШКА

ПАНДАОРЫ

ЧАСТЬ 2

Annotation

Молодой талантливый художник — жить бы да жить! Но смертельная болезнь одолевает парня. Ах, если бы это был конец! После смерти оказывается, что покоя ему не будет и в загробном мире. Потому как надвигается Хаос, и спасти мир может только он — избранный! Однако, молодому герою на мир чихать — он всё равно уже мёртв. Вот только как быть с родными и любимой?

Ловушка Пандоры 2

Вспышка 1. Та, что снилась

Линия времени ломается и запутывается в единый клубок. Все события происходят в один момент. Единовременно случается жизнь и смерть.

Её время прошло — теперь иное время. Она вне времени и в его плену.

В сером провале души. В серых объятьях пустоты. Там, на самом дне, все они — те, кого она любила и те, кого полюбить не успела. Их души в ловушке её души. Их рвёт в ничто заточенный в Варе Хаос. Они молят о пощаде. Бьются в ужасе перед небытием, пытаются вырваться, спастись, но тщетно. Она глуха к стенаниям, ей чужды их страдания, безразлично, что они исчезнут, растворятся, сольются с безликой массой Хаоса. Лишь одно движет ею — ненасытный голод.

Там, внутри Вари бьётся в агонии душа её матери. Её рвёт на куски ненасытный Хаос, но маменька не молит дочь о пощаде, она не стонет, не плачет, не вопит, как остальные пленники. Только едва различимая молитва теплится в ней. Маменька полна смирения — этот ад, то к чему она давно готова. Лишь когда Хаос обглодал её до самой сути, она шепчет дочери напоследок: «Варенька, это пройдет. Всё проходит. Если не Господь, то Люций спасет тебя ради моей любви к нему! Найди отца!».

И больше нет её. Нет её маменьки Софи.

Пустота и голод. Голод и пустота. В огне сгорают воспоминания.

Воспоминания оживали в огне. Огонь выжигал из неё голод и пустоту. Выжигал Хаос, что больше сотни лет хозяйничал в её душе.

Варина душа осталась одна. Обнаженная до сути. Израненная до живого. Измученная до отчаяния. Изломанная во времени и пространстве душа, заключенная в бесконечности страданий.

Хотелось только одного, чтобы всё прекратилось. Пусть она станет пустотой, пусть её не станет вовсе. Только бы воспоминания не выжигали в ней шрамы, только бы чувства не сводили пробудившийся разум в потоки боли и ужаса. Перед глазами пылала огненная пелена, горло обжигал визг, он забивался в уши и звенел гулким эхом в голове.

И вдруг кто-то будто вылил на неё ушат кипятка и надавал пощечин. Новая боль перетянула на себя агонию. Визг оборвался. Тишиной повисли страхи.

Из пелены боли вычерчивался его бледный силуэт с кровавой шапкой волос. Высокий и могучий, он скалой нависал над ней. Золотые глаза обжигали кожу. Это он зажег в ней беспощадное пламя. Это он сбил это пламя энергетическими ударами, это он затушил огонь кипящей водой.

Варя, забыв себя, покорно взмолилась ему. Непослушными сухими губами взмолилась ему, как Богу, о великой милости:

— Добей...

— Что ты за, на хрен, такое?! — эхом застучал его голос в висках.

Слова гулко упали в Варю, словно в пустую бочку.

— Да это же девка! — отозвалась из кармана хлипкая душа, которую он уберег от ненасытных мук. Вырвал из самой глотки Хаоса и при этом сумел уцелеть.

От него шла великая сила. За сотню лет Варе не доводилось сталкиваться с такой силой. И эта сила давила на неё. Еще чуть-чуть и она раздавила бы её душу, так же легко и

естественно, как таракана.

— Я вижу, что не бабка! — раздраженно ответил он. — Это же та самая из моих снов... Ты тоже видишь, что у неё глаза необычного цвета?

Давление стало слабеть. Она, уцепившись за его голос, как за единственно возможную опору бытия, вытаскивала себя из ямы кошмара. Её «Я» через него выбиралось в сознание и осознавало себя Варей. В красном мареве штрихами обозначался смысл происходящего.

— Ничо се — у тебя сны. Я не на глаза смотрел, Матан. Но и глаза, да, что надо глаза у неё.

— Сидор, заглохни! — рыкнул Матфей и накинул на Варю что-то горячее. — Что с ней? Кто она такая? Совсем как из моих снов... Только она ведь реальная?... — обратился он к старику и понял, что про сны напирает зря.

Стало еще жарче от вспыхнувшей на его щеках красной заливки.

— Девушка-с, как нетрудно заметить. Зовут Варя. Дочка княжны Софьи Александровны Вражкиной, приходится незаконнорожденной внучкой Александра III Романова.

От старческого голоска Варино «Я» ежится. Эта приторная интонация напоминает ей какую-то жуть. Но какую именно из памяти ускользает.

— Романовых еще сюда приплели. Они уже больше ста лет как в аду горят, а их все в покое не могут оставить, — насмешливо хмыкнул Матфей и тут запоздало осознал смысл сказанного. — То есть вы хотите сказать, что она человек? Настоящий человек из девятнадцатого века?

Варя через этот вопрос осознала, что она человек. Что родилась она в самом конце девятнадцатого века. А жила в начале двадцатого. Что она была когда-то настоящим человеком, настоящим ребенком, пусть она жила совсем недолго настоящей жизнью, но жила, а потом еще какое-то время существовала в юности, пока её не предали огню. Тело свело судорогой, она застонала.

— Не совсем, — возразил старческий голосок. — Таких как она, вы зовете нефилимами.

Варя вспомнила священное писание, нефилемы — это дети падших ангелов. Но её маменька была человеком! Вот только папеньку Варя не знала, и о папеньке они с маменькой никогда не говорили. Они с маменькой вообще редко разговаривали, все больше молились или писание читали. Не может же быть, чтобы её отец...

Маленькой она часто воображала, что её отец — дракон. Она летала с ним во снах и сама была под стать ему — крылатой и свободной. Её отец: *«...большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю»*. Но это только детские фантазии, порожденные библейскими сюжетами.

— Что-то из Библии, что ли? Типа падшие нагуляли себе ублюдков на земле? А ублюдки — не ахти какие вышли, — стал опять умничать Сидор. — Но эта на великаншу и уродку не тянет, она, что надо вышла — ювелирная работа, я бы сказал.

— Тебе обязательно быть дебилом? — недовольно буркнул Матфей, тем не менее заценив способности Сидора постоянно вытаскивать нужную инфу в нужное время. Сам же Матфей от духоты и нарастающего раздражения по поводу их вынужденного топтания на месте, вместо логичных попыток выбраться из этого проклятого пекла, не мог ни на чем сосредоточиться и, уж тем более — ему было бы сейчас не под силу извлечь из памяти какую-то библейскую муть. — Чего она воет?

— Дык, ежели больно ей, — возмутился Егорушка. — Поноси в себе больше сотни лет Хаос. Чай и не так завоеешь. Она ж горемычная держала его, чтоб он по Земле не пошел гулять. Срослась с ним. А ты возьми да разорви эту связь. Выколотил из неё все без остаточка. Теперь то, что ты не пожег, в человеческий мир улетело, будет расти и множиться. Сдержат пустоту теперь некому.

— Ты хочешь сказать, что я типа апокалипсис устроил, потому что не дал ей Аниного брата с сестрой слопать?! — офигел от такого наезда Матфей.

Жара усиливалась, и говорить становилось труднее. Хоть бы в тень какую отойти, но тут и теней не было. Голая красная пустыня, а над башкой — золотисто-красная магма плывет.

— Э, не так дело было. Апокалипсис он и без тебя уже случился. Пустота знает ход в мир людей. А Варенька не единственный сосуд пустоты на Земле, — кряхтя и отдыхиваясь, пояснял Егорушка. — Есть еще один. Но то, что ты выпустил её Хаос — процесс, конечно, ускорит. Бездна притягивает бездну.

Матфей тупо уставился на морщинистую мордочку старика, пытаясь переварить услышанное. Какая-то очередная ахиня вырисовывалась. И нафига спрашивал этого, полоумного? Но сам он тоже не знал, что делать и спрашивал, скорее, себя.

— Значит, она все-таки хорошая? Что мне теперь с ней делать?

Егорушка пожал плечиками.

— Она, горемычная, добить, вот, просит. Хаос её знатненько покалечил, даже не понятно, отчего она есчо естм. После пережитого — самое гуманное добить, как она того просит. Но решаю не я.

Матфей зло посмотрел на старика. Подначивал гад не понятно на что, а с виду старик — божий одуванчик, видимо, гадости чужими руками привык делать. Егорушка — он и в Африке Егорушка, черт с ним.

— Я в «добить» участвовать не буду! — вкнуло из кармана. — Она — вон какая красивая! Матан, если ты — то ты...

— Заткнись Сидор! — кусая губы, попросил Матфей. В нос, глаза, уши, рот забился горячий песок, отчего звуки выходили наружу по-бандитски сипло. — Я, ясен пень, никого убивать не собираюсь. Надо ее как-то починить и валить отсюда. Тут такая жарница, что я скоро во фри обращаюсь.

— Как там тебя?.. — Матфей склонился над девушкой. — Варя, ты меня слышишь? Ты можешь встать? Давай, я помогу тебе?

— Пожалуйста, оставьте меня, — прохрипела девушка. — Прошу вас... Уходите!

Она с мольбой смотрела на Матфея своими чудными глазами невероятного сиреневого оттенка. Матфей подумал, что не помнит какого цвета у Ани глаза, то ли зеленые, то ли серые, а тут, даже если б и захотел — забыть не смог бы.

Варя смотрела как будто сквозь него и как будто в самую душу. Во всём её облике, во всей её манере чувствовались такая боль и мука! Матфею на миг показалось, что он стоит перед солдатом, которого разорвало на куски миной. Руки и ноги раненого отлетели на сотни метров, но жизнь каким-то жутким образом еще теплилась в его глазах, а на губах шевелилась мольба о смерти.

Матфей невольно отшатнулся. Но тут же тряхнул головой, отгоняя наваждение. Усилием воли подавил в себе приступ жалости к девушке. Наоборот же — при ней вот и руки, и ноги, и тело целехонькое, даже красивое тело — значит, может идти, значит, может

бороться. А она лежит и строит из себя страдалицу.

— Да с хрена ли?! Я не палач и не маньяк, чтобы убивать девчонок... Или еще хуже — оставлять в пекле на медленную смерть, — суровая складка проступила между его бровей, — Хватит распускать нюни. Всем тут не оч. прикольно. Вставай, или я тебя на себе потащу!

Варя вздрогнула от несправедливых упреков. Она про себя вспомнила, что лучше будет подвержена самым страшным пыткам, чем позволит кому-то себя тащить, став обузой. Его слова попали в цель. Сделалось обидно и стыдно за слабость, за безволие. Ведь она княжна, ей с детства маменька внушала, что она внучка самого царя, что она должна соответствовать великому роду Романовых, даже если официально не принадлежит к их дому.

Варя попыталась подняться. Нащупала дрожащими руками опору, оттолкнулась, сделав отчаянный рывок, но налитое свинцом тело рухнуло обратно. В воздухе взвился сноп кровавой пыли. От унижения и боли в глазах защипало.

Матфей потянулся к ней, видимо желая помочь, но она шарахнулась в сторону. Опасаясь, что он выполнит угрозу и потащит её на себе, Варя, стиснув зубы, собрала волю в кулак и все-таки сумела принять вертикальное положение.

Её качнуло. Варя взмахнула руками, стараясь сохранить равновесие. Матфей осторожно придержал её за локоть. Бережное прикосновение его теплых сухих пальцев обожгло и, как ни странно, придало сил. Она выправилась.

— Благодарю, я справлюсь, — сухо выразила признательность Варя, смутившись и не зная, как реагировать на собственные чувства.

Он нехотя убрал руку. Она плотнее закуталась в черный изодранный плащ, перекинув тяжелые волосы вперед, чтобы хоть немного прикрыть бесстыдную наготу.

— Ладно, давай сама, а я просто рядом пойду, на всякий случай, — согласился Матфей.

Пошатываясь, Варя сделала шаг, другой, потом еще и еще... Каждый следующий шаг давался легче, чем предыдущий, но всё равно, все движения приходилось совершать через силу. Хотя виной тому была уже не её душевная изможденность, а горячий песок, в котором вязли ноги, нестерпимая жара и гнетущее ощущение застывшего плотного мира. И как у Алисы: чем дальше, тем всё чудесатее и чудесатее, потому что куда бы они ни шли — они продолжали стоять на месте.

Вскоре она совсем перестала замечать происходящую статику, всё глубже погружаясь в себя. Через жару и усталость голодными псами прорывались воспоминания, разрывая в клочья её сознание. Она топталась на одном месте, в одной точке боли.

Романовых больше нет. Они все погибли. Тот мир, которому она принадлежала, разрушен. Варя сама стала причиной хаоса двадцатого века. Перед её внутренним взором развернулись две страшные кровавые войны. Она ненасытной тенью проносилась над полями сражений, над оккупированными городами, над вымершими селениями, питаясь душами гибнущих людей.

Проникший через неё Хаос долго лютовал на Земле и готов был пожрать весь мир. Но мир противился.

Мир оказался Хаосу не по зубам — люди давали отпор.

Тогда был заключен великий договор с Богом. И Бог указал другой путь.

Мир перестроился, приспособиваясь к появлению нового чудовища и отводя для него особую роль в бытии. Хаос позволил Варе немного обуздать свою жажду. Она облачилась в

черное и стала смертью этого Мира.

В жертву Варе стекались хлипкие души, которые колебались между добром и злом. Их не успевали принимать ни ад, ни рай, зато успевала пожирать она...

— Что опять за на хрен, такое?! — вызверился Матфей.

Варя вздрогнула. Судорожно пытаясь понять, что она сделала не так. Что, если он узнал, что она натворила? И теперь...

Нет, Матфей обращался не к ней. Он раздраженно размахивал руками перед почти узнаваемым стариком.

В воздухе загустели красные крупинки. Они так уплотнились, что даже дышать стало тяжело. Магма над головой разжижилась еще сильнее и, казалось, вот-вот начнет стекать им на головы.

— Мы же идем, почему мы стоим?! — допрашивал он старика.

— Полагаю, здесь для того, чтобы ходить, нужно стоять как можно быстрее, — устало прокряхтел старик. — Ох-ох, не по летам мне такие путешествия.

Варя старалась не смотреть на этого сухонького старика — коленки начинали дрожать, и хотелось бежать, бежать, как можно дальше. Она почти вспомнила его, но от этого становилось так страшно, что она сама же и отталкивала свои воспоминания.

А Матфей с ним так говорил... Так раздраженно, так смело, так бездумно... А ведь это и не старик вовсе.

— Что?! — взвыл Матфей. — Не время сейчас для вашей ерундистики!

Песок шипел, выпуская пар. Туманное марево песчинок стучалось, размывая все вокруг до едва уловимых контуров. Пару капель магмы упали Варе под ноги. Горло зажгло. Варя закашляла, на ее белой-белой коже проступили красные пятна.

— А что ж ты хочешь, милок, чтобы всё в миру работало, как на срединных землях?! Я здесь вот тоже не бывал. Сынок, знаешь ли, больно осерчал и в гости меня не звал.

— Как я его понимаю — я бы тоже вас никуда не звал!

— Вот оно значит как, Матюша, — хихикнул старик. — Вы с ним по темпераменту похожи с сыночком-то моим. Оба горячие, да за горячностью своей ничего вокруг не наблюдаете.

— Меня мутит от этого дерьма вокруг! — взвыл Матфей. Сверху тяжелыми каплями им под ноги стекала магма. Он беспокойно огляделся и наткнулся взглядом на Варю. — Эй, ты! Ты же нас сюда затащила?! Теперь вытаскивай!

Варя вся подобралась. Выпрямилась, сжала губы и, насколько это было возможно, смерила его надменным взглядом, давая понять, что столь грубое обращение в отношении неё неприемлемо.

— Ты оглохла?! — не понимая намека, продолжал давить Матфей.

— Вежливость вам не повредит, я все-таки девушка, — прямо заметила Варя, встретившись с ним глазами.

Глаза у него, что две расплавленные, золотые монеты, смотреть в них было больно и вместе с тем томительно. Матфей смутился, и первый потупил взгляд.

Но эта маленькая победа вовсе не порадовала Варю. Наоборот, она как нельзя остро ощутила всю свою глубинную ничтожность. Разве она имеет право требовать от него вежливости, уважения, обходительности? Она — чудовище, пожравшее собственную мать. Она, сотворившая столько горя, столько страданий, заслуживает только презрения. А он слишком добр к ней, он должен быть еще жестче. Как она посмела перечить ему в его

праведном гневе?

Душа споткнулась об эту истину и полетела прямо в пекло. От этого в висках застучало, по щекам поползли слезы. Сознание затопила боль. Отдаваясь этой боли, она медленно стала оседать на песок.

— Извини... Только не ной, а? Меня просто накаляет все это... — примирительно затараторил Матфей. — Ну, вот, блин, опять... Вставай, я не хотел тебя обидеть.

— Ты просто мастер по общению с противоположным полом, — вставил из кармана свои пять копеек Сидор.

— Заткнись, — в очередной раз попросил Матфей. — Варя, ну елки палки, я не хотел тебя, то есть вас, обидеть.

Но Варя не могла подняться и ответить ему не могла. Она опять оказалась там, внутри своей боли. Опять в ней замелькали события, лица, крики о помощи. И огонь. Она поджала под себя ноги и обняв колени смотрела на этот огонь. И ничего больше не стояло между ней и огнем.

— Варенька, вы уж извините этого холопа невежественного... — через стену огня в неё проник голосок старика.

Она вздрогнула, подняла на него глаза, она знала, кто он такой. Сердце сжалось в панический комок и стало настолько боязно, что всё едино.

— Я помню вас. Это вы тогда убили меня, — прошептала она, вглядываясь в морщины старика. — Хоть и переменили лик, но вы это, я знаю.

— Я-с, Варенька, я, — не стал отпираться старик. — Выхода тогда другого не было. Обычно-с я ж не вмешиваюсь, но уж больно страшное ты в себе носила. Я пытался остановить это...

Маменька уходила постепенно, уходила мучительно. Сначала изувечила тело самобичеванием и постами, а кончила тем, что, запершись в церкви, подожгла себя заживо во имя искупления грехов.

В следующую ночь деревенские пришли за Варей. Немного их осталось, вымерли все за пару лет. Горстка испуганных селян с керосиновыми лампами, свечами, да иконами загомонили под окнами. Науськал людей пришлый старик, мол, дочка барыни — ведьма, со свету людей сживает и не успокоится, пока всех не изведет до последнего младенца.

Огнем. Огнем вспыхнуло тело. Молча толпился деревенский люд перед Варей. В голове толпы стоял старик и тыкал в неё обличающим перстом. Речи говорил и помогал разжигать дрова вокруг столба, к которому её привязали. Вздыхали люди, крестились, молитвы шептали, бабы голосили, мужики бороды пощипывали.

Ужасом дышала ночь, в костре горела она, тишина пылала рядом.

Так и не разорвал ожидаемый крик боли эту горящую ночь. Огонь медленно пожирал плоть: белую кожу, длинные, цвета вороного крыла волосы, выедал глаза, оголяя череп.

Но огонь не пожрал Хаос в ней. Плоть её, хоть и погорела, но сама извращенная суть осталась в миру, и тенью встала она над людьми.

На заре, как дым рассеялся, и солнце показало первые лучи, люди стали расходиться. У многих на душе впервые за долгие годы было спокойно и радостно.

По дороге судачили: «Все-таки нелюдем была, хоть и красива — чертовка! Вон как, даже не кричала! А мне привиделось, что у нее рога и хвост имелись! Да это ты спьяну, Васька! Да, точно были, зуб даю! Итак ужо, без зубов остался, зачем последними-то

разбрасываешься! Уф, главное, что ведьма помёрла, и её проклятье потеряет силу! Заживем теперь, как встарь!».

Не ведали они, что проклятье вовсе не миновало. Не ведали, что они лишь приблизили свой конец. Ибо через неделю деревня пала окончательно. Хаос пожрал всех — от мала до велика. И пошел гулять по свету, разнося войну, голод, болезнь и смерть.

— Знаю, — согласилась со стариком Варя. Боль, что запоздала на сотню лет, сжала горло, не выпуская слова, поэтому слова приходилось комкать и выплевывать с усилием. — Спасибо. Только отчего не раньше? Отчего не до того, а после?

— Не мог я раньше-с. Боялся последствий.

Старик видел тень. И он говорил с её тенью. Но тень была сильна, она не хотела ему внимать.

Ослабев и источив зубы, тень сама нашла его, и заключили они великий договор. Нарёк он ее — Смертью, и обозначил ей место в человеческом мире.

На земле вновь установилось хрупкое равновесие. И шаткий порядок поднялся щитом над внешним Хаосом, лишь немногих определив ему в жертву.

— Дык, и что же нам теперь велишь делать, Варенька? — вопрошал старик, пытливо вперив в неё всепроникающий взор. — Как отсюда выбраться?

— Почему вы меня спрашиваете? — удивилась Варя. — Я здесь впервые, как и вы.

— Оттого что ад — в кровушке твоей, Варвара свет Люцевна. Только ты здесь и дома. Что ты чувствуешь?

— Тут очень жарко и тяжело так. А еще я чувствую, — Варя прислушалась к себе и медленно выдохнула, — боль и страх.

— Боль — это хорошо. Она делает человека человечней. И страх тоже хорошо. Он делает человека смелым. Это пройдет, главное отпустить.

— Нет. Это не пройдет, — возразила Варя.

— Всякую боль можно преодолеть, Варенька. Даже, когда кажется, что это невозможно. Душа человека сильна, при желании она способна на все.

— Возможно и так, но я уже не человек, — грустно сказала Варя. — И, как вы недавно заметили, никогда им не была.

— Наполовину человек, на другую — ангел. Твоя душа — чудо! Даже изувеченная Хаосом, она продолжает бороться. Другой такой нет. Никто не мог бы удерживать Хаос столько времени, даже я.

Весь пазл собрался в одно. Она, наконец-то, услышала то, о чем ей все это время толковал Егорушка. Ад у неё в крови, отчество её Люцевна, она человек лишь наполовину. А отец её дракон. Дракон, с которым Варя игралась во снах. А маменька, её бедная, испуганная, грешная маменька, что пыталась замолить свою любовь....

— Люцифер — имя сатаны? — побелевшими губами вывела Варя ужасную догадку.

— И имя светоносного ангела, — любезно напомнил Егорушка.

— Я видела его во снах. Давно, — выдохнула Варя, перебирая в руках горячий песок. Девочкой она любила подолгу смотреть на песочные часы, в библиотеке их дома стояли такие. — Поэтому они тогда сделали это со мной? Взяли и выпустили в меня Хаос? Я заслужила?

— Нет, ты здесь ни при чем. Они сделали это лишь для того, чтобы сохранить власть. *«Вся их жизнь, есть воля к власти»*, — покачав головой, сухо отрезал старик. — Власть в конечном счете их поработила и отдала в пучину Хаоса.

— Их больше нет, — поняла Варя.

— Они в очередной раз открыли ящик Пандоры. Ящик им этого не простил. Хаос вырвался наружу.

— Значит ли это, что наш мир подошел к концу?

— Хуже. Конец — это всегда надежда на новое начало. Мы подошли к пустоте, — с неподдельной горечью констатировал старик. — Ты помнишь дорогу к отцу?

— Нет, он всегда приходил сам. А я всегда его боялась и пряталась. Но мы иногда летали вместе.

Вспышка 2. Дьявол в отставке

— Эй, чувак, уже утро! Мы закрываемся! Давай, топай отсюда, тут тебе не ночлежка!

Охранник раздраженно пытался растолкать выпивоху, уснувшего за стойкой бара «Темная лошадка». Как он ненавидел эту пьянь, особенно по утрам. Каждый раз одно и то же — ужираются до беспамятства, а ему разруливай.

Выпивоха медленно поднял голову и уставился стеклянными глазами на вышибалу.

— Ого, да ты — альбинос?! Это у тебя линзы или свои глазища? — присвистнул охранник, хотя вроде и не таких фриков видывал. Но этот, в отличие от остальной их братии, выглядел не по-клоунски чудаковато, а как-то впечатляюще эффектно.

Чувак продолжал молча пялиться куда-то сквозь него, так что вышибала даже обернулся. За спиной, разумеется, никого не было, но ему вдруг сделалось не по себе от этого пустого взгляда.

— Мы закрываемся! — растягивая слова, как для особо одаренного, повторил охранник, постучав по циферблату на наручных часах. — Ты слышал?! Или тебя под рученьки вывести?!

— Твои рученьки могут и отсохнуть.

Голос был спокойный и вкрадчивый, с чуть уловимой хрипотцой.

По хребтине будто мокрым пером провели. Вышибала невольно сделал шаг назад, но чувак пьяно икнул перегаром, развеяв произведенное впечатление. Охранник вспомнил, что он тут главный, и уже намеревался исполнить свою угрозу, дав еще и пинка напоследок, но альбинос тяжело поднялся, оказавшись на добрую голову выше двухметрового вышибалы, и, пошатываясь, поплелся на выход.

Чувак ушел, инцидент вроде бы был исчерпан, но у охранника остался гадкий осадок, и он весь день украдкой поглядывал на свои руки, поочередно сгибая и разгибая пальцы, как будто слегка онемевшие.

Альбинос вышел, недовольно щуря глаза на слишком яркое с полумрака бара солнце.

Опять его занесло в южные широты. Город громадный, гомонили улицы, в пробках пищали машины, люди бестолково копошились вокруг.

Его время — ночь, его место — ближе к северу, где свет короче, а тьма темнее.

Голова шла кругом, мутило, он сделал пару шагов к урне, и его вывернуло наизнанку.

— Что, ангельский желудок плохо переваривает водку? — слышался сзади насмешливый голос.

— Ангельский — может и плохо, а для дьявола водка и коньяк — это самое оно. А вот здешние коктейльчики, видимо, делают только для таких как ты — ангелочков. Правильные же парни от него травятся, — не оборачиваясь ответил альбинос, продолжая опорожнять желудок.

— Я искал тебя, — печально вздохнул за спиной собеседник. — Давно искал.

— Я знаю, — все еще продолжая стоять над урной, отозвался альбинос. — Я очень старался, чтобы не нашел.

— А я очень старался найти. Есть разговор.

— Если ты не собираешься рассказать мне, где Софья, то убирайся обратно к папочке, Михаил!

Альбинос повернулся, и что-то звериное проскользнуло в его оскале. Но Михаил не испугался, он, скрестив руки на груди, внимательно разглядывал брата. Лишь золотой ободок вокруг зрачков его глаз расширился, потеснив синюю радужку.

— А ты изменился, даже волосы на лице по-человечески наклеил, — удивился Михаил, уступая место женщине с коляской, он встал на бордюр точно напротив брата, сделавшись в росте чуть-чуть над ним.

— Не наклеил, а отросли, — вытирая руки о штаны, возразил альбинос, глядя на Михаила со все большим презрением и скукой.

— Отросли? У нас на лице волосы не растут, Люций, — терпеливо напомнил Михаил.

— У вас не растут — кастратам они ни к чему, — ядовито заметил Люцифер.

Золотой ободок в глазах и нимб над головой Михаила возмущенно колыхнулись, но сразу же побледнели.

Люцифер заржал, но резко оборвав собственный смех, потребовал:

— Где моя женщина, Михаил?!

— Я не знаю, где она, Люций. По ощущениям — ее вовсе нет.

— Нет?! — взревел альбинос.

Он молниеносно пересек тротуар, оказавшись за спиной брата, и когда тот рефлексивно повернулся к нему лицом, схватил Михаила за грудки и хорошенько встряхнул. Лицо Люцифера теперь еще больше стало напоминать звериную морду, даже сиреневые глаза изменили форму. Золотой свет в Михаиле сначала испуганно съежился, а потом полыхнул раздражением. Он с негодованием стряхнул с себя руки Люцифера.

— Нет, её нет! Уже больше сотни лет нет! — зло зашипел Михаил. — Ничего больше нет! Ты разве не чувствуешь пустоту?

— Я уже давно ничего не чувствую по твоей и Его милости, братец! Бывай, раб божий Михаэль!

Люцифер повернулся и шагнул в поток людей.

— Стой!

Люцифер проигнорировал окрик.

— Стой! — второй окрик был уже с заданной силой света.

Люцифер, не имея желания бороться, остановился, но не обернулся.

— У тебя есть дочь!

Матфея тошнило, голова трещала, как с дикого похмелья, всё плыло перед глазами. Жара — как в перетопленной бане. Пот пропитал собой всё. Ко всему прочему нестерпимо завоняло серой.

Он полулежал, полусидел на раскаленном песке. Сверху на песок стекала магма. Стекала медленно, помаленьку, но все равно было страшно, что такая вот капелька, с шипением прожигаящая песок, попадет тебе на башку. Но пока никому по темечку не стукнуло, все, не сговариваясь, решили, что черт с ней с магмой.

Ни на что уже просто не оставалось сил. Матфей даже перестал вникать, о чем на фоне пекла беседуют Варя с Егорушкой. Им овладела такая апатия, что стало безразлично до всяких чудных персонажей, выписанных из сказок. Достаточно было того, что он понял — девка непростая, а если все-таки поверить Егорушке, то вообще цесаревна с примесью ангельской кровушки.

Однако, от того, что она вся такая непростая, легче никому не становилось. Даже наоборот — ему лично становилось нелегче. Стоило ему не так что вякнуть, и она сразу мумифицировалась, и хрен потом воскресишь — сидела и пялилась в пустоту. А ему обтекай, хотя ничего и не сказал уж такого страшного, а чувствовал себя полным дерьмом. Хорошо хоть Егорушка ключики подобрать сумел, она вроде бы ожила, чего-то там лопочет.

Смысла идти никуда уже не было. И вскоре окончательно размякнув от духоты, Матфей лег на песок. Стал любоваться растекающейся и булькающей над головой магмой — красиво.

— Может, он спит? Может, это сон такой дебильный? Тогда пора бы уже и проснуться! А может и наоборот он проснулся...

— Ощущение, что я заблудился в дурном сне, — попытался сказать, но вместо этого прохрипел Матфей.

— Нет, вовсе не во сне, мы попали в миф, — подал голос из кармана Сидор, такой же сухой и измученный, как и голос Матфея.

— В миф? — принял подачу Матфей. — А как нам из него выбраться, бро, не подскажешь?

— Из мифа нельзя выбраться, — в своей манере заявил Сидор, — его можно только разрушить.

— А когда разрушу, — автоматически продолжил Матфей, — я из него выберусь?

— Нет, ты окажешься в другом мифе.

— Тогда что мне делать?

— Стать героем.

— Похоже, мы с тобой бредим, бро...

— Похоже, что так...

Мозги окончательно спеклись. Матфей периодически забывался. Поэтому даже не заметил, как магма стянулась к выступающему краю алой сферы, которая скорее всего являлась земным ядром. Точнее видимой отсюда его частью.

Над головой сделалось черно. Чернота не небесная, а пещерная. Без улыбчивых звезд, что нет-нет да подмигнут усталому путнику на земле. Подземная, глухая, непроницаемая тьма, за которой не разглядеть надежды.

По черноте ползли две тени. Двигались они урывчато, как насекомые, от чего делалось жутковато, но все уже слишком сварились, чтобы испугаться по-настоящему.

Вскоре силуэты приобрели людские очертания, и стало ясно, что они не ползут, а летят, быстро перебирая небольшими, но мощными крыльями за спиной. Внешне эти крылья выглядели довольно отталкивающе. У одного — прозрачные, сетчатые, формой и видом они напоминали крылышки мух. У другого крылья были шире, круглее, коричневые, с коротенькими волосками — эти позаимствовали у какого-то несчастного мотылька.

Странные существа зависли над ними. До слуха доходили их голоса, а смысл запаздывал, как в плохой озвучке, когда сначала шевелятся губы, а потом медленно, не в такт идут звуки.

— Я же говорил, здесь кто-то есть, Вельзевул, — приятным бархатным голосом промурлыкал парень с крыльями мотылька.

— Осторожно, Белиал — предупредил мухкрылый, — они могут быть инфицированы.

— У них нет признаков заразы. Они не рвут плоть друг друга. И энергия, Вельзевул,

колоссальный выброс энергии, скоро зараженные будут здесь. Нам надо поскорее узнать, что происходит.

— Ты прав, брат, давай спускаться, но будь начеку, — согласился Вельзевул.

Существа приземлились чуть в стороне. Принюхались, присмотрелись и, сложив крылья за спиной, медленно пошагали в сторону Матфея с компанией. Крылья стали бледнеть, пока не исчезли совсем, будто их вовсе не было.

Прибытие этих двоих походило на мираж. Казалось, еще мгновение — и они растворятся вслед за своими крыльями. Но вместо того, чтобы исчезнуть — человекоподобные существа остановились в нескольких шагах от Матфея.

Их можно было бы даже принять за людей, если бы не одно существенное но — лица у них были хоть и человеческие, но у каждого присутствовала особая деталька, на первый взгляд, едва уловимая, но, вместе с тем, приметная, от чего схожесть с людьми казалась дикой, неправильной.

— Не может быть такого! — недоверчиво воскликнул тот, у кого еще недавно торчали из-за спины крылья мотылька.

Парень выглядел невероятным красавцем: золотые кудри, точеные черты лица, но стоило ему заговорить, как щеки его проваливались в серую, вязкую паутину. Мерзкая метаморфоза одновременно и отталкивала, и завораживала.

Вельзевул отреагировал на их скромную компанию сдержанней. Он лишь пристально уставился на Егорушку своими пекулярными глазами — по форме они почти не отличались от обыкновенных, человеческих глаз, разве что чуть круглее, чем у многих. Однако внутреннее устройство имели совсем иное — не было ни зрачка, ни радужки, вместо этого глаз являлся фасеточным, ядовито-зеленого цвета, как у мух.

Не бывает таких глаз на человеческих лицах. Крылатых людей — тоже нет, но с крыльями смириться как-то проще, да и спрятали они их. А вот с глазами и паутиной в щеках — прямо беда.

Варённые, вязкие мысли шли своим ходом, а диалог своим.

— Отче, вы пришли спасти нас?! — восторженно заулыбался Белиал, улыбка на удивление вышла у него приятная, открытая, хотя и паутина поднялась к самым скулам.

Он вдруг опустился на колени перед Егорушкой и поцеловал его руку.

Перед Егорушкой и на колени? Матфей не в силах был переварить этот фарс и истерично хохотнул.

— Нет, Белиал, кажется, наш батюшка сам угодил в ловушку, которую для нас расставил, — с горечью покачал головой Вельзевул.

Варя поднялась и встала между Егорушкой и двумя крылатыми чудиками.

Как сил хватило встать, да еще так прямо, как королева какая из фильмов о всяких английских аристократках. Хотя нет, те так не умели или перебирали, или не добирали, а у этой — и естественно, и вместе с тем грациозно вышло. Цесаревна не цесаревна, а держалась здорово.

— Я хочу, чтобы вы проводили нас к моему отцу, — голос сухой, хрипловатый, сама тоненькая, хрупкая.

— Мы не провожатые для дитя человека, — презрительно процедил Белиал. — Как смеешь ты вставать между нами и нашим отцом, плод греховного несовершенства?!

Белиал поднял руку, из запястья выползла жесткая паутина. Он как плетью замахнулся ею, готовый обрушить на Варю хлесткий удар.

Матфей подскочил и кинулся к ним, но его опередил Вельзевул. Перехватив руку Белиала, он не дал ему ударить девушку.

— Тише, разве ты не видишь?

Белиал удивленно присмотрелся к Варе, и паутина втянулась обратно.

— Она — не совсем человек, — выдохнул Белиал, его щеки провалились в паутину сильнее прежнего, а изо рта наружу выдвинулись два жвала. — Вельзевул, кто она?!

— Я хочу видеть отца! — требовательно повторила Варя, не дрогнув перед угрозами и страшной метаморфозой, она продолжала стоять поразительно прямо и гордо.

Матфей вновь бессильно осел на песок. Невольно залюбовавшись девушкой, чувствуя гордость за ее выдержку.

— От того, что ты дитя человека лишь наполовину — я ненавижу тебя еще сильнее! Ты символ падения лучшего из нас! — с неприязнью ответил ей Вельзевул. — Ты должна покинуть это место, твоего отца здесь нет!

— Но где же тогда Люцифер?! — крикнул из-за спины Егорушка.

— Он на земле, больше столетия ищет душу её матери, — с нескрываемым отвращением скривился Вельзевул. — А ад закрыл!

— Закрыл? — эхом вздохнула Варя.

Стержень её обмяк, ноги подкосились. Она мягко опустилась на песок.

— Вельзевул, разве возможно такое?! — в ужасе прошептал Белиал, жвала продолжали выдвигаться и с них закапал зеленый сок. — О чем ты говоришь?! Ты всё это время знал и не сказал нам?! Люцифер не мог так с нами поступить!

— После, Белиал, — успокаивающе похлопал его по плечу Вельзевул. — Мы поговорим после. Сейчас не время.

Белиал прикрыл глаза, сделал пару глубоких вдохов. Лицо его, наконец-то, приняло более или менее нормальное выражение. Вельзевул же обратился к Егорушке.

— Отче, практически все демоны инфицированы, нас осталось меньше сотни. Не слишком ли ты жесток к детям своим? Или этой жестокости ты тоже научился у возлюбленных тобой людей? Каков промысел твой?

— Мои дети прекрасно без меня и моего промысла справляются, — недовольно буркнул Егорушка. — У вас тут менее жаркого местечка нет для разговора? У меня остатки разума спеклись.

— Еще бы — вы стоите в самом пекле! Но мы вас не сдвинем с места, если он не прекратит кипеть от гнева, — Вельзевул сердито указал на Матфея. — От него исходит такая мощная отрицательная энергия, что жара хватает на всех. Даже нам плохо. Сколько существую, а такую мощную человеческую душу вижу лишь второй раз. Первая была у Иешуа, он смог перевернуть весь мир. Но из того энергия лилась светлая. — Вельзевул ещё раз тыкнул пальцем на Матфея. — А этот наш.

— Пусть он успокоится! — согласно закивал Белиал. — Тех, кто пожирает реальность, как раз привлекают сильные эмоции, и хочу заметить, что зараженные очень близко.

— Слышишь, Матюша, его твои эмоции нас тут жарят, — подытожил Егорушка. — Ты б утихомирился, дружок?

Все выжидающе уставились на Матфея, даже Сидор одобрительно завошккался в кармане, от чего Матфея окончательно сорвало.

— Что вы все, чиканулись от этой жары?! Я при чём?! Я здесь единственный нормальный человек!

Зашипел песок, взвившись паром. Из ядра по черноте опять стала разливаться магма. Все закашлялись, согнувшись в три погибели.

— Извини, милоч, но тогда у нас только один выход, — хрипло сказал Егорушка. И очень дружелюбно похлопал Матфея по плечу.

У Матфея отяжелела голова, и он отключился.

Спина Люцифера окаменела. Он застыл на середине тротуара, разделяя собой поток прохожих на два рукава. Люди, обходя, раздраженно поругивались, но он не трогался с места.

— Я думал, твоя дочь исчезла вместе с матерью, — продолжал вещать с бордюра Михаил, — и их больше нет. Но недавно почувствовал мощный энергетический всплеск. Это точно она — такую душу нельзя перепутать ни с какой другой, а потом девочка опять куда-то исчезла.

Люцифер продолжал стоять к Михаилу спиной. Натянутые пружинами мышцы медленно разворачивались. Барабанная дробь глухо стучала в висках. Из него пыхнуло сиреневым светом.

Прохожие, охнув, шарахнулись по сторонам. Кто-то истошно завопил. Но вопль перебил жуткий рев. Задрожали стёкла близстоящих зданий и посыпались осколками вниз. Людей пригнуло к земле. На асфальт брызнула кровь. Машины разворачивало звуковой волной, и они, с визгом и грохотом врезаясь друг в друга, кувыркались по дороге.

Посреди улицы возник исполинских размеров, белоснежный дракон. Ему было тесно в городском ландшафте. Он оказался зажатым между домами и подмял под себя добрую часть народу, другую же раскидало по сторонам.

Еще мгновение и, тяжело и скованно взмахнув крыльями, дракон стал стремительно набирать высоту, оставляя внизу изуродованные трупы людей. В одной из огромных лап он зажимал истошно орущего Михаила:

— Люций! Успокойся! Я лишь исполнял Его волю! Волю нашего отца! Я поверил ему! Я думал, ты хотел совратить душу этой девочки! Думал, что защищаю их! Лю-ю-ци-и-и-ифер!!!

Мощные крылья, одним махом преодолевающие километровые расстояния, уносили Михаила все дальше. Внизу мелькали: леса, поля, города, свалки, горы, реки, озёра.

Михаил сумел изловчиться и выскользнуть из огромной лапы. Но только навредил себе, стремительно помчавшись на встречу с землей.

Земля неумолимо приближалась, раскрыв пасть острозубых гор. Неудачное место для падения он выбрал, если бы в воду, то был бы шанс, а так... Михаил даже не пытался развернуть ангельские крылья, на такой высоте он бы только переломал их, а свои крылья он любил. Люциферу же, даже если бы взбрело в голову помочь, не хватило бы маневренности поймать его в воздухе.

Михаил закрыл глаза, примиряясь с неизбежным. И вспомнилась ему беловолосая девушка. Она улыбалась ему через года.

— Мария, — выдохнул Михаил.

В теле стала нарастать давно потерянное, забытое чувство. Он его принял, обнял, и в последний момент ему удалось невероятное. Михаил смог то, чего не мог тысячелетия — обратился в гигантского, крылатого единорога.

Немного расправив крылья, чтобы не изувечить их об острые горные выступы, единорог

замолотил по воздуху копытами и с их помощью все же сумел приподняться повыше. Уклонившись от опасности, расправил мощные крылья во всю ширь.

Оглянувшись на ущелье, он понял, что ни за что не повторил бы этот трюк при нормальных обстоятельствах.

Не успел Михаил перевести дух, как в ушах засвистел воздух. Он задрал морду. Дракон, сложив крылья, стрелой пикировал на него из облаков. Михаил в последний момент сумел увернуться, но задел крылом скалистый выступ. Раздался треск. Михаил взвыл от боли.

Дракон же легко выровнялся и, сделав вираж, отправил вдогонку единорогу струю огня. Вовремя сманеврировав, Михаил развернулся навстречу пламени и выкинул из рога струю света. Свет щитом встал между ним и огнем.

Дракон зарычал. Единорог, пользуясь яростью противника, поспешил на посадку.

На земле Михаил всегда чувствовал себя уверенней, чем в воздухе. Сражаться с Люцифером в его же стихии было чистым самоубийством, а так у Михаила оставался шанс удрать от неповоротливого дракона.

Михаил дал деру по суше, но Люцифер, не будь дурак, не стал спускаться, а продолжал лететь над единорогом, выпуская в него огненные струи. Михаил уворачивался или ставил блог света.

Спасительная полоска леса маячила где-то далеко впереди, но Михаил понимал, не успеет, силы покидали его. Он чувствовал, что тело начинает опять меняться и место единорога занимает ангельская ипостась.

Однако менялся не он один, дракон тоже порядком выдохся и, стремительно трансформируясь в ангела, снижался все ниже и ниже к земле. Еще мгновение и он упал сверху на Михаила. Они сцепились в один бесформенный клубок и их по инерции, кубарем протащило по песку.

Ангелов раскидало по песку прямо у берега голубой реки. Они долго восстанавливали дыхание, сил не осталось даже на слова, даже на мысли. Оставалось только молча смотреть, как по небу плывут взбитые облака.

— Вот это да, Люций! — первым нарушил тишину Михаил. Даже через всепоглощающую усталость он был переполнен чистой, светлой радостью, подобной той, что ощущал бы калека, сумевший каким-то чудом вернуть себе утраченные ноги. — Как же это?! Сколько тысяч лет мы не могли обратиться?

— С тех пор, как разделились на ангелов и демонов, — задумчиво откликнулся Люцифер. Он, в отличие от брата, не ощущал радости, только горечь и отчаяние. — Я думал, что только демоны не могут больше вернуться в свои истинные обличия. Значит, и вам не удавалось?

— Нет, после священной войны — никто не мог, — покачал головой Михаил. — После войны всё изменилось, даже наш дом перестал быть прежним, всё в нём стало чужим, мы долго привыкали. За это ангелы так люто ненавидели падших. Мы считали, что это ваше падение отравило собой всех и все вокруг.

Люцифер сел и задумчиво стал наблюдать бурлящий поток реки. Течение закручивало в себя палки, растительность, бытовой мусор. Мусор означал, что поблизости живут люди. А там, где люди, там есть выпивка.

Война. Люцифер не помнил ни о какой войне, но знал, что она была. Знал, потому что война лишила его дома и братьев. Разделила мир на две половины — на ад и рай, на добро и зло.

— А была ли она, война, Михаил? — впервые задался он вопросом.

Михаил тоже принял сидячее положение. Задумчиво потер переносицу. Сперва вопрос возмутил его. Никто из ангелов никогда не задавался таким вопросом — все знали, что война была, хотя никто и не помнил её. Знали, потому что верили, а не потому, что помнили. Они все верили Богу, своему отцу.

— Может, и не было, Люций, — неожиданно для самого себя согласился Михаил. — Мы верили тому, что написал об этом отец.

— Кажется, наш всемогущий батюшка в очередной раз сыграл с нами злую шутку, — усмехнулся Люцифер.

Они еще немного помолчали, глядя на горы и реку. В красивое место их занесло, здесь царила весна, но не слащаво-южная, а умеренно-северная. Живописный уголок: на вершинах гор еще снега, а внизу уже пробивается зелень. Найдя гладкую, отполированную гальку Люцифер швырнул камешек в воду.

— Я верил, что защищаю их, — тихо проговорил Михаил. — Я думал, что помогаю им, думал, что ты играешь с ними в свои игры! Люций, прости меня, я тогда не знал...

— А теперь — знаешь? — спросил Люцифер с горечью.

— Да, теперь знаю, — вздохнул Михаил, вспомнив улыбку Марии.

— Что, наш папочка спел тебе другую песню? — скривился Люцифер, снова зашвырнув камешек в воду.

— Я утратил веру в его песни. Разве такое возможно? — смотря на то, как камешек исчезает в голубой воде, прошептал Михаил. — Разве может ангел полюбить человеческое дитя, подобно смертному? Полюбить женщину страстно, самозабвенно. Забыть ради неё о долге, о чести, о себе...

— *...И проклял Демон побежденный Мечты безумные свои, И вновь остался он, надменный, Один, как прежде, во вселенной Без упования и любви!..*[1] Так что я не ангел, я пал. Я демон, и как демон любил и люблю. Не человеческая это любовь. Люди влюбляются семь раз на дню, а демон — лишь однажды.

— Я не о тебе говорил, — грустно возразил Михаил.

Люцифер пару минут внимательно разглядывал брата. Покачал головой и насмешливо переспросил:

— И ты, Брут? У тебя её тоже отняли?

— Нет, я оставил её сам, по настоянию отца, — ободок света вокруг зрачков и головы Михаила стыдливо пыхнул и почти погас. — Я решил, что так будет лучше для неё. Что мой долг выше нашей любви.

— Значит, ты не любил, как я.

— Да, я любил иначе, — согласился Михаил, погружая пальцы в холодный песок. — Но я потерял её, так же, как и ты.

— Нет, ты отказался от неё сам, а я бы ни за что не отказался от своей Софьи, — жестко возразил Люцифер, отправляя очередной камешек в воду.

— Я просто отстранился, дал ей шанс прожить нормальную человеческую жизнь. Я... тебе не понять, — махнул рукой Михаил.

Его свет совсем погас, он удрученно разминал в руках откопанную из песка глину.

— И теперь ты не знаешь, где она?

— Не знаю. Она пропала, как и твоя Софья. Раньше я чувствовал душу Марии, а потом она исчезла. Не умерла, а исчезла. Я пошел по следу и обнаружил нечто странное, нечто... Я

даже не могу понять, что именно, но оно меня пугает, Люций.

— Что говорит отец? — встав на ноги, поинтересовался Люцифер. Его все еще слегка пошатывало, но идти он мог.

— Он не желает со мной говорить. Сколько я не взывал — он глух. А сейчас и его сущность я перестал ощущать. — Михаил, устав задирать голову, тоже поднялся с земли. — Что-то происходит, Люций, что-то надвигается на нас. На всех нас!

— И? От меня-то ты чего хочешь? — раздраженно спросил Люцифер.

— Помощи, — Михаил размахнулся и кинул слепленный из глины шарик в воду.

Люцифер затрясся от смеха. Смех все нарастал, пока не обратился в истерику, Люцифера даже пополам согнуло. На глазах выступили слезы, а хохот продолжал звенеть над долиной.

Михаил, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо ждал.

— Когда-то я молил тебя о том же, — резко сделавшись серьезным, напомнил Люцифер.

— Я помню, — виновато прошептал Михаил.

— Нет, — отрезал Люцифер.

— Дело не только во мне, — горячо заявил Михаил. — Вместе у нас больше шансов узнать.

— Что узнать?

— Правду.

— Знаешь, в чём правда? — насмешливо поинтересовался дьявол. — Правда в вине, и мне нужно опохмелиться. Попробуй, может, и тебе полегчает.

Люцифер развернулся и поплелся прочь, оставляя глубокие следы на мокром песке.

— Люцифер! — окрикнул Михаил. — А как же твоя дочь?!

— У меня нет дочери.

[1] М.Ю. Лермонтов «Демон»

Вспышка 3. Зов крови

— Кароч, иду я по улице, а мне навстречу пятеро чуваков выходят, и говорят такие, что я одет как-то не так, прикинь? А вокруг темно и никого нет. И избили меня, ну я им тоже, конечно, вмазал, но их-то пятеро было, а я один. Вот так и жили, ни за что ни про что, огребая... — доносились вдохновенная болтовня из кармана.

Где-то капала вода. Поодаль, в стороне приглушенно спорил с кем-то Егорушка. Башка трещала. Головой он лежал на чем-то мягком и теплом, а тело же, наоборот, довольствовалось чем-то жестким, каменистым.

Матфей заставил себя разлепить глаза. Место было похоже на огромную пещеру, но с некоторыми оговорками. Стены покрывала светящаяся, газообразная, красная штука. По форме пещера походила на спираль. Пространственные завихрения выглядели необычно. Но, главное, что проклятая жара спала, и дышалось тут намного легче.

— Проснулись? — тихо спросила Варя.

Голова Матфея покоилась на её коленях. От того что Варя слегка к нему склонилась её шелковистые волосы защекотали щеку. Пахла она яблоней, распутившейся по весне, а глаза — цветы сирени. Во снах он так часто смотрел в эти глаза и говорил с ними о том, как ему живется на свете белом, что они казались родными. Там, она всегда понимала его, даже, когда он сам себя понять не мог.

Матфей поморщился. Что за хрень такая? Так и в поэты заделаться не долго. Ведьма она все-таки, по любому она его специально зачаровывает, а он, как баран ведется.

— Где мы? — немного грубее, чем следовало, спросил он, поднимаясь и усаживаясь в стороне от Вари.

— В чистилище, — смущенная его реакцией, пробормотала она. — Здесь ближе всего к выходу. Вы только не злитесь, а то им снова придется вас усыпить.

Она кивнула в ту сторону пещеры, где стоял Егорушка, возле него столпились, по всей видимости, оставшиеся в аду демоны. Их было немного. По мелькавшим особенностям, в которые Матфею не улыбалось вглядываться, было понятно, что не люди. А лучше бы люди, оно как-то спокойней среди своих...

— Чего выкаешь-то? — нахмурился Матфей.

Хмурился он скорее себе. Ему нравился её мягкий, вкрадчивый голос, даже то, как она ему «вы» говорила, хотя лучше бы, конечно, на «ты». Но и в её «вы» таилась какая-то прелесть. А вот то, что девушка ему приятна, напротив — совсем ему не нравилось. Он начинал чувствовать себя предателем и порядочным идиотом в придачу.

— Я говорю, как меня учили говорить с незнакомыми людьми, — интонация не изменилась, но в её голос просочилась печаль.

— А-а-а... ну, если в этом замес, то я — Матфей, — он протянул ей руку, она удивленно посмотрела на неё, но пожимать не стала, и рука глупо повисла в воздухе.

— Нет нужды представляться. Я знаю, как вас зовут, но ваше имя мне ничего не сообщает о вашей личности, — сказала она.

— Ты, получается, из прошлого века, там, наверное, все было иначе? — вздохнул Матфей, убирая руку обратно в карман.

— Наверное, было, — вздохнула Варя.

Ей, кажется, как и ему, говорить особо и не хотелось.

Она водила кончиком пальца по стене, вычерчивая на её податливой поверхности какие-то мудреные символы. Писала Варя левой рукой, если и вправду выпала из девятнадцатого века, то эта особенность могла быть для неё тогда проблемой.

Он вдруг понял, что совсем ничего не знает об этой девушке. А эта девушка являла собой нечто уникальное, другой такой на свете нет. Настоящее мифическое существо. Если верить этим странным разговорчикам Егорушки и демонов, то вообще нефилим. Нефилим значило, что её отец настоящий ангел, а точнее... До Матфея медленно доходило то, что уже выкладывал из кармана тупоголовый Сидор.

— Получается, твой папаня — сам дьявол? Как в ужастике «Омен»? Ты смотрела?

Девушка сжалась. На её бледной коже выступил легкий румянец, а взгляд потупился. Рука дрогнула, и символ на стене вышел неверный, она поспешила замазать его ладонью.

— Сидор, завали пасть, — зашипел Матфей.

— А чё? Мне тоже интересно, офигеть как интересно!

— Знаешь, — обратился Матфей к Варе, пытаясь замять глупость Сидора. — У меня папаня — тоже не сахар. А быть ребёнком дьявола, это, знаешь ли, очень даже ничего себе и даже круто.

— Круто? — подняла на него огромные глаза Варя, напоминая чем-то диснеевскую принцессу из мультяшек.

Матфей не сдержался и фыркнул, она нерешительно улыбнулась в ответ.

— Я понимаю, я тоже ненавижу своего отца, — сдался он.

Она покачала головой.

— Я не испытываю к папеньке никакой ненависти. Мне грустно, что он олицетворяет собой все самое плохое в людях, что много, наверное, сделал зла. Но и я сделала много, очень много плохого. Нам не дано выбирать родителей, и мы должны принимать их такими какие они есть. Он часть меня. Он мой отец и я, несмотря ни на что — люблю и почитаю его, как одного из своих родителей. В глазах детей всякий, породивший их, безгрешен — даже если он есть воплощение всех грехов.

Матфей присмотрелся к Варе. Она все еще увлеченно чертила что-то на светящейся алым стене. Получалась затейливая вязь. Длинные волосы спадали каскадом до самого пола, полностью прикрывая её тело.

Хотелось как-то быть ей сопричастным что ли. Понять её. Понять, правда ли она думает обо всем так, как сейчас сказала. Ему одновременно и импонировали её в чем-то наивные, а в чем-то очень даже зрелые рассуждения, и вместе с тем, было досадно, что в ней эта истина существовала естественно и просто. Ему же, чтобы понять то же самое, пришлось преодолеть долгий путь, совершив кучу ошибок и причинив много боли и себе, и отцу, да и матери, в конечном итоге, тоже.

Но рассуждать это одно, а что она будет делать, когда встретит своего дьявольского папашу? Он уже открыл было рот, чтобы спросить её, но...

— Ух-ты, пух-ты! Гляжу, Матюша наш очухался?!

Матфей дернулся от неожиданности. Егорушка оказался совсем рядом и доброжелательно улыбался ему своей сладенькой улыбочкой.

— Постарайся в рученьки себя взять и не портить тут температуру, — назидательно помахивая указательным пальцем, попросил старикашка.

Матфей в бешенстве посмотрел на него. Встал и зло выдавил:

— Какого черта ты со мной сделал, старый пень?!

— Настоечку дал — никакой химии, не бойсь! Исключительно с заботой о тебе родимом, чтоб ты успокоился, отдохнул. Ну, вот зачем ты так опять?

В лицо Матфею дунуло жаром. Всё вокруг зашипело. А через мгновение пещера перевернулась и в глазах потемнело.

Варя охнула, попыталась придержать Матфея, чтобы он не ударился головой, как в прошлый раз. Но Матфей оказался слишком тяжелым и рухнул на неё, придавив Варю своим телом. Она пискнула. Серdito сверкая глазами на подхихикивающего старика, с трудом вылезла из-под парня.

— Зачем вы так? — в сердцах укорила она.

Матфея было и жаль, и обидно за него. Его специально дразнили, а потом так грубо усыпляли.

— Выбора у нас нет, Варенька, — вмиг сделавшийся серьезным, вздохнул старик. — И настойка, кстати, тоже закончилась. Поэтому нам должно поскорее что-то решить. Мы тут с детками моими покумекали и разумели, что тебе необходимо вызвать Люцифера в ад.

— Но я не могу! Я не знаю как! — испугалась Варя.

— На самом деле знаешь, моя милая, просто надо вспомнить. Сядь вон там, в уголке сосредоточься. Он нам ну очень нужен, Варенька. И тебе — тоже.

— Мне — не нужен... Я не хочу, — заупрямилась Варя.

— Ой, да разве? Не лукавь, милая, будь честна с собой.

— Он бросил нас тогда с маменькой, — заметила Варя, предъявляя свой главный аргумент. — С чего вы решили, что сейчас он откликнется на мой зов?

— Потому что он никогда вас не бросал. Наоборот он безумно любил твою маменьку. Может, и зря я тогда вмешался. Попросил Михаила рассказать Софье Александровне, что её возлюбленный дьявол — воплощение зла и пороков, и велел укрыть вас от его взора в родовом имении. Но даже под покровом вы с ним всегда чувствовали друг друга, и он почти нашел вас. Несмотря на все мои усилия, он бы пришел к вам, если бы они не пришли первыми.

— Зачем же вы все это сделали с нами?! — ужаснулась Варя.

Она вспомнила мамины страдания: её слезы, её боль. Маменька верила, что дьявол придет за ними, чтобы отомстить, и утащит их в ад. И вместе с тем, продолжала горячо любить Люцифера, хотя и боялась его до смерти. Она каждый день вытравливала из себя любовь самобичеванием.

— Боязно мне было, — признался старик. — Душа твоя — парадокс, не должно было быть такой душе. Я испужался, но Адам и Ева в Эдемсе испужались тебя еще сильнее. Ведь ты дитя двух миров, ты могла свободно перемещаться из мира людей в Эдемсе. А это даже мне не под силу. Страх толкает людей на страшные вещи.

— Но ведь я ничего плохого не делала, — с болью прошептала Варя.

Мучительно было осознавать, что все случилось по её вине, куда не глянь, во всём виновата она и только она. Ведь если бы она не родилась — ничего бы этого не случилось.

— Мы все были уверены, что сделаешь. Так и вышло. Хотя, так вышло, только потому, что многие чересчур сильно в это поверили. Давай, Варенька, времени у нас мало.

— Но что я ему скажу?! Мама, она...

— Варя, твою мать пожрал Хаос — не ты. Мы все здесь погибнем. Почти все демоны заражены пустотой. Они разорвут нас в клочья!

— Они же не нашли нас еще...

— Это вопрос времени. Как только они нас найдут, то Хаос пожрет и тебя, и меня, и вон его, — старик указал на спящего Матфея, — и его болтливого друга. — А ты уже познала, что такое быть частью Хаоса — быть ничем, ничего не чувствовать — кроме вечного голода и хладного равнодушия! Я был там, я был там вечность. Я вышел из Хаоса — он мой родитель. Но я не вернусь туда, девочка! Родители должны отпускать своих детей. Зови, Люцифера!

По лику старика поползли тени. Варя попятилась — вовсе не старик это! Это первородное дитя Хаоса. Не добр он и не зол. Он Бог. И лик его страшен, и лик его невыносим. Даже для неё, носившей в себе Хаос больше ста лет, вынести истинный лик Бога нестерпимо, невозможно... Мучительно, больно, страшно...

Варя заставила себя выпрямиться и посмотреть в провалы древних глаз. Она княжна, она должна стоять прямо, даже если ее пытаются сломать. Даже когда её ломают. Она не станет бояться. Страх и боль не подчинят её себе. Больше никто и ничто не подчинит её себе. В ней нет опор — нечего ломать.

Она выдержала взгляд Бога. Выдержала Его взгляд в себе. Бог отвел глаза первым, и пристально уставился ей за спину.

Варя повернулась туда, куда так вьедливо смотрел Бог.

Матфей спал. Во сне его лицо смягчилось, сделалось по-мальчишески открытым, светлым и незащищенным. Дышал он ровно, а на лоб упала кровавая прядь его чудесных волос. Хотелось убрать волосы с его лба, и, вместе с тем, это желание казалось постыдным, глупым и смущало Варю.

— И его он тоже пожрет, — едва слышно, не размыкая древних губ, сказал Бог. — Он станет пустотой. Выбирай, деточка.

Отвернулся и ушел к своим демонам.

Варя судорожно вздохнула. Позвать отца значило окончательно уничтожить себя в глазах Матфея. Страшно было даже представить, как отец задаст ей неизбежный вопрос о судьбе её бедной маменьки. Ведь ей придется признаться, что она стала причиной и следствием тех мучений, которые выпали на долю маменьке. Варя знала, что как только она во всем сознается, станет очевидно какое она на самом деле чудовище, и тогда Матфей и отец отвернутся от неё и заклеят позором. А этого она не вынесет...

Но еще страшней было представить, как Матфея поглотит бездна. Варя и сама не понимала, отчего ей так больно даже мысль допустить о том, что он будет страдать, что он исчезнет. Но времени, чтобы разобраться в себе не оставалось, нужно было решаться, и она выбрала Матфея, потому что не могла выбрать иначе.

Варя ушла подальше от всех. Села в уголок и стала думать.

Отец приходил к ней во снах — значит нужно расслабиться, забыть о тяжести своего существования и сосредоточиться на чем-то отвлеченном и вместе с тем очень близком. Пусть это будут две золотые монеты. От монет идёт свет. Он растекается и заполняет собой все вокруг. По ту сторону света виднеется силуэт. Он вырисовывается на свету все четче, все явственней, альбиносом с глазами сиреневого цвета. Она тянется к нему, но он отмахивается, как от назойливой мухи. Варя не впускает в себя обиду, а повторяет попытки снова и снова и, нащупав брешь в его защите, быстро шепчет ему на ухо:

— Папенька, ты нужен дома. Ты нужен нам.

Грубый мужской хохот, приглушенный свет. За сотню лет здесь ничего не изменилось. Неизменно — стойка, бармен, рюмка водки и пьяный монолог. А всё новое от лукавого, все эти коктейли, громкая музыка и дикие танцы под софитами, такие места лишь притворялись барами, а на деле воплощали людскую глупость и суету.

Рюмка, стойка, бармен, иногда бильярд, всегда пьяный монолог о своей потерянной женщине. Любой город хорош, если в нем есть такой правильный бар. И здесь он был, и все в нем было привычно и понятно.

Но все-таки что-то свербело, от чего даже водка — поперек глотки вставала. И монолог не клеился, вернее, клеился не так как всегда.

Проклятый Михаил! Вечно он все портил! Не зря Люцифер блокировал его зов и избегал встреч с ним все эти годы. Вечно братец лез в его существование. В его, ставшее, наконец, понятным за сотню лет бесплодных поисков, существование. Стойка, бармен, рюмка водки, монолог в пустоту и ничего лишнего.

После разговора с Михаилом было не просто гадостно, но еще и тревожно. В голове появился противный, навязчивый шум. Такой же звон колотил по мозгам, когда у него забрали Софью. И вот опять звенело, тянуло куда-то.

Когда-то давно он откликнулся на этот зов. По ниткам бытия находил душу маленькой беловолосой девочки. Девочка повадками, манерами и чертами лица напоминала ему Софью, а цвет глаз был его. Она оборачивалась забавным дракончиком с милым сиреневым пятном на носу, и он учил её летать. Но то был сон, мираж. То была мечта. У него тогда после потери Софьи случилось много мечтаний, перерастающих в галлюцинации и навязчивые идеи. И только водка сумела вылечить его.

Этот звон, он знал, навеян выдумками Михаила, братец разбередил старые раны, и теперь они кровоточили. Но нельзя позволить Богу вовлечь себя в очередную игру. Нет, он будет сам по себе. А звон нужно срочно глушить, пока опять не заблудился в своих иллюзиях.

Ему просто нужно опохмелиться. Нужно опрокинуть в себя рюмку. Горло обожжет тепло, оно разольется по груди, затуманит мозг. И эта тяжесть, что сдавливают грудь до адской боли, польется из него пьяными слезами и бессвязными разговорами с барменом или с посторонними собеседниками, что посмеивались в кулак над его рассказами.

Решившись, он протянул руку к стопке. Но звон шибанул так, что он вскрикнул и упал с высокого стула. От оупляющей боли стал кататься по грязному полу, сопротивляясь этому звону, пытаясь вытолкнуть его из себя.

Он все-таки смог встать и доковылять до выхода из бара, толкнул тяжелую дверь и вышел на воздух.

Вечерело. Накапывал дождь. Люцифер сделал несколько шагов, но его вновь скрутило. Он осел прямо в лужу. Пытаясь бороться, он корежился в грязи, но жуткий звон раздирал мозг еще настойчивей.

— Папа, папа, смотри! — раздался детский голосок совсем рядом с Люцифером. — Тут, кажется, дяденьке плохо!

— Не подходи к нему, дочка, он просто пьян! — строго велел мужчина.

Из ваты внешнего он выхватил слова: «папа» и «дочка».

Что эти слова значат для него? Что если она есть и нуждается в нём?

Он перестал сопротивляться, мышцы обмякли. Звон перетёк в шепот о помощи.

— Папенька, ты нужен дома! Ты нужен нам!

— Ну что? Получилось? — нетерпеливо спросил Азазель — этот демон отличался кошачьей улыбкой и кошачьей грацией. А еще поразительным высокомерием и нетерпеливостью.

Впрочем, сейчас все демоны вели себя крайне нетерпеливо и, столпившись возле Вари, они устроили ей допрос с пристрастием. Наверное, все дело в том, что от ответа зависела их жизнь. И они все очень трусили.

— Я не знаю, — в который раз раздраженно объяснялась Варя. — Я вроде бы почувствовала его, но он мне не ответил.

— Нам надо уходить! — решительно заявил Вельзевул. — Здесь больше оставаться нельзя.

— Но куда мы пойдем? — загудели остальные демоны.

Варя тоже уходить не хотела.

— Мы пойдем как можно глубже и как можно скорее, — непреклонно заявил Вельзевул. — Чем ближе к ядру, тем зараженные слабее. Верхние круги они уже все проели. Они приближаются и очень быстро.

— Но если я правильно поняла, — поежилась Варя, — чем ближе к ядру, тем мы глубже в аду? И, следовательно, дальше от выхода?

— Да, ты правильно поняла, — высокомерно улыбнулся Азазель, своим кошачьим оскалом, явно с целью смутить её.

— Тогда, даже если мне удалось вызвать пап... Люцифера, — продолжала Варя, проигнорировав заносчивого демона, — он не сможет найти нас, и зараженные нападут на него по дороге. Он не дойдет!

— Ты, Варенька, плохо знаешь Люцифера, — ободряюще улыбнулся ей Белиал, обозначив на скулах паутину. После того как он узнал, что Варя дочь Люцифера, он стал относиться к ней намного теплее.

Варя взволнованно огляделась вокруг в поисках поддержки Всевышнего. Но Егорушка, полностью отстранившись от происходящего, приспокойненько делал зарядку в другом конце пещеры. Помощь пришла, откуда не ждали.

— Она права, — вздохнул Вельзевул. — Я останусь и подожду Люцифера здесь. И, если он придёт, мы найдем вас и выберемся отсюда вместе.

— Вельзевул, это самоубийство! — горячо возразил Белиал. — Они найдут тебя, и ты сам знаешь, что они с тобой сделают!

— Я рискну! Это наш единственный шанс спастись, — распахивая за спиной прозрачные крылья, покачал головой Вельзевул. — А вы поспешите. Мы и так здесь порядком задержались, а зараженные уже совсем близко.

Вспышка 4. Черт знает какой рай

В дождевых каплях отражаются осколки облаков. Они разбиваются тяжелыми ударами о землю.

Когда умираешь, мир открывается тебе заново, когда рождаешься — заново в тебе затухает. Он милостив, он знает, что носить его в себе тяжкое бремя. Поэтому, впуская в мир, мир оставляет в тебе лишь слепок, лишь тень своего величия. Чтобы ты мог принимать его, не травмируя своего «Я», шаг за шагом, проживая дни.

Так происходит, пока ты не станешь чем-то большим, чем ты есть. Пока не ощутишь себя неотъемлемой частью этого мира. И под занавес он раскроется в тебе, а ты — в нём.

Аня ещё не прожила отмеренного срока. Она не успела принять в себя мир, мир не успел созреть в ней, и сейчас он обрушился на неё своей мощью, придавив всей тяжестью бытия.

Свет пронзал наготу. Беззастенчиво пронизывал всю её суть. Буравил, будоражил. Все внутри зардело от стыда. Стыд. Будто она оказалась посреди площади голая, и тысячи взглядов устремились в её незрелость, слабость, пороки...

Хотелось спрятаться. Она закрылась руками. Сжалась в комок эмбриона.

— Хватит, — прошептала свету. И он услышал. Взгляд его притупился, но остался в ней. — Пожалуйста, не надо!

— Расслабься. Прими его в себя. — Голос знакомый, но из-за смущения Аня никак не могла опознать говорящего. — Ты еще не достигла просветления. Но именно твой свет смог вновь зажечь рай. Открой глаза.

Свет током бил по нервам даже сквозь закрытые веки. Как же больно будет впустить его в глаза. Больно и стыдно открыться ему.

— Я ослепну.

— Да. Чтобы увидеть, иногда нужно ослепнуть.

— Я боюсь.

— Боишься ослепнуть?

— Боюсь увидеть то, что увидело меня. Мне стыдно.

— Аня, у тебя нет времени думать о своем стыде. Ты слишком серьезно к себе относишься! — строго сказал голос над ней. — Твой стыд лишь тень света. Тебе нужно стать светом, быть сильной и отбросить эту тень, чтобы спасти всех нас.

— А если не хочу спасать? Мне так хочется просто жить, — стыдливо призналась Аня, но от этого признания стало легче.

— А что значит просто жить?

— Значит жить...

— Жить всегда значит жертвовать. И ты это знаешь, солнышко.

Усилием воли Аня смогла переключить внимание от своих несовершенств в свете, на голос мамы. Её голос с её интонациями, с её певучестью, родной мамин голос.

— Мама? Я умерла? Где я?

— В раю.

— А рай есть на карте нашего города?

— Только на карте неба. Ты в самом сердце солнца, дорогая.

— А почему, если я в раю мне так плохо?

— Потому что это еще не конец твоего пути. Твой путь только начинается. Ты ключ к спасению — ты особенная.

— Хочу быть как все.

— А все мечтают быть особенными.

— Мама, я сплю?

— Нет, ты проснулась. Расслабься, Аня. Открой глаза.

Мамино присутствие успокаивало. Придавало сил. Аня перестала бороться со светом и задышала носом: «вдох-выдох», так их учили дышать в меде, в случае непредвиденных панических атак. Медленно стала разжимать, стиснутые в крепкие кулаки, пальцы. Попыталась приоткрыть глаза и вновь судорожно зажмурилась.

— Мама, я не могу, оно меня слепит, — слезы потекли из-под закрытых век, и опять захлестнула удушающая волна стыда.

— Бедная моя девочка, мы верим в тебя, — ласково вздохнула мама. — Как жаль, что у нас совсем нет времени. Ты сможешь... Он уже здесь. Тебе нужно открыть глаза и найти его. Собери волю. Ты не представляешь, какая в тебе сконцентрирована сила.

— Кто он? Кого мне нужно найти?

— Того, кого ты привела следом. Тебе нужно найти и уничтожить его.

— Я не понимаю, мама. Кого мне нужно уничтожать? Я не умею уничтожать.

— Того, кого не должно было существовать — нефилима. Ты орудие света, ты наш последний шанс. Ты была создана для этой битвы.

Из памяти всплыли библейские образы исполинов.

— Дитя падшего ангела?

— И женщины, что он пожрал.

— Значит, мы с ним похожи... — на выдохе прорвалась заостренная боль.

Свет поежился и отполз, освободив для Ани немного личного пространства, что дало возможность перевести дух.

— Нет, Аня! — горячо возразила мама. — Нет, вы не похожи с этим мальчишкой! Ты несешь свет. Ты должна была жить, а я должна была умереть, чтобы твой свет пробудился. Илья же несет в себе хаос и пустоту этому миру.

— Илья? — имя отозвалось нежностью. — Нет, мама. Илья не может быть здесь. Я спасла его.

От осознания, что она спасла Илью, свет вернулся. Но уже не жалил с такой яростью, а наоборот — согревал.

И сердце пропустило удар от воспоминаний о нём.

— Он здесь и твой долг... — мама оборвала себя, в голосе нарастала тревога. — Момент истекает. Я ухожу. Открой глаза, Аня!

Как же Илья может быть здесь, если он жив и быть здесь не может? Нет, так она ничего не поймет.

Аня, преодолевая себя, расслабилась и на выдохе подняла веки.

Свет полыхнул болью. Она ослепла! И ослепнув, прозрела. В ней развернулся рай. От чего все внутри замерло, а затем ухнуло, как при спуске с американских горок.

Вокруг и в ней горело солнце. Рай ощущался в каждом дереве, в каждой травинке, что мрели вокруг искрящейся золотой пылью, переливаясь алмазной крошкой.

В шаге от Ани, сотканный из золотой пыли силуэт мамы. Родные черты в ореоле света.

Мама улыбнулась. Коснулась светом Аниной щеки.

Стало легко и радостно. Аня улыбнулась в ответ всем существом откликнувшись на тепло и нежность. И ощутила в себе опору.

— Мама, не уходи.

— Верю в тебя. Ты все преодолеешь, доча. Я рядом. Он в долине ангелов, спеши.

Образ мамы дрогнул. Качнулся перед Аниным лицом в прощальном жесте. Свернулся в маленький золотой комочек и, взвившись вверх, встроился в окружающую золотую пыль, став неотделимой частью рая.

Аня сквозь слезы, замирая от благости и щемящего восторга, чувствовала рай. И ей тоже хотелось обратиться в золотую крупицу и стать частью этого прекрасного места. Но Илья был здесь, а это значило, что её путь еще не закончен. Это значило, что она должна идти туда, не зная куда — в долину ангелов.

«Я» — это не «Я»!

(Отрекается от себя).

Всего только сосуд.

Сосуд пустоты пуст.

Меня нет, но «Я» есть.

Что ты есть такое?

Человек, который нёс пустоту.

Свет. Свет жег, бил, кололся, слепил. Свет причинял боль. Илья не противился. Наоборот, раскрыл глаза как можно шире и жадно вглядывался в свет. По щекам текли слезы, но на губах застыла блаженная улыбка.

Время растянулось в приятных муках. Он проживал свою жизнь снова и снова. На этот раз все происходило одновременно — прошлое и будущее в едином настоящем. И он был способен чувствовать — он сопереживал, боялся, любил, ненавидел, но ничего не мог изменить.

Через боль, через страх, через отчаяние, через ненависть к себе, через любовь к близким — он ощущал всю полноту жизни. От боли всю суть выворачивало наизнанку, он крутился, как червяк в свете радиоактивных лучей. Это было, как раскаленным железом до мяса, как выдирание ногтей, как оргазм. Он кричал, стонал, плакал, смеялся. Он не хотел кончатся и вместе с тем хотел кончиться.

Илью потрянуло, и он вырвался из себя. Отвлекся на внешнее. Его куда-то тащили, ухватив за голеностоп. Израненное о камни тело жгло, саднило. Физическая боль отвлекла от душевной.

Он стал примечать сквозь марево предгорную каменистую местность, только цвет почвы золотой с алмазными вкраплениями, и небо, сотканное из сияющих крупинок света. Красиво, аж, дух замирает, а раньше он и не заметил бы. Волок его какой-то странный парень, рядом шли другие странные парни. А чем странные? Этого Илье никак разглядеть не удавалось.

Он хотел уже попросить, чтобы ему, как VIP клиенту, предоставили более комфортабельные условия передвижения, но на очередном выступе его подбросило и с силой ударило о камни. Он приложился головой и упал в темноту.

Очнулся и со всего маху врезался в свет, аж, внутри зазвенело. Захрипел.

Совсем рядом невнятно бормотали эти странные, что тащили его за ноги. Смысл упорно ускользал от Ильи. Он напряг волю, перестав вслушиваться в свою боль и тонуть в жалости к себе, сосредоточился на разговоре.

— Ну, и что дальше, Михаил? — с какой-то птичьей интонацией испуганно поинтересовались над Ильей. — Что мы с этим будем делать?

— Тварь нужно уничтожить! — уверенно отрезал тот, кого звали Михаил.

Илья попытался рассмотреть говорившего парня, но свет не позволил.

Что под тварью подразумевают его, Илья ни секунды не сомневался. А вот в самой идее уничтожения — усомнился.

Почему-то от мысли, что его совсем не станет, сделалось неприятно. Раньше было пофигу, а сейчас, когда от боли дышать невозможно, когда внутри все рвется на части — стало не пофиг.

Но он и так, вроде как умер. Птичкин залепил ему пулю ровно в сердце.

Илья помнил, как ему прожгло грудь. Или это глюки? Может, он в больнице обколотый какой-нибудь наркотой валяется, а врачи — хотят его добить.

А врачам-то это зачем?

Однако Илья подозревал, что причин добить его у каждого человека на Земле нашлось бы в избытке.

— Это невозможно, Михаил, мы же в раю, — подхватил довод Ильи еще один голос.

Хотя про рай, конечно, взял лишка — Илью бы в рай никто не пустил. Тогда где он?

— У нас нет оружия, которое могло бы уничтожить, — добавил голос с птичьими интонациями.

— У меня есть копьё, Гавриил, — задумчиво отозвался Михаил.

— Копье судьбы может только изгонять из рая. Оно не способно уничтожить, — весомо возразил ему Гавриил.

Илье померещилось, что у этого Гавриила нос похож на клюв и глаза, как у воробья, а на башке растут перья. Сочетание вышло гаденьким, и этот трип его поднапряг. Он отогнал от себя искаженный образ недочеловека.

— Это прежде оно не могло уничтожить. Я изменил его природу, — через усилие признался Михаил, все молчали, и он, словно оправдываясь, с волнением продолжил: Я давно понял, что что-то идет! И благодаря этому мы сможем защитить себя!

Тишина. Напряженная сухая тишина. Илья уже подумал, что пора бы вклиниться в разговор — в конце концов, решалась его судьба и надо объяснить этим сомнительным личностям, что он не прочь еще пожить. Но все тело парализовало. Он не мог пошевелить даже пальцем, не говоря уже о том, чтобы выступить в защиту своих прав.

Тишина, наконец, лопнула робким вопросом:

— Михаил, брат, насколько это оправдано? Отче...

Голос Михаила яростно зазвенел, перебив робкое возражение.

— Отче здесь нет! Он бросил нас в самый трудный час! Рай умирает! С ангелами творится не пойми что! Вы видели, во что обратились наши братья?! Лишившись рассудка, они пожирают плоть друг друга! Мы совершенно беззащитны перед этими напастями. Чтобы защитить наш дом, я создал это оружие! Мы должны защищаться!

— Всякое оружие создается для защиты, но природа его такова, что оно неизбежно несет в себе силу разрушения, — заметил Гавриил. — Это зло, Михаил! А зло не может

защитить добро.

— Именно поэтому добро давно вымерло. Остались только мы! И мне безразлично, какой ярлык на нас навесят! Братья, очнитесь — это война! Мы или погибнем, или научимся бороться!

До Ильи медленно стало доходить, что спор как будто ведется вовсе не от лица людей. Его трипы вытекали из библейских сказаний об ангелах. По крайней мере имена и ярко выраженный пацифизм были очевидны. И как только он осознал эту мысль — свет перестал слепить, и он смог разглядеть столпившихся вокруг него существ получше.

Надо сказать, он иначе представлял ангелов. Всего их было восемь. Внешне они были похожи на людей, разве что ростом выше. Однако в каждом присутствовала какая-то неправильная черта. И эта неправильность искажала человеческий облик настолько сильно, что их невозможно было спутать с людьми: птичий клюв и перья на голове, или глаза рыси в комплекте с кошачьими ушами, или плавники, жабры и чешуйчатые щеки, а у одного даже оленьи рога и шерсть на щеках росли.

Из них только Михаил выходил более или менее по канонам: белые кудри, золотой нимб над головой, голубые глаза с желтым ободком вокруг зрачка. Михаил кого-то смутно Илье напоминал, но кого — он никак не мог сообразить.

На счастье Ильи соглашаться с Михаилом никто из собеседников не спешил, но и особо возразить ему, по всей видимости, было нечего.

— Хорошо, пусть ты прав Михаил, пусть мы на войне, — по-кошачьи выступил вперед ангел с глазами рыси. — Но кто наш враг? Эта юная человеческая душа? Глядя на него, я не могу в это поверить!

— Рафаил, это не человеческая душа! — прогремел Михаил, нимб над его головой пыхнул светом. — Вы все видели, что именно он был источником ползущей по миру заразы.

Холодный наконечник копья коснулся груди. От него по телу поползло онемение. Илья впервые был так беспомощен. Все в нем рвалось сопротивляться, бороться, но эти естественные потуги не могли найти выхода, от чего хотелось выть. Как той ночью, когда они с Аней сидели у окна, и он подвывал её горестям, которым сам же и был причиной. Если бы вернуться туда, в ту ночь — увидеть её, обнять, вдохнуть запах и...

— Но то было прежде, на Земле. Сейчас же смрад исчез! — вертикальные зрачки Рафаила расширились, и глаза теперь угрожающе посверкивали, на пальцах показались когти, верхняя губа дернулась, обнажая клыки. — Почему ты отказываешься это видеть?! Эта душа отличается от остальных, но она чиста — иных рай не принял бы! Убери копье!

— Рай сломан, а это обман! — возразил Михаил, в ответ на угрозу лишь надавив на копье сильнее. — Я так долго искал того, кто повинен во всем этом, что не дам себя запутать!

— По всему раю неизвестной болезнью заражены тысячи наших братьев, — примирительно вступил в спор оленерогий. — В этой же душе нет больше бездны, мы не должны уничтожать её. Нужно узнать, как она излечилась от заразы.

Ангелы дружно закивали.

Михаил убрал копье, всем своим видом выражая протест против воли большинства.

Это могло бы быть шансом Ильи, но он понятия не имел, о какой заразе идет речь, и как он сумел от нее излечиться. Ангелам же оказалось достаточно одного взгляда на него, чтобы понять это и разочарованно покивать на неудачу.

Спор возобновился.

Слово опять взял Михаил, хотя тактику на этот раз выбрал иную, решив подвести к своей правде с другой стороны.

Илья оценил софистский подход к диспуту — сам любил такие приёмчики.

— Когда-то давно, когда все мы были юными и наивными, мы жили в Эдемсе в мире и согласии с падшими. Как вы помните, тогда я был особо дружен с Люцифером. Мы с ним придумали одну игру, — заговорил Михаил, обращаясь ко всем и ни к кому одновременно. — Помните, отче рассказывал нам миф о титане, которого звали Прометей? И о том, что тогда значили сила воображения и сила слова, которыми могли останавливать солнце и разрушать города?

— Эти силы, мы потеряли, когда изгнали Люцифера и всех тех, кто последовал за ним, — горестно закивали остальные ангелы.

— Да, — продолжил Михаил. — В те времена мы с Люцифером ради забавы испытывали друг друга на прочность. Одним из таких потешных соревнований было приковываться по очереди к скале и терпеть муки от орла, клевавшего нашу печень. Обычно Люцифер всегда был на шаг впереди меня, но не в этом — на скале я держался дольше. Я воображал себя тем, кто принес людям огонь, тем, кто страдает за этих милых детей — Адама и Еву, которые жили тогда с нами в Эдемсе. Люцифер как-то признался, что он не может страдать за людей, что люди ему не нравятся.

— К чему ты рассказываешь нам об этом?

— К тому, что я самый главный заступник душ человеческих. Всегда им был. И то, что я вижу перед собой — не человек. Поверьте мне. Нет у людей таких душ! Это монстр. Он скармливал другие души той дряни, что внутри него. Это морок! Подумайте братья.

Но подумать о сказанном братья не успели. Почву качнуло легкое землетрясение. Раздался пронзительный звук, одновременно похожий на крик чаек и волчий вой. От этого звука душа смерзлась. Ангелы замолкли, засуетились, стали судорожно вглядываться в горизонт.

— Они близко — прошептал одними губами Гавриил.

Его зоркие птичьи глаза видели дальше других, и то, что показала ему даль, повергло ангела в ужас.

— Надо уходить! — с нотками паники подхватил чешуйчатый.

Остальные растерянно стали переглядываться друг с другом.

— Но как быть с душой мальчишки? — наконец, озвучил причину всеобщего смятения Рафаил. — Он не сможет уйти с нами — он еще недостаточно чист и светел для центральных земель рая! И наше присутствие сковывает его.

— Но и оставить его здесь им на растерзание слишком жестоко! — с патетической категоричностью возразил оленерогий.

— И что же ты предлагаешь, Уриил? — раздраженно поинтересовался Михаил, и в этой манере, в этой вопросительной интонации Илье опять почудилось что-то до боли узнаваемое. — Остаться здесь, чтобы нас растерзали вместе с ним?

— Если мы бросим его здесь, то... — возмущенно набычился Уриил.

— То у него будет больше шансов спастись, — вступил в перепалку Гавриил, неожиданно оказавшись на стороне Михаила. — Пока мы здесь, душа парализована нашим светом, когда мы покинем это место, мальчик сможет хотя бы попытаться спрятаться. В тех скалах, например, если мы поторопимся, у него есть шанс успеть добежать до них.

Ангелы помрачнели, но все же пришли к всеобщему согласию. Согласие у них

выразилось в распахнувшихся разом крыльях, которые сошлись у всех за спиной в дружном хлопке.

— Что ж, значит, наш спор разрешится сам собой, — подытожил Михаил, ничего в нем не выражало торжества, но Илье показалось, что он доволен, как по итогу все обернулось. — Это будет суд случая.

— Удачи тебе! — пожелал оленерогий Уриил.

На вид ему было чуть ли не меньше годков, чем самому Илье. Илья так сильно был впечатлен его рогами, что упустил из виду самое чудесное в Урииле — его взгляд. Взгляд, который выражал кротость и незащищенность, но вместе с тем — светлый разум и согревающую доброту. В такие глаза хотелось заглядывать бесконечно, чтобы почерпнуть в них силу и веру в себя.

— Беги, мальчик, вон к тем скалам, они укроют тебя, — еще раз проинструктировал Рафаил, по-кошачьи грациозно указав путь своей полурукой-полулапой.

Ангелы, взмахнув крыльями, быстро скрылись из виду.

Илья остался лежать на песке наедине с самим собой. По телу пополз неведомый прежде страх. Он ударил адреналиновым выбросом. Но найти выход разгулявшимся гормонам Илья по-прежнему не мог. Оставалось только ждать неведомо чего. Тело знобило, по коже сбегали капли пота, сердце стучало быстро-быстро.

Мысли крутились в разные стороны и вдруг нашли опору в одном — Аня. Тогда он тоже потерял контроль над своим телом, а она держала его голову у себя на коленях, ласково гладила по волосам, бормотала что-то нежное и щекотное.

Оковы спадали. Илья понял, что может двигаться. Он подскочил, голова слегка закружилась, но он, не обращая на это внимание, дал деру в ту сторону, куда ему указали ангелы

Горная гряда маячила далеко впереди. Сзади же на Илью что-то быстро надвигалось. Присутствие знакомой пустоты ощущалось спиной, подгоняло вперед. Он пару раз оглянулся, но ничего не увидел.

Илья быстро выдохся. Перешел сначала на трусцу, а потом и вовсе на шаг.

Горы приближались медленно. Он брел по золотому песку. Мысли крутились отвлеченные, далекие.

Где-то там, на краю жизни Илья держал Аню в своих руках. Она доверчиво жалась к нему, словно рыжий котенок. Её теплое дыхание щекотало ухо. Они танцевали. Музыка несла, кружила и не было ничего вокруг, кроме этой девушки, что маленькой звездочкой сумела озарить его тьму.

Только воспоминание об этой рыжей звездочке могли заставить продолжать передвигать уставшими ногами.

За спиной уже чудилось чье-то леденящее дыхание. Но Илья больше не оборачивался.

Он знал еще пару мгновений и мысль об Ане угаснет, и он обратится в небытие. Это отозвалось необъяснимой тоской и горечью. Он не хотел её забывать. Илья собрал последние силы и вновь рванул к спасительной защите.

Очнулся он уже карабкающимся в гору. Холодная хватка пустоты за спиной ослабла. Он, наконец-то, нашел в себе силы оглянуться — никого.

Сбитое дыхание отдавалось болью и свистом в груди. Сердце, стучавшее в висках, медленно выравнивало ритм.

На смену страху навалилась усталость. Ему хотелось просто лежать и не подниматься и

безразлично, что там будет дальше. Но прежде нужно было найти место, где можно спрятаться.

Как раз недалеко от него, между скал, померещился темный проход. Он поднялся и осторожно полез туда. Пару раз оступился, едва не свалившись вниз. Падать пришлось бы долго. Присвистнул от удивления, что сумел так высоко взобраться.

На входе в пещеру его уже ждали. Михаил грозным изваянием преградил путь. Архангел на голову возвышался над Ильей, хотя сам Илья на рост никогда не жаловался, будучи далеким от среднестатистического большинства.

— Добежал значит, гаденьш? — неприветливо встретил его Михаил.

Смотрел Михаил брезгливо, изучая, с неприкрытой ненавистью. Как будто у него было что-то личное к Илье, хотя фанатики тем и отличаются от нормальных людей — каждый чих принимают на счет своих убеждений.

Илья слишком устал, чтобы испугаться по-настоящему. В этой ситуации он понимал, что сделать все равно ничего не смог бы, поэтому он сделал единственное, на что еще был способен. Улегся на входе в пещеру, прямо перед приставучим Михаилом.

— Лежачего не бьют, так что извиняй, — лениво заметил Илья.

— Вставай! — повелительно прошипел Михаил.

Но Илья лишь подложил под голову ладонь и провалился в сон. Так бывает, когда набегаешься черт знает по какому раю.

Вспышка 5. Обитатели рая

Илья проснулся в пещере. Поморщился, так как, лежа на жестких камнях, отлежал себе спину.

Рядом сидел Михаил и хмуро разглядывал его. Опять физиономия архангела показалась смутно знакомой. Хотя такое лицо, если раз увидишь, потом хрен развидишь, поэтому странно, что Илья не мог понять, откуда оно триггерит.

Илья подобрал ноги и сел напротив Михаила. Позевывая в кулак, с вызовом поинтересовался:

— Думал, ты меня во сне пырнешь своей палкой. Что? Кишка тонка?

— Это было бы бесчестно! — возмутился Михаил, нимб над его головой опять замигал. Эта истеричная цветомузыка действовала на нервы.

— Зато эффективно, — пожал плечами Илья.

Он старательно отводил глаза, цепляясь за привычную манеру поведения, но теперь она была напускной, а там, внутри, клокотала непонятная мешанина пугающих его чувств, с которыми он никак не мог совладать.

— Я решил, что мой долг быть справедливым, — надменно, словно делая Илье великое одолжение в ущерб своему драгоценному времени, произнес ангел. — Даже мразь вроде тебя имеет право попробовать оправдаться.

— Спасибо, за столь великодушную возможность, — иронично поблагодарил Илья, но все же задал давно мучавший его вопрос. — Я тебя вроде не знаю. Камон, и что же мне вменяется в вину?

Михаил долго молчал, нимб над его головой ярко пыхнув светом, ослепил Илью, и притух. Ангел тихо процитировал:

— **«Ты можешь, как мальчишка, Сбивающий репы, Крушить дубы и скалы, Но ни земли моей Ты не разрушишь, Ни хижины, которую не ты построил, Ни очага, Чей животворный пламень Тебе внушает зависть»**[1].

Илья скривился, только метафоричных красотостей их странной беседе сейчас не хватало.

— Окей, тебе так не понравилась моя маленькая революция? Это лишь значит, что ты не такой филантроп и гуманист, как сам о себе думаешь. Это ведь сущность человека — нести друг другу страдания и разрушения. Не я это придумал, я лишь подтолкнул их, — попытался наобум оправдаться Илья.

Илья знал за собой эту вину. Однако не успел договорить, как понял — не то двигало архангелом. Мало ли сколько это древнее существо повидало на своем веку революционеров. В истории были персонажи и куда хуже, пролившие реки крови и сотворившие такие дела, что Илье до них было, как до Москвы раком. Причина ненависти архангела была какая-то другая более личная, более значимая... Но что он, Илья, мог такого сделать архангелу?!

— Что ты можешь знать о сути душ человеческих?! Ты ошибка мироздания, моя личная ошибка — с раздражением выдохнул Михаил. — Тебя не должно было быть... Ты... Ты — урод. Я наблюдал тебя за несколько недель до твоей смерти. Ты принес за собой хаос. Бездну, что пожирает мир. Знал бы заранее — не дал бы тебе коптить свет Божий, а теперь все погибает по моей вине, если только не найду способ все исправить.

Илья поморщился — Михаил говорил путано и непонятно. Обычно так говорят, когда

человеком движут сильные эмоции, и он сам не может осмыслить толком своих мотивов. Но перед ним был ангел, а не человек.

Сила была на стороне Михаила — значит нужно играть по его правилам и продираться к сути его претензий, а там, возможно и договориться. Илья всегда умел договариваться, и сейчас это умение было как никогда кстати.

— Поздно, обезглавив революцию, ты лишь создашь для толпы кумира. Надо было раньше суетиться. А ты, любуясь небесными зефирками, упустил момент и проворонил приход антихриста, — цепляясь за такую знакомую ему язвительность, усмехнулся Илья.

Он специально и дальше продавливал отпавшую версию с революцией, чтобы Михаил, возражая ему, незаметно для самого себя открыл истинную причину своего желания поскорее расправиться с Ильей.

Так оно и вышло, но Илье не пришлось порадоваться победе — она внезапно обернулась поражением и отозвалась жгучей болью и горечью.

— Ты не антихрист, ты нефилим. Ты чудовище, которое пожрало душу собственной матери! — сквозь сжатые, мелкие зубы с ненавистью выплюнул Михаил. — По твоей вине она не попадет ни в рай, ни в ад, не переродится для новой жизни! Она распалась, и ее поглотил вечный Хаос на моих глазах.

— А тебе-то что с того?! — удивленно огрызнулся Илья.

Сделалось паршиво. Память услужливо подсунула ему воспоминания о маме. Нет, вспомнил он не ту измученную и состаренную его подлыми выходками женщину, а другую, юную и задорную, с теплыми руками и приятным голосом.

Она наклонялась к его манежу и, взяв игрушечных единорога и дракона, разыгрывала перед Ильей сцены давних сражений. Илья тогда еще умел смеяться победе доброго единорога над злым змием — великой победе архангела Михаила над силами зла. Тогда он еще умел ждать героя домой вместе с мамой.

Что же случилось потом? Как будто пелена безразличия упала на душу. Смутно вспомнился какой-то сад и черный ящик с бездной внутри. Но то был скорее сон, чем явь.

— Это и моя вина тоже, — с усилием признался Михаил и на его скулах заиграли желваки. — Я... Я любил ее иначе, чем других. Я не хочу перед тобой тут распалиться. Ты слишком ничтожен, чтобы понять. Но Мария. Она была другой. Мы были близки. Ближе, чем должно. Моя противоестественная любовь сгубила её.

Илья напрягся. Мысль заметалась в голове, но он никак не мог её ухватить. Пока она дрожью не прошла по всему телу. Вмиг подбросив его на ноги и заставив закрутиться по пещере волчком, чтобы хоть как-то успокоить эмоциональный всплеск.

Так вот кого ему напоминал все это время Михаил. Копию этого лица он наблюдал двадцать один год своей жизни в зеркале. Да и отчество у Ильи было Михайлович. Слова матери: «Твой отец — ангел» — приобрели новый смысл. Стало обидно за маму и себя. Захотелось закрыть голову руками, отмахнуться от этой догадки. В горле засадило, и на глаза выступили слезы, он поспешно сглотнул ком. Хотелось сказать Михаилу о чем-то важном, но о чем, он так и не смог сообщить, поэтому лишь зло упрекнул:

— Если так любил, что же не спас?! Отчего не был рядом?

— Если бы я знал, что моя любовь способна породить такое! Если бы я знал, что за существо у нее зародилось, как паразит во чреве. Я бы убил тебя во младенчестве. Но я не знал!

— Или не хотел знать? — с горечью покачал головой Илья.

Михаил подорвался с места и, яростно сжав кулаки, подскочил к Илье. Илья ответил напускным равнодушием, мол, бей. И Михаил вдруг отступил, сник, забормотал оправдываясь:

— Я не мог... Я должен был служить высшей цели... Тогда не понимал, что высшая цель и Мария — это одно и то же! Я не мог послушаться отца. Я думал, что если оставлю Марию, у неё появится шанс на новую жизнь, нормальную, человеческую, счастливую. Я не знал о нефилиме. Она мне не сказала, что беременна, когда мы прощались. Избегая дальнейшего искушения, я согласился, чтобы отче укрыл её от моего взора. Я был в неведении...

— И как же ты прозрел? — Илья слушал, и было так паршиво, что на каком-то моменте он просто абстрагировался и перестал пропускать рассказ через себя.

— Мир стал разрушаться. Рай умирал, а ангелы превратились в обезумевших чудовищ. Я искал источник и вышел на тебя. К этому времени Мария была уже мертва, а то, что осталось от неё, дожидала тварь, живущая внутри тебя. И хоть сейчас ты ловко замаскировал его, я знаю, что ты есть на самом деле!

Илья закрыл глаза. Хаос его души. Вспомнилась Аня, её робкая улыбка, её тепло и как он умер, убивая Лёху. А потом вновь маму и порезы на её руках. Измученную им маму. И он отчетливо ощутил себя тварью. Уже слишком поздно — этого не исправить, это невозможно искупить — он замучил и убил собственную мать.

От Михаила ему не будет пощады. Он уже приговорен, а это всего лишь условность. Церемониал, чтобы потом Михаил смог сказать себе, что все случилось по справедливости. Он настолько в этот момент все понял про Михаила и себя, что сделалось нестерпимо одиноко, так одинока может быть только тогда, когда подходишь к концу. Он, как загнанный в угол щенок, может лишь, доигрывая отведенную ему роль, побольней укусить напоследок свой хвост.

Он посмотрел на архангела сверху вниз и с ненавистью, адресованной и себе, и ему, выдохнул:

— Ты виновен не меньше меня. Если бы ты был рядом — все бы обернулось иначе!

— Да, я убил бы тебя намного раньше, выродок! — с ответной ненавистью заверил Михаил.

— Видимо весь в тебя пошел!

Михаил инстинктивно сделал шаг назад. Нимб над его головой нервно замигал, глаза налились тяжелым золотом. Он тряхнул головой и, умерив свою цветомузыку, процедил:

— Нет, ты ошибка природы. В тебе нет ничего ни от меня, ни от Марии. Ты сбой в мироздании.

Опять прокрутилась через голову вся жизнь. Итог её очевиден. Приговор вынесен — осталось только смириться. И нет разницы, что судья виновен не меньше, а то и больше самого Ильи. Это никак не искупит всего того, что сделал он. Не смоет кровь на его руках, не очистит совесть, не вернет тех, кто мертв по его воле. Стало так тошно, что выход, предлагаемый Михаилом, показался самым простым и правильным. Укол копья и нет его. И нет всей этой канители вокруг и внутри него.

— Так что же ты медлишь? — с издевкой поинтересовался Илья. — Разве она не заслужила, чтобы за нее отомстили, а не жевали тут сопли?! Я готов! Ну, где там твое копые?! Камон, хватит пытаться остаться чистеньким?!

— Без тебя разберусь, щенок!

Копье появилось в руках архангела, но тут же исчезло.

— И? — нетерпеливо поднял бровь Илья.

Вот сейчас он был готов, он этого даже хотел, но рука правосудия не спешила, а силы ждать его уже кончились.

— Теперь, я уверен в своей правде, — покачал головой Михаил. — Ты как-то замаскировал свою истинную суть.

— Ну, естественно, не всем же подряд её предъявлять, — насмешливо изрек Илья.

Он знал — отпираться бесполезно, бесполезно уверять, что он не понимает, что имеет в виду под истинным и ложным в его сути архангел. Смертный приговор давно вынесен и промедление — мучительно.

Но архангел его, кажется, уже не слушал. Нимб над его головой почти потух, как будто перегорела лампочка — он весь ушел в себя, очевидно решаясь на что-то. И сейчас Илья до рези в глазах узнавал в этом человеке себя. И то, что он в нем сейчас видел, не предвещало для Ильи ничего хорошего.

Михаил поднял на Илью взгляд. Илье показалось, что посмотрел архангел с жалостью и даже как-то виновато. Михаил покачал головой.

— Нет, я не стану тебя уничтожать, я верну тебя бездне, — вынес приговор Михаил, в руках архангела появились кандалы с цепями. — Ты отправишься в тот хаос, что породил. Это будет справедливо, а значит — даст надежду на спасение тем, кого ты погубил. Это вернет все назад.

Илья мало понимал, но много чувствовал, что выбивало его из привычного равновесия. Лишь одно было ясно наверняка: если Хаос — это то, что он ощущал в себе почти всю сознательную жизнь, то он ни за что не вернется в него по доброй воле. Быть уничтоженным это одно, но совсем другое — стать частью вечно голодной пустоты. Уж лучше боль и мука, уж лучше угрызения совести и ненависть к себе, но только не это.

— А если, я не захочу туда отправляться? — с вызовом спросил Илья.

Он уже решил для себя, что будет сопротивляться, а там, в пылу битвы может и заслужит добрый удар копьем.

— Я ожидал такой ответ, — раздался голос Михаила за спиной.

Илья не успел обернуться и снова ухнул во тьму.

Очнулся Илья прикованным к скале. Наверное, именно так себя ощущал распятый на кресте Христос. Мягко говоря — нехорошо. Голова трещала, во рту пересохло. Через усилие разлепил глаза. Картинка раскачивалась, а вид впереди открывался далекий от райских кущ. Сколько хватало обзора — до самого горизонта тянулись гниющие болота цвета ржавчины с редкими островками чахлах деревьев.

Однообразно скупой пейзаж нарушала лишь приметная коряга. Она причудливо изогнулась на горизонте в сухую шестипалую ладонь с переломанными пальцами. Неведомая сила прогрызла дыры в её ветхом теле, они смотрели пустыми глазницами прямо в душу. Готский пейзаж. Желания наблюдать это вечность и близко не возникало.

С трудом повернув голову, Илья увидел, что Михаил стоит рядом и задумчиво смотрит вдаль.

— И что? Кинешь меня здесь гнить от времени? — вышло сипло и испуганно.

— Нет, они скоро придут и заберут тебя. Пойми, у меня нет выбора. Дело не в личной

мести, я сумел бы найти в себе силы отпустить тебя, если бы это касалось только нас. Но я должен спасти этот мир. Должен исправить свою ошибку. Я в ответе за каждую душу человеческую и за каждого ангела небесного.

— Ты и маму, когда бросал, прикрывался долгом, — устало отмахнулся Илья. — Лучше бы уж был честным, хотя бы с собой!

Хамить, конечно, было не в интересах Ильи, но ему стало глубоко насрать на свои интересы. Им овладело безразличие почти сродни тому, что владело им всю жизнь, но вместе с тем совсем иное, вызванное скорее переизбытком эмоций, чем их отсутствием.

— Что ты знаешь о выборе, щенок? Ты всего лишь сбой — тебя не должно было быть вовсе. Я вижу тебя насквозь, сколько бы ты не притворялся — ты гибель этого мира!

Михаил нервно позвякивал связкой ключей. В какой-то момент они выскользнули из его рук и упали к скованным ногам Ильи.

Архангел наклонился и поднял связку. Долго задумчиво изучал её. Наконец, будто решившись на что-то, крепко зажал ключи в кулак. Поколебавшись, замахнулся и швырнул их вдаль. Покривленные пальцы коряги попытались ухватить неожиданный подарок, но едва ли ветхому дереву это удалось.

— Камон, и как оно? — съехидничал Илья. — Чувствуешь себя героем, архангел Михаил?

— Я страж этого мира. Бог поставил меня над людьми. Я в ответе за паству свою, — повторил он. — А для тебя это шанс искупить всё то зло, что ты принес. Возможно, искупив его, все те, кого ты пожрал вернутся в этот мир.

— И вы с мамой будете жить долго и счастливо.

— Нет, но Мария будет жить и будет счастлива. Впредь я не потревожу её душу, только бы она вернулась...

Михаил еще пару минут вглядывался в лицо Ильи, словно пытаясь что-то в нем узнать или запомнить.

— Мог хотя бы её глаза взять, — с горечью упрекнул архангел напоследок. — Прощай.

Развернулся и, раскинув крылья, оттолкнулся ногами от земли, набирая высоту.

— Прощай, отец, — с горечью пробормотал Илья и тут же сердито добавил, — сделал дело — гуляй смело. Тарас Бульба недоделанный.

Илья повыкручивал себе руки, пытаясь освободиться от оков, но лишь содрал запястья до мяса. Выругался, отводя душу.

Висеть на цепях, вглядываясь в надвигающуюся угрозу, то еще удовольствие. Но так как накануне Илья узнал о себе много нового — скучать ему не пришлось. В башке творился самый настоящий коллапс. Мысли метались, пытаясь, привычно разложить все по полочкам и вернуться к упорядоченному состоянию.

Первое, что необходимо было осознать и принять — это свою недочеловечную природу. Итак, он нефилим — чудовище, что пожрало собственную мать и устроило что-то вроде апокалипсиса.

Со вторым было сложнее, он никак не мог понять почему раньше он ничего не чувствовал, а сейчас чувствует все подряд. Михаил ошибался, Илья вовсе не притворялся — в нем что-то изменилось — что-то важное. Щелкнуло в тот самый момент, когда Лёха убил Аню.

Его прошиб холодный пот, капли медленно поползли по спине. Кожа покрылась пупырышками и мелкие волосинки встали дыбом.

Он поднял глаза. Вдали появились они. Серая масса текла в его сторону. Медленно, тягуче. Он сразу понял, что это. Он узнал равнодушное спокойствие и ненасытный голод, они были с ним всю жизнь, но он ни за что не хотел вернуться в это состояние вновь.

Огляделся по сторонам. Позвенел цепями. Покричал. Все без толку.

В нос ударил отчетливый запах серы и аммиака. Пульс участился, дышать стало тяжело — грудь сдавило болью. Вспомнилась симптоматика приступов панической атаки. Он закрыл глаза и задышал правильно, медленно расслабляя мышцы.

Единственная мысль, которая сумела в нём удержаться, кроме той, что ему хана, это мысль об Ане. Про маму думать было слишком горько, а вот Аня осталась в нем светом. Даже тогда, когда им владела пустота — она была для него важной, нужной. Он уцепился за неё. И она вытянула его из пучины отчаяния. Нестерпимо захотелось её обнять. Провести рукой по рыжим волосам, вдохнуть запах свежей осени, ощутить губами тепло и мягкость ее кожи. Хотя бы на миг ощутить её рядом. И тогда бы он был готов смириться с неизбежным.

Но нет — это самообман. Все было бы иначе — он сопротивлялся бы с удвоенной яростью, он нашел бы в себе силы сокрушить эту скалу. Он бы не смог насытиться одним мгновением с Аней. Он боролся бы за то, чтобы остаться с ней как можно дольше.

Запах тухлых яиц усилился. Илья открыл глаза. Серая масса приближалась. Стали видны искалеченные покореженные фигуры. Зомбаки — именно это голливудское сравнение подходило им больше всего — передвигали конечностями неестественно быстро и вместе с тем по-тараканьи отрывисто. Они двигались в полной тишине, лишь едва уловимое чавканье доносилось до Ильи. Сейчас он вполне мог бы поступить, как те психи из фильма «Пила», если бы у него эта пила была под рукой.

Чавкающая тишина становилась невыносимой. Илья припомнил, что орали солдаты перед боем, чтобы сбить ужас от несущейся навстречу гибели. Возгласить перед мучительным концом: «За родину! За Сталина!» или просто: «Урашеньки!» как-то не потянуло.

Илья решил, что если подышать, то с музыкой. Поковырялся в памяти, ища что-то пафосное, соответствующее моменту. И обнаружил, что в его репертуаре нет даже годных текстов, которые могли бы тронуть душу. Все знакомые песни — не песни — политические лозунги, а политические лозунги ему сейчас были ни к чему. Или танцевальный стеб в годной ритмике в духе: «*Я съел деда, в чем проблема?*».

Скоро его разорвут на части. Скоро он будет разрывать на части, и на границе угасшего сознания станет чужим сам себе.

Когда он уже совсем было отчаялся — из памяти всплыло что-то живое. В начальной школе, на уроках музыки престарелая учительница, восхищавшаяся вокальными данными Ильи — его чудесным тенором, каждый раз просила его в конце занятия исполнить ее любимую песню «на все времена»: «*Черный ворон*». Это сильно подбешивало одноклассников, за что Илью неоднократно поколачивали, но это его тогда совсем не трогало.

Илья напрягся, вспоминая слова. Прикрыл глаза, затянул:

— Чёрный ворон, чёрный ворон, Что ты вьёшься надо мной? Ты добычи не дождешься
Чёрный ворон, я не твой!

Как ни странно, напев подействовал успокаивающе.

Что там дальше?

Он открыл глаза, пытаюсь припомнить, и тут же снова зажмурился — от увиденного

затошнило. Серые, разлагающиеся зомбаки стремительно надвигались на него, попутно разрывая друг друга на части, так, что некоторые тела шли без голов и рук, а некоторые головы и конечности обходились без тел.

А вот как...

— Что ты когти распускаешь Над моею головой? Иль добычу себе чаешь? Чёрный ворон, я не твой!

Самое гадкое — Илья знал, что на него надвигалось, и это было страшнее смерти, страшнее полного забвения. Это сама бездна, сам голод, сама пустота. Он жил в плену этого всю жизнь. Наблюдая из клетки своего «Я» за тем, другим, пустым существом, управляющим его телом. Он видел, на что способно то, что к нему приближалось. Оно пожрет его. И его не станет. Он опять обернется в пустоту и голод.

И пусть сейчас его душу нещадно терзали боль, страх, стыд, ненависть, пусть эмоции путали мысли, сбивали с толку. Он не хотел потерять все это вновь. Он хотел жить и чувствовать жизнь во всей её полноте. Но не судьба ему... Ему не выпадет шанса обнять ту, которую любил, исправить сделанные ошибки. И от этого себя было жалко до слез.

Как-то там типо:

- Отнеси платок кровавый К милой любушке моей. Ей скажи — она свободна, Я женился на другой.

Сквозь рыдания, ему показалось... Точно показалось. Не могло такого быть. Хотя так чудно показалось... Родные руки на горячих, мокрых щеках. И хорошо, что именно сейчас привиделось, напомнило, что не совсем уж зря он жил. И хорошо, что Аня воображаемая, а не настоящая. А то, как бы он выглядел в её глазах, распутившим нюни, распеваящий жалостливую песенку.

- Калёна стрела венчала Среди битвы роковой.

Надо смириться. Надо прекратить себя жалеть. Так или иначе, но Михаил прав — он заслужил это. На нем слишком много смертей, с такой тяжелой совестью нельзя просто взять и начать все заново. С его грузом на душе дальше существовать просто невозможно. Хотя существовать все равно хотелось. Пусть через боль. Но и в беге его жизни был какой-то резон. Там была Аня. И мама...

Убитая и растерзанная им мама. Аня, которую он сделал несчастной и подтолкнул к гибели.

Но ведь не он. Не он убивал, а то что жило в нем!

Но ведь и не остановил того. Как слабак, подергался и сдался...

— Вижу, смерть моя приходит, — Чёрный ворон, весь я твой.

Что-то ощутимо мазнуло по щеке. От неожиданности Илья распахнул глаза и вновь не поверил увиденному. И вновь подумал, что ему напоследок явился прекрасный мираж, чтобы облегчить его уход.

— Илья! Да посмотри же ты на меня?! Илья! — требовала Аня, давая ему очередную оплеуху.

— Ты не можешь быть здесь! — замотал головой Илья.

Она не могла, но была здесь. Волосы растрепались. Раскрасневшаяся, теплая, живая Аня. Его Аня. От того, что она видела, как он мотал на кулак сопли и распевал похоронные песни — стало так тошно, что захотелось провалиться сквозь землю. Но вместе с тем по телу расплылась нежность, перебитая страхом. Ведь бездна уже совсем близко. Привыкнет ли он когда-нибудь к этой каше в голове?

— Какого черта ты тут делаешь? — резко оборвал он собственные метания.

— Илья, они уже близко! — скороговоркой заговорила Аня. — Мне нужно как-то тебе помочь! Надо тебя отцепить и бежать!

— Аня! Ничего не надо! Уходи! — как можно тверже приказал он, но голос подвел, дрогнул.

— Я уйду только с тобой! — категорично заявила она. — Лучше скажи, где найти ключи от цепей?!

«Упертая», — с раздражением и восторгом пронеслось у Ильи. Он мельком глянул на болото, оценивая расстояние — зомбаки были слишком близко. Слишком большой риск, скорее всего — она и ему не поможет и сама погибнет.

— Меня уже не спасти! — трезво диагностировал он. — Они слишком близко. Беги, Аня!

— Я без тебя никуда не уйду! Поэтому заткнись, прекрати паниковать и вспомни, где можно взять ключи!

— Аня... ты не понимаешь...

— Чем дальше мы спорим, тем у нас меньше шансов! — жестко оборвала она. — Я не брошу тебя и уйду только с тобой!

Аня стояла перед ним, нетерпеливо скрестив руки. Было очевидно, что она действительно останется, что бы ни случилось. Хотя, кое-что сработало бы, но он не мог ей в этом признаться. Илья еще раз прикинул расстояние до коряги и подсчитал шансы на благоприятный исход, пока они были, хотя и мизерные. Он уступил.

— Ок, он бросил ключ вон к той коряге, — обреченно признался Илья, и не успел закончить фразу, как пожалел о сказанном. Твари, будто почуяв что-то, прибавили скорости. — Аня ты не успеешь!.. Пожалуйста!

Но Аня больше не слушала его. Она опрометью метнулась к болоту.

Илья заскрипел зубами, вспомнил, как однажды он поставил человека перед выбором: жизнь Вени или жизнь его девушки. Веня, не колеблясь ни секунды, выбрал девушку. А Илья так не смог — он по итогу выбрал себя.

[1] И. Гете «Прометей»

Вспышка 6. Границы свободы

Смердящее месиво из искалеченных останков надвигалось на них с чудовищной скоростью и отвратительным чавканьем. Сказать, что Ане было страшно — это ничего не сказать. Ей настолько было страшно, что в какой-то момент она перестала обращать на это внимание.

Самое главное, что она нашла Илью. Кто-то жестокий приковал его к скале и бросил перед надвигающейся жутью.

Когда Аня обнаружила его, он, зажмурившись, плакал и пел про «*Черного ворона*». В первый миг она оторопела. Сам факт плачущего Ильи ошеломлял, но больше всего её поразила выбор песни. Из сотен других, почему именно эта? Именно та, которая так нравилась Матфею — заслушанная когда-то Аней до дыр. Однако исполнение Ильи и Матфея настолько контрастировало, что у них легко получилось бы спеться в красивый дуэт. Эта мысль была глупой и неуместной. Аня, выругав себя за идиотизм, тут же забыла о ней.

Она с трудом привела Илью в чувства. Еще с большим трудом убедила дать ей шанс спасти его. Когда он показал, где ключи от оков, Аня едва не взвыла от отчаяния. Зомбаки почти поравнялись с той самой корягой, на которую кивнул Илья. И она, не думая дольше ни секунды, бросилась туда.

Но вскоре ей пришлось сбавить обороты. Почва под ногами была обманчивой. Как только Аня спустилась с предгорных холмов — погрязла в ржавой трясине по колена, и её едва не утянуло еще глубже. Повезло ухватиться за чахлое деревце и вытащить себя из жадных объятий топи. Пришлось ступать медленно, осторожно нащупывая твердь под ногами, возмущаясь неправильности райских угодий, напичканных болотами и зомбаками.

Хотя то, что приходилось смотреть себе под ноги, а не вперед, на ту жуть, к которой она сама себя приближала, было скорее успокаивающим фактором. Стоило ей забыться и поднять голову, как приходилось чудовищным усилием воли перебарывать желание развернуться и убежать. Оно возникало инстинктивно.

Поэтому Аня сосредоточенно смотрела лишь себе под ноги, примечая безопасные островки, которые были немного темнее.

Сзади кричал Илья, требуя, чтобы она уходила прочь, чтобы спасалась. Он, никак не мог понять, что бросить его сейчас равносильно худшему из предательств. Это означало бы предать в себе человечность.

Аня не могла разбрасываться дорогими ей людьми. У нее их почти не осталось. Она итак слишком многих потеряла.

Постепенно она вся ушла в свои мысли. Её беспокоили последние напутствия мамы про уничтожение того, кого она привела за собой. Аня никак не могла понять, зачем её добрая мама, а это была точно она, в тот краткий миг их недолгой встречи благословила не на любовь, а на ненависть. Это неспроста, у мамы, наверняка, имелись какие-то серьезные причины. Но какие? Ане даже представить было трудно, что могло бы её убедить сейчас внять советам матери и совершить такую подлость. По итогу, получался какой-то бред, Аня делала ровно противоположное последней воле горячо любимой мамы. Но чувствовала свою правду как никогда.

Аня хорошо помнила, что перехватила его пулю. Спасла Илью от смерти на Земле, и здесь, в раю, его присутствие невозможно. Да и казался он совсем другим, какой-то

просветленный, будто лучшая версия себя. Живее, чем при жизни. Эмоции, которых прежде ей так в нем не хватало, которые она все это время пыталась разглядеть или додумать, сейчас проявились в Илье так по-человечески искренне, что все в ней откликнулось в ответ теплотой и нежностью.

Возможно, Аню испытывали, проверяли — достойна ли она рая. Поэтому и искушали её таким вот странным способом. Вот только соблазн казался не соблазнительным. Ане и на мгновение не захотелось оставить Илью на растерзание этим зомби и уж тем более как-то поспособствовать его беде.

Задумавшись, она оступилась. Под ногами угрожающе чавкнуло. Её стремительно стало затягивать в ржавое болото. Аня замахала руками, но сделалось только хуже. Тогда, собравшись с силами, она заставила себя успокоиться. Осмотрелась, заметила совсем рядом бурый островок, осторожно подобралась к нему. Стала медленно вытаскивать себя.

Выкарабкавшись, она, дрожа всем телом, взглянула вперед и инстинктивно дернувшись, вскрикнула, спешно поднимаясь.

До дерева оставалось еще прилично. Зомбаки же приближались с устрашающей скоростью. Но даже не их вид испугал Аню, и даже не то, что они рвали и пожирали истерзанную плоть друг друга. Нет, до костей продирало гнетущее ощущение надвигающейся на неё пустоты и вечного голода. Это было глубже зримых образов и гораздо сильнее. На нее навалилось такое жуткое безразличие ко всему, такая пустота, что захотелось опять лечь и не вставать больше никогда.

Сделав над собой усилие, Аня двинулась к пятипалой коряге. Ноги были ватными, сердце ухало в висках, но она, стиснув зубы, шла вперед, больше не поднимая глаз и не вслушиваясь в надвигающуюся бездну и звенящую пустоту внутри. Даже страх стал уступать этой пустоте.

Вскоре до озверения захотелось пить и есть. Аня присела на колени, решив утолить нестерпимую жажду болотной водой. Но спас Илья, который вовремя окрикнул её уже порядком осипшим голосом. Она, вздрогнув, бросила эту затею, тяжело подняла себя и покачиваясь побрела дальше.

Аня шла. Ей уже было не понятно зачем она идет, ноги передвигались автоматически. В голове прокручивался тот вечер, когда они с Ильей были на полнолуние. Она тогда поразилась, как это у Ильи получалось так тоскливо, так дико выть. А сейчас она точно смогла бы не хуже.

Илья снова крикнул. Сознание немного прояснилось. Аня обернулась и поняла, что каким-то неведомым образом прошла мимо пятипалой коряги. Посмотрела на Илью, отсюда он казался совсем маленьким, беззащитным, распятым. Его слабость придала ей сил, отрезвила от отупляющего безразличия.

Зомби надвигались на неё неодолимо, и все указывало на то, что они с Ильей обречены. Она опоздала, но она должна пытаться. Ради него — должна.

Стиснув остатки воли, Аня вернулась обратно к коряге. Хорошо, что не успела далеко отойти.

Громадные пальцы мертвого дерева были покорежены, изломаны и изъедены грибок. Ничего похожего на связку ключей на его выступах не наблюдалось.

Однако Илья указал на это иссохшее дерево, значит, ключи должны быть где-то здесь. Если их нет на коряге, то очевидно, что они провалились в трясину.

Её прошиб холодный пот. Если ключ в болоте, то найти его практически невозможно.

Аня присела на колени и стала шарить руками по склизкому дну.

Запах тухлой гнили усилился. Аню затошнило. Липкие пути безразличия все сильнее дурманили разум.

Она в отчаянии наклонилась еще ниже, так, что мутная жижа коснулась её носа. Ей, наконец, удалось что-то ухватить со дна. Аня потянула и не смогла удержать в себе вопль. В руке у нее оказался вырванный человеческий глаз.

Аня была медиком, и испугал её не сам зрительный орган, а то, что он был живым и осмысленно, пустым взглядом всматривался в неё, вращая зрачком. Она с отвращением отшвырнула страшную находку.

До неё вдруг дошло, что все эти усилия бесполезны, и нужно срочно придумать какой-нибудь другой способ спасти Илью. Тем более зомбаки были от нее на расстоянии не больше двух-трех километров. Они будут здесь минут через шесть.

Аня в растерянности посмотрела на корягу и чуть не подпрыгнула. Перед глазами что-то блеснуло. Ключ все это время был на самом видном месте.

Она опрометью подлетела к дереву. Засунула руку в дупло и достала оттуда вожделенную связку ключей.

Аня зажала ключи в кулак. Развернулась и помчалась назад, уже не распознавая дороги. Под ногами угрожающе хлюпало.

Аня споткнулась о трухлявый пенёк и упала. Сзади что-то схватило её за ногу и потащило назад. Она вскрикнула. Ей чудом удалось, махая руками, уцепиться за чахлый кустик, тот оказался на удивление крепким. Подтянулась, но нечто не отпускало, намертво вцепившись в её щиколотку.

Над болотом звенела устрашающая брань Ильи. Аня даже не предполагала, что можно так заковыристо изъяснять свой гнев. Его ярость помогла ей. Ярость, оказывается, тоже способна пробуждать волю. А отборный мат в виртуозном исполнении — иногда способен вызвать нервное хихиканье, даже в ситуации, когда тебя пытаются слопать живьем.

Аня свободной ногой изо всех сил пнула то, что ее держало. Хватка ослабла. Аня, вырвавшись, не мешкая ни секунды, подорвалась и полетела дальше. Причем ей действительно временами казалось, что её ноги едва-едва соприкасаются с ржавой трясинной. И всю её наполнял воздух, как надутые ветром паруса.

В Илью она практически влетела. И он сразу же подтвердил её подозрения.

— Аня, ты, рили летела над водой.

— Я думала, показалось, — задыхаясь, призналась она.

Руки дрожали, ключ с трудом попал в замочную скважину, она крутанула его, и первый из замков обнадеживающе щелкнул.

— Аня, спасайся, пожалуйста. Они слишком близко! — он совсем посадил голос и говорил очень тихо и хрипло.

— Нет! Нет, мы успеем! — освобождая ему руку, лепетала она.

Илья указал на еще три оставшихся замка и, кивнув ей за спину, обреченно констатировал.

— Поздно...

Аня развернулась и увидела их. Вздрыгнула от отвращения и пронзившего осознания первобытного, нестерпимого Хаоса. Повернулась к Илье и, обняв его, ободряюще прошептала:

— Вместе же не так страшно, Илья!

Он обнял ее освобожденной рукой.

— Прости меня, Аня.

Аня зажмурилась.

Илья дышал тяжело, его сердце билось у нее в груди или это её сердце? Он был теплым, живым. Гораздо более живым, чем при жизни. И глаза синие, как небо в свете звезд.

Ну вот и конец, только жаль, что они не останутся в нем собой. Что растворятся в ничто.

Время тикало в ушах, но ничего не меняло. Конец никак не мог найти себя. Аня никак не могла найти себя в этом конце.

— Аня, открой глаза, — тихо попросил Илья в ухо.

Его шепот прошел по телу приятными щекотками.

Аня послушалась. От удивления охнула. Они оказались на чудесном острове. Илья был свободен, лишь окровавленные запястья напоминали об оковах. Она прижалась ладонями к его щекам, убеждаясь, что Илья здесь, и он реален. Вдохнула свежий морской воздух. И не сумела сдержать улыбку.

Это был рай. Они его заслужили. Они вместе прошли все испытания и заслужили нирвану. Остров цвел всеми красками неба и земли. На деревьях зрели неведомые плоды. Порхали птицы, издавая дивную, ненавязчивую музыку, легкую, невесомую.

Единственно, чего не хватало для полного счастья это встречи с теми, кого она любила. Не хватало Вадика, Аришки, мамы, отца и еще, наверное, Матфея... Но, казалось, еще чуть-чуть, и они появятся из-за деревьев. Вадик выбежит со смехом навстречу, и она обнимет его.

— Смотри, — Илья бережно развернул Аню в другую сторону.

У неё перехватило дыхание от восторга. Перед ней расстелилась дивная морская гладь. Море дышало, игриво плескаясь волнами. По воде шли цветные блики, как будто оно, проглотив солнце, светилось золотом изнутри.

Аня подбежала к самой кромке и, наклонившись, потрогала воду. Вода ласково обняла её пальцы. Стало уютно, как в кровати под одеялом спросонья.

Умылась, и лучами по телу прошла теплая волна счастья. Несмотря на усталость и голод, её переполняли необыкновенная легкость и пьянящая эйфория. Она села на берегу, и заговорила быстро, с запинками, восторженно. Но потом перебила себя и задала, наконец-то, те самые вопросы, которые тревожили:

— Как ты оказался здесь? Я же спасла тебя?

— Пошел следом за тобой, не мог же тебя одну бросить, — не вдаваясь в подробности, отшутился Илья, присаживаясь рядом.

Она решила не допытываться, если захочет — сам потом все расскажет. Аня погрузила руки в песок. На ощупь — будто мелкие жемчужины погладили пальцы.

— Думаешь, наши близкие здесь? Те, кого мы потеряли?

— Я об этом не думаю, — резко отрезал он.

Аня поняла, что этот вопрос задевал за больное. Илья выглядел измученным, уставшим. На контрасте с ней он был просто разбит. Аня, отругав себя за дурацкий допрос, попыталась поделиться с ним своим счастьем, привлечь его внимание, что все позади, что они все преодолели.

— Илья, мне прежде никогда не было так спокойно, так хорошо. Тут чудесно все-таки,

правда?

— Рили, занятно, — осторожно ответил он.

— Твои руки, — спохватилась Аня, — надо перевязать.

Илья посмотрел на истерзанные в кровь запястья и запоздало почувствовал боль. Аня между тем уже отрывала от подола белого свободного платья лоскуты. Платье без того было коротковатым, а с оторванным подолом, едва прикрывало ей попу.

Ноги у Ани были красивые, стройные, но по бедрам лесенкой спускались шрамы от порезов. Побелевшие. Илья помнил такие же шрамы у мамы на руках.

Он легонечко провел по отметинам пальцами. Аня едва приметно вздрогнула. Перехватила его руку, стала перевязывать. Ловко у нее получалось, хотя и жалела его, отчего повязки наложила не так туго, как если бы это сделал сам Илья.

— Это не всерьез было, по глупости пускала себе кровь, — смущенно стала оправдываться она.

— Для меня всерьез, — он наклонился и поцеловал шрам один, другой.... На вкус Аня оказалось солоноватой, в голову ударило. Он, едва сдержав себя, оторвался от девушки. И, отстранившись, добавил, — просто так себя не вскрывают.

— Ты и сам весь в шрамах, — она покраснела и старательно отвела глаза, дыхание сбилось, — И клоун у тебя жуткий вытатуирован.

— Это боевые шрамы, — Илья окончательно вернул себе самообладание. — А Джокер. он не страшный, он свободный.

— Свобода? — задумчиво взвешивая это слово, спросила она. — Для тебя это самое важное?

Опять невольно она проводила параллель с Матфеем. Но была отчего-то уверена, что в свободу Илья и Матфей закладывают диаметрально противоположные друг другу значения.

— Да, я всегда мечтал быть свободным. Но всегда жил в клетке. Мы с Джокером похожи. Оба понимали свободу, как Абсолют. И оказались рабами этого Абсолюта.

— А сейчас как ты это понимаешь?

— Сейчас я ничего не понимаю. Просто, наверное, когда в свободе нет границ — она теряет всякий смысл.

Илье за многое было стыдно в жизни. Но не за то, что он боролся за свободу, другое дело — как он боролся. Его методы обесценивали эту свободу. Его борьба была борьбой с ветряными мельницами.

Аня зевнула. Илья, заразившись, тоже.

— Ужасно хочется спать и есть, — вздохнула она, прерывая этот сложный разговор.

Ане всегда идея равенства была ближе. Она казалась более внятной и близкой ей. Хотя, если равенство возвести в Абсолют, то тоже выйдет, что-то жуткое в духе Оруэлла. Матфей говорил, что анархизм — это единственная идеология, в которой идеи свободы и равенства не взаимоисключают друг друга, но ей этого так и не удалось понять.

— Вон там — Илья лениво махнул в сторону леса за спиной, — растут какие-то плоды, но я не знаю — съедобны ли они.

— Ты думаешь, — засмеялась она, — что в раю можно отравиться?

— А ты думаешь, что нельзя? — серьезно спросил он.

— Ну, хватит кукситься, — поднимаясь, решила она, — пойдём, проверим. Я согласна быть подопытным кроликом.

Плоды оказались необыкновенно вкусными и сытными. Они налопались от души. И

лениво перебросившись впечатлениями, стали искать место для сна.

Райский остров, будто угождая им, сразу это место предъявил. Нижние ветки дерева, похожего на земную ель, образовывали что-то вроде вигвама. Отодвинув лапник, они обнаружили, что почву под деревом застилает мягкий, но при этом сухой ковер мха.

Илья немного замешкался на входе, но все же забрался следом за Аней. Пушистые ветки создавали полумрак. Естественный лежак был удобен и показался им обоим чуть ли не лучше кроватей. Растянувшись по разные стороны, они крепко заснули.

Илья проснулся раньше Ани. Во сне он все-таки потянулся к ней и обнял. Осторожно освободив её от своих клешней, он присел и из-под полуопущенных ресниц стал наблюдать.

Аня сжалась в комок, словно перестала чувствовать себя в безопасности. Невнятно забормотала. Илья смог различить только имя: «Вадим» — так звали её брата, которого Илья убил. Он поспешно отвел взгляд.

Не про него эта девушка. Они были в раю, но не его этот рай. А самое горькое — и не её. Аня все время высматривала и ждала появления близких и родных ей мертвецов.

Наверное, и того парня ждала, который рисовал дебильные комиксы. Илья не сомневался, что у нее были какие-то сильные чувства к этому нищелюбу. Эта девушка умела отдавать себя другим без остатка, не ожидая ничего взамен. Редкое качество. Именно это в ней и очаровывало больше всего.

Илья ревновал её. Но, если с соперником он справился бы, то с острым ощущением своей неполноценности и ничтожности справиться было куда как сложнее. Он не мог просто взять и выкинуть из головы, что именно он сделал Аню несчастной, спалив её дом. Никак не мог забыть её крика, когда она увидела мертвого мальчишку. И эти шрамы на ногах — отметины боли, такие же как мама оставляла на своем теле из-за него.

Илья выбрался из-под дерева. Встал и, разминаясь, пошел к морю. Попробовал умыться, но дотронувшись до воды, вздрогнул, опять ужалило чувство вины. Во всем теле возникли неприятные покалывания. Пришлось оставить эту затею.

Он сел на берегу. Задался вопросом, что дальше, и не смог себе ответить. Ему казалось, что он обкурился и все это трип. Он и прекрасен и вместе с тем по-наркомански ужасен в своей изломанной реальности. Легкий счастливый дурман, но сквозь него настойчиво тукало, что все это иллюзия, а на самом деле все не так.

Он был уверен, что Михаил поймет, что его план не удался и вновь попытается его прикончить. Однако на этот раз между ними стояла Аня. И нельзя допустить, чтобы её смяли, как несущественную преграду на пути к великой цели. Михаил был одержим, он искренне верил, что стерев с лица земли следы своих ошибок, он исправит и их последствия. Илья же в этом очень сомневался.

Еще немного взвесив, он решил, что ему нужно каким-то образом валить с этого острова грез, подальше от нее, и тогда у Ани будет шанс спастись, а у него — начать все сначала.

Задумавшись, он не заметил, как к берегу подошла Аня. Сонная теплая она счастливо улыбнулась ему. Он ответил вымученным оскалом.

— Ты опять не в духе?

Она вышла вперед к самой воде. Повернулась к Илье лицом и стала медленно стягивать с себя платье.

— Что ты делаешь? — голос охрип, и сердце застучало в ребра. Илья настороженно

следил за ней.

— Хочу искупаться, — с каким-то непонятым вызовом, пожалала она плечами.

— Это может быть опасно! — вспомнив свой недавний неприятный опыт, предупредил он.

Подавляя в себе желание схватить её и утащить в их вигвам, он отвел глаза.

— Думаешь, тут есть стафилококк? — насмешливо фыркнула она.

Аня, не спеша, стянула трусики и лифчик, уподобляясь первой женщине в раю. Нагая, прекрасная, волнующая. Налитая округлая грудь с крупными коричневыми сосками, словно была создана для мужских рук. Припасть бы губами к ней, разжечь огонь и сгореть.

Аня повернулась спиной к нему и шагнула в воду. Тяжелые волосы ярким каскадом струились до самой поясницы. Илья помнил, что от них пахло пшеницей и костром. В их гуще можно было забыться без остатка. Его переполняла беспредельная нежность на грани отупляющего желания поддаться соблазну.

Скрывшись в воде по пояс, Аня повернулась к нему, на груди заблестели искристые капли. Точно ундина она приглашающе спросила:

— Ты идешь?

— Я? — задал он идиотский вопрос, будто тут еще мог кто-то быть.

Аня так просто улыбнулась, и столько в ней в этот момент сосредоточилось женского, чарующего, что по телу прошла судорога, и он вздрогнул. Он не мог справиться с желанием. Краснея и бледнея, маялся, как подросток, у которого на пляже внезапно случился стояк. Прежде с женщинами он чувствовал себя совсем иначе. Он полностью владел собой, а теперь владели им.

— Вода чудесная, что ты стоишь, Илья?

Илья скрипнул зубами, всеми силами удерживаясь от искушения. Но, обнаружив себя на ногах у края моря, понял, что капитулировал. Он скинул одежду и вошел в воду вслед за Аней.

Вода обожгла благостью и чистотой. От чего его собственная греховность встала тяжелым комом в горле. Он захватил побольше воздуха и через боль нырнул. Голову сдавило, но он продолжал яростно плыть ко дну.

Он ненавидел себя за трусость и слабость. Он не смог признаться, что убил всю ее семью, даже когда знал, что это спасет её. А сейчас не может справиться с примитивными инстинктами. Он пытался смыть с себя — себя.

Вынырнул Илья рядом с Аней. Схватился за воздух и понял, что кислородного голода нет. И дыхание сбито, только присутствием Ани.

Она подплыла к нему еще ближе, обняла. Прижалась. Он задрожал. И обнял в ответ. Почувствовал кожей затверделые бусинки её груди. Откликнулся ответной твердостью.

— Что же ты такой напряженный? Я рядом. Все позади.

Волны ласково баюкали их. Он никогда ничего так сильно не хотел, как Аню в этот момент. До темноты в глазах, до огня внутри, почти до полного забвения. Но это почти и поднимало его на дыбы и не позволяло отдаться желанию целиком. Он больше не мог, не мог этого вынести.

— Аня, что ты делаешь со мной? — слова, обжигая горло, вырвались горячие трескучие.

— Нет, это все ты, Илья, — улыбаясь, возразила она, ласково водя кончиками пальцев по его щеке. — Я хочу тебя любить...

— Не нужно... — попросил он.

— Тебе нужно больше всего...

— Аня, это я...

— ...Да, это ты... — шепчет она.

Илья забывается в её шепоте. Сладостное томление ползет по телу. Он проводит рукой по ее шее, жадно целуя в первый и последний раз. Она вытягивается, как струнка, губы мягкие податливые, но её ответ выдает неопытность и волнение. С трудом оторвавшись, Илья выдыхает:

— ...я подстроил тот пожар...

— ...какая ерунда, Илья...

— ...я сжег твой дом! — жестко повторяет он.

— Зачем ты это говоришь? — она отстраняется, с непониманием смотрит ему в глаза. — Ты тогда был со мной, я помню. Ты не мог, потому что ты был рядом.

— Чтобы отвести подозрения от себя, — как же это больно, когда во взгляде недоверие сменяется горечью и болью. — Я подговорил человека...

— Но зачем? — губы её дрожат, тело становится холодным, задеревеневшим.

— Тогда я знал зачем, а сейчас не знаю, — признается он.

Аня ударяет его кулаком, сначала через сопротивление, потом удары становятся все хаотичней и уверенней. От этих легких ударов её маленьких кулачков ему становится как будто немного легче. Совсем немного, но легче. Он обнимает её, она пытается вырваться, но как-то слабо. Хотя, скорее всего, это он обнимает слишком крепко.

— Зачем?! — бессвязно рыдает она, уткнувшись ему в плечо. — За что ты так со мной?!

Рай не выдерживает напряжения и раскачивается, размазываясь по небу золотой и огненной пылью. Тают миражи райских островов, и открывается горизонт, что обрастает земными, привычными пейзажами. В нос бьет запах весны. Прохладный ветер трогает кожу. Под ногами размякшая, напитавшаяся снегом почва.

Аня отстраняется. Растерянно оглядывается. Поняв что-то про себя, качает головой. Вглядывается в Илью сосредоточенно, недоверчиво, будто впервые увидела. Поворачивается и медленно, спотыкаясь, идет прочь. На ней всё то же белое платье, а ноги босые.

На губах у Ильи еще теплится нежный след ее имени:

— Аня, — а в груди уже поднялись холод и тоска.

Вокруг — вроде обычный лес с привычными соснами, под которыми еще сохранились грязные островки не дотаявшего снега, а небо какое-то странное — в огне и золоте. И земля под ногами подрагивает, как будто он стоит не на устойчивом плато, а где-то на мачте в море.

— Это как же я обдолбался, что все так едет?

Позади него вычерчиваются растерянные лики ангелов. Они покинули рай навсегда.

На Илью кто-то налетел и сшиб с ног. Землю в этот момент хорошенько потрянуло. Он потерял равновесие и упал в грязь. Покатился с каким-то парнем, матюгающимся с ним в унисон, по дрожащей накренившейся земле.

Вспышка 7. Душа в огне

Когда пришло время выдвигаться, Матфей все еще прибывал в состоянии анабиоза от снадобья Егорушки. Это изрядно попортило нервы Варя и Сидору. По просьбе Сидора уставшего пылиться в темном кармане, Варя на время забрала его душу себе.

На смену легкому беспокойству из-за долгого сна Матфея пришли настоящие трудности. Сам идти Матфей, естественно, не мог, а тащить его высокомерные демоны наотрез отказались, фыркая, что, мол, скорее небеса рухнут на землю, чем они будут служить средством передвижения для человека.

Варя просила, угрожала, уговаривала, даже обратилась с мольбой к Егорушке, но все тщетно. Сама же она, как бы ни старалась едва ли сумела бы одолеть хотя бы пару шагов с такой ношей.

Сидя на валуне перед спящим Матфеем, им с Сидором осталось только наблюдать, как демоны, строясь в колонны по двое, медленно отчаливали прочь. Болтливый, смешной Сидор вдруг сделался серьезным и ядовитым. Варя же закрыла лицо руками и разрыдалась от отчаяния. Им предстояло стать пищей для инфицированных обитателей ада.

На помощь, как это ни странно, пришли Белиал и Азазель. Демоны подошли к ним, вид у них был очень довольный. Они бросили им под ноги, сплетенный из паутины коврик с ручками.

— Что ты плачешь, девочка? — по-кошачьи улыбнулся Азазель.

— А то ты не знаешь, котяра недоделанный? — зло отбрил Сидор.

— Твоей душе тут не место, ты уже давно должен был присоединиться к ядру грешников, — холодно приговорил Белиал, перекатывая тоненькую паутинку из одной руки в другую.

— Я сам решу, где мое место, — не растерявшись, огрызнулся Сидор.

— Есть время для решений, — вкрадчиво промурлыкал Азазель, — а есть время для принятия последствий, принятых решений.

— Агашечки, — не смутился Сидор, — вот и пожинайте последствия своих решений. Надеюсь, вас по дороге загрызут ваши зомбо-братцы.

— Ты можешь помолчать? — раздраженно спросил Белиал.

— А ты можешь лазать по стенам, как человек паук? — вогнав соперника в ступор, невозмутимо поинтересовался Сидор.

— Святые земли, что сделать, чтобы он дал нам сказать?! — жалобно спросил Азазель у Вари.

— Костя, давайте выслушаем их, — ласково попросила Варя.

— Только потому, что не могу отказать прекрасной даме, — высокопарно изрек Сидор. — Говорите, презренные существа, — любезно разрешил он.

— Да что ты знаешь о презрении, человеческая вошь?!.. — скривился Белиал, но его перебил Азазель.

— Негоже нам вступать в спор с этой незрелой душой. И времени нет. Давайте перейдем к делу. Мы не можем понести на себе вашего друга, ибо честь превыше всего. Но мы с Белиалом попросили об этом чертей, и они любезно согласились вам помочь.

— Ну, конечно, согласились! Сцапать наши души захотели?! — возмутился Сидор. — Варя, главное не расписывайся кровью!

— Какие души?! Ты и так наш! — раздраженно возразил Белиал, и ядовитые жвала высунулись наружу. — А черти, вопреки вашим человеческим байкам, чудеснейшие и чистейшие создания.

— Правда, они стали пугливы из-за всех этих бед, что обрушились на нас, — грустно добавил Азазель.

— Вам нас не обмануть, если что, я сразу это просеку! — предупредил Сидор.

— И что ты сделаешь? — с вызовом усмехнулся Азазель.

— Я стану твоим кошмаром, блохастый, — обнадеживающе пообещал Сидор.

Азазель задрал голову и весело расхохотался, жутковато оскаливая кошачью пасть.

— А мы с тобой подружимся, приятель, когда все наладится, я буду прожаривать тебя особенно тщательно.

— Вот, — обратился Белиал к Варя, показав на широкую, сплетенную из паутины циновку у их ног. — Положите парня сюда. Черти придут через пару минут.

— Спасибо вам, — искренне поблагодарила девушка и все же при упоминании о чертях поежилась, уж больно страшных и злых существ описывала ей маменька, пугая её за проказы.

— И еще, Варя, — смущенно добавил демон, от избыточных эмоций его золотые волосы исчезли под паучьим коконом, как будто он надел бандану. Белиал, помявшись, протянул ей платье. — Это в качестве извинений за то, что хотел вас ударить. Надеюсь, вам подойдет.

Варя, которая все это время ужасно смущалась своего неподобающего вида, с восторгом рассматривала подарок. Свободного края платье, сплетенное из тончайшей паутинки красного и черного цвета, казалось самым лучшим нарядом на свете. Когда она подняла глаза, чтобы еще раз поблагодарить Белиала, демонов рядом уже не было. Она заметила их идущими одними из последних в колонне.

— Похоже, у меня появился соперник, — непонятно прокомментировал Сидор.

Из-за стены вышли два черта. Они, переминаясь с копытца на копытце, то ли вопросительно хрюкнули, то ли гавкнули. Вопреки опасениям Вари, черти оказались милыми животными, похожими на хрюшек, собак и козлят одновременно, но намного сообразительней. Варя даже рискнула погладить одного из них, на что местный зверь отреагировал одобрительным хрюком.

Черти осторожно положили Матфея на циновку и, взявшись за ручки с обеих сторон, взглядом выразили готовность нести груз куда следует.

Варя зашла за валун и стала одеваться. Впервые за долгое время, прикрыв срам, она могла вздохнуть свободно. Оказалось, что вернуть себе чувство собственного достоинства, можно с помощью обычного платья. Варя улыбнулась собственной причуде.

Они с чертями замкнули колонну демонов. Вскоре возле Вари с Сидором стал вертеться Егорушка.

— И что это значит — прожаривать особенно тщательно? — как будто про себя забубнил Сидор.

— Это значит, что Азазелюшка будет мучить тебя с особой тщательностью, — любезно пояснил Егорушка.

Старик властно протянул руку, и Варя, не посмеяв ему отказать, отдала маленькую, говорливую душу Сидора Богу. Сидор не возражал, продолжая, как ни в чем не бывало, пылать негодованием на демона.

— Так я изнал, что ничего хорошего это не означает, — удрученно буркнул Сидор. —

Кошак облезлый, еще посмотрим, кому из нас от этого хуже будет.

— Тебе будет лучше, — уверенно заверил Егорушка, — обычно хорошо прожаренные души долго в аду не задерживаются и скоренько возвращаются обратно на землю за еще одним шансом. Это большая честь, если демон берет на себя труд о твоей душе.

— Значит, у меня будет еще шанс все исправить, — едва слышно прошептал Сидор.

Варя впервые за все время разглядела и страх, и горечь, и боль под маской шута. Ей стало жаль Костю, и она тихо ответила ему.

— Да, все еще будет.

— Матфей! Очнитесь, Матфей! — голос зовет издалека. Он манит в весну. — Ну же, очнитесь!

Матфей поддается и идет на зов. Но вместо весны его встречают жар и песок пекла. Голова трещит, во рту сухо — ощущение, как с глубокого похмела.

Продрал глаза и, убедившись, что он по-прежнему в аду, почувствовал себя в очередной раз вероломно обманутым. Обиженно застонал и, вновь закрыв глаза, скороговоркой стал внушать себе желаемую действительность.

— Это все бред. Я дома. Я дома, мне чудится фигня. Просто перепил вчера.

— Матфей, ну, пожалуйста, нужно идти, за нами погоня! — попросила Варя.

Ей трудно было отказать. Хотелось тут же сделать все, что она пожелает, только бы угодить. Но это как раз и играло против нее, действуя на поперечную натуру Матфея, как красная тряпка на быка.

— Да кому мы нужны, — с напускной легкостью отмахнулся Матфей от пленительной мольбы девушки.

— Хватит с ним сюсюкать! По дороге вникнет в суть! Поднимайся! — рывкнул поблизости раздраженный голос Белиала.

Матфея оторвали от земли и, хорошенько потряхнув, бесцеремонно подняли на ноги. Придя в себя, Матфей хотел было задать паукообразному демону перцу, но тот уже растворился в толпе своих сородичей. А перспектива всматриваться в уродские физиономии демонов, чтобы найти самую наглую, Матфею не улыбалась.

Встревоженная Варя виновато поглядывала на ковыляющего рядом Матфея. То ли после Егорушкиного снадобья, то ли от жары или из-за того и другого — каждый шаг давался ему через усилие.

Варя же напротив, будто не шла, а парила над песком, легкая, воздушная, грациозная. На ней было надето чудесное платье, которое подчеркивало идеальные формы.

Интересно, где успела нарыть? Он поймал себя на том, что любит ее.

Наверное, в главном он действительно похож на отца. В то время, как девушка всей жизни страдает на земле, угодив в лапы непонятно кого, он здесь заглядывается на ведьму. Матфей автоматически посмотрел на отцовские часы. Со стрелкой творилось черти что. Она как бешеная крутилась по циферблату.

Матфей методично стал оправдываться тем, что ситуация с Варей, это не то же самое, что было у отца с мамой. Начать хотя бы с того, что они с Аней на данный момент даже не в отношениях.

Варя же была с ним во снах, чуть ли не с самых пеленок. Он всегда считал её неотъемлемой частью себя, чем-то вроде игры подсознания, пресловутой музой,

вдохновлялся ею, вписывал в сюжеты своих иллюзий, мысленно говорил с ней. Он никогда бы не поверил, что есть такая девушка на свете, что состоит она из плоти и крови.

Его чувства были сродни тому, что испытывал Сидор к Натали Портман. Будучи горячим поклонником фильма и комикса «V — значит Вендетта», он рисовал маску и Натали, где надо и не надо. Иногда откровенно плел какую-то чушь, что вырастет и женится, если не на Портман, то на похожей на неё — Кире Найтли.

Всю жизнь Варя для Матфея была сродни Сидоровской недостижимой Портман — надуманной и от того совершенной. И теперь он не знал, что делать с тем, что мечта вдруг стала воплощаться в реальность. Плата за эту мечту вносилась из кошелька другой. Вносилась из фонда мечты под названием — Аня. Ему казалось, что он предает, хотя это было иррационально, хотя вся логика говорила об обратном, но он не мог избавиться от чувства вины и отвращения к своей нарастающей увлеченности Варей.

— Эй, парень, ну, хорош уже беситься, что ты жаришь нас всех?! — раздраженно прохрипел какой-то красномордый демон, вырывая Матфея из раздумий.

— Святые земли, лучше бы не будили! — с неизменной кошачьей усмешкой, поддакнул собрату Азазель. — Демоны здесь мы, а воздух травишь ты!

Матфей, возмущенный очередным несправедливым упреком, хотел огрызнуться и раз и навсегда опровергнуть эту идиотскую теорию, что он якобы как-то влияет на здешнюю погоду. Но Варя, опередив его, ловко сменила тему.

— Что это у вас на шее такое интересное висит?

Вопрос удивил. Матфей не припоминал ничего интересного на своей шее, кроме повисших на ней проблем. Но под рукой обнаружилась цепочка, а, опустив глаза, он разглядел и амулет в форме свастики. Вернее то был символ солнца. Яра. Как он мог забыть про оберег сестры!

— Это моя сестренка подарила, — объяснил Матфей и улыбнулся, вспомнив, как Яра встала на носочки, а он наоборот наклонился как можно ниже, чтобы она могла повесить на него цепочку. Сестренка искренне верила, что безделушка может помочь ему.

И вдруг понял, что дышать стало свободней, а жара ощутимо спала. Что если эта демоническая болтовня — правда, и на погоду здесь влияют его эмоции? Тогда просьбы взять себя в руки — вполне справедливы. Надо хотя бы попробовать, вся это ванильная ерунда не стоит того, чтобы кипятить ею всех и вся, включая Варю и его самого.

— Благословила, значит, на бой с силами зла, — доброжелательно улыбнулась Варя.

Улыбка у неё все-таки совершенно дурацкая, лучами тепла расплзается по всему телу. И на это тепло хочется откликнуться и поделиться им. Губы Матфея снова растянулись в глупую ответочку, за что захотелось дать себе хорошенько в скалящиеся зубы.

— Да, считает меня избранным, — хвостанул он, запоздало понимая, что начинает позёрствовать перед девушкой.

— А вы избранный? — еще шире улыбнулась она, заинтересованно глядя на него чудными глазами цвета сирени.

— Я обычный, — нехотя признался Матфей, осаживая себя.

Она задумчиво склонила голову набок, волосы шелковым водопадом упали на часть лица, соблазняя откинуть их назад.

— А обычные не могут быть избранными?

— Тогда всех избирать придется, — скептически заметил Матфей, пожимая плечами.

— Может, — завораживающе продолжала она, — тогда все по-своему избраны?

— Да хрен знает, может и все. Я про то, что во мне нет ничего, чего бы не было во многих других, вот я про что.

— Я думаю, в каждом есть что-то, чего нет в других. Этим человечество и прекрасно.

Это было сказано так печально, что Матфей поспешно решил сменить тему, а то опять начнет рыдать, а он никогда женских слез переносить не умел. Он терялся и делал глупости.

— Кстати, где этот Егорка в распашонке? — спросил он, вертя головой в поисках чокнутого интригана. — Я бы с ним сейчас поговорил...

Все-таки пейзажик окружал их удручающий. Красный песок под ногами, красно-золотистая магма над головой. И все это растянуто в бесконечную статику, от которой делалось так тошно, что хотелось уничтожить эти декорации, чтобы поскорее выйти на свет божий.

— Вы так смело с ним говорите, — тихо сказала Варя, то ли восхищаясь, то ли осуждая, а может и со страхом. — Вы знаете кто он?

— Выживший из ума старикан, который напрашивается на хорошую взбучку, — не задумываясь, выдал Матфей.

— Тогда будьте осторожны — он совсем не то, чем вам кажется, — загадочно предостерегла она.

Матфей впервые задумался, что, вполне возможно, Егорушка действительно не так прост, как ему казалось. Он прежде не задавался вопросом: что скрывалось за придурковатой маской шута? А ведь старик, наверное, тоже не человек, а какой-то мифический персонаж. Но это же не меняло того, что он хитрожопый мудака.

Демоны замедлили шаг, а вскоре и вовсе остановились, сбившись в жужжащую кучу. Тревожный гул от жужжания демонов все сильнее действовал на нервы. Матфей ничего не мог разглядеть из-за их здоровенных голов.

Он покосился на Варю, но она тоже непонимающе оглядывалась по сторонам. Матфей спросил у рядом стоящего с ним демона, что случилось, но тот демонстративно проигнорировал вопрос.

— Меня, говорят, тут исчут. Настойки больше нет, и не проси! — совсем близко раздался еле слышимый голосок Егорушки.

Матфей внимательно смерил старикашку взглядом, ничего особенного — на две головы ниже его, сухонький, глазки маленькие, непроницаемые. Вот в Варе сразу чувствовалось что-то потустороннее, аура таинственности, да и внешне вся она такая необычная, прекрасная эльфийка, а Егорушка был просто Егорушкой. С хитрой мордочкой и тупеньким выражением лица. Донельзя раздражающий старикашка.

— Кто ты? — все-таки спросил Матфей, скрестив руки на груди.

— Я бедный люмпен, — жалобно закричал старик, доставая из кармана грязный платочек и оттирая им пот со лба. — Кстати, я твоего Сидора себе забрал, он на тебя жаловался, — как будто между прочим, добавил он.

Только сейчас до Матфея дошло, что он давно не слышит вояний Сидора. Он сунул руку в карман и содрогнулся от ужаса — друга там не было. Матфей сглотнул ком.

— Быстро верни назад! — потребовал Матфей, протягивая дрожащую руку.

— Не хочет он к тебе! — премерзко оскалившись, заупрямился Егорушка.

Матфей сжал кулаки, готовясь в случае нужды выколотить из этого полоумного душу своего друга. Жара сухими пальцами схватила всех за горло, магма разжижилась и угрожающе закапала на песок.

— Зачем вы его дразните? — хрипловато спросила Варя, жадно хватая ртом горячий воздух.

— Верни, Сидора! — чеканя звуки, прорычал Матфей.

Песок взметнулся красной пылью, запорошил глаза. Толпа демонов закашлялась, захрипела, посыпались проклятья.

— Сейчас, сейчас, я... — шаря по карманам, пыхтел старик. — Ох, кажется, обронил по дороге. Но оно и к лучшему — твоему другу уже давно пора присоединиться к остальным грешникам. Тут ему самое место, он же сам мается, от того что не может слиться с другими...

Зашипел, закипел обжигающий воздух. Жалобно застонала толпа демонов, валясь на песок. Все вокруг потеряло багряные краски, сделавшись черно-белым, и медленно стало размазываться. Матфея вывернуло наизнанку, а потом опять развернуло. Выкрученные мозги с трудом собирали действительность обратно. И эта действительность разительно отличалась от прежней. Картинка перещелкнулась, как в калейдоскопе.

— Я здесь, бро, кончай кипятиться, — раздался совсем близко хриплый голос Сидора.

Матфей вздохнул с облегчением. Жара медленно стала спадать. Красная пыль оседала на каменный пол пещеры. На морщинистой ладони старика, испещренной сотнями глубоких линий, поблескивала беззащитная душа Сидора.

— Ты чё debil?! Ты чё там молчал, сидел?! — схватив непутевого друга, возмутился Матфей. — Или в твоём шарике мозги не предусмотрены?!

— Эй, полегче. Таков был план. Зато ты всех доставил до места назначения, как и предполагал Егорушка. А иначе нас порешили бы зомбаки, они взяли нас в окружение.

Песок и магма исчезли. Вместо этого над головами нависало красное ядро. Все они находились в жерле вулкана. Было очень похоже, что их поместили в бутылку, горло которой неплотно задраили куском красной ткани, оставив лишь маленькую прореху черноты с краю.

— Ты хочешь сказать, что это все я? — побелевшими губами прошептал Матфей, ища глазами Варю, она ободряюще ему кивнула, но от этого стало еще гаже. — Я ведь не мог...

— Ну, ты парень даешь, — к Матфею подошел какой-то демон с травой вместо волос и кожей похожей на пласт растрескавшейся земли и похлопал его по плечу. — Это что там у тебя за генератор встроен, одним махом перетащил всех?! Впервые вижу такую мощную человеческую душу.

Матфею совсем поплохело. Он прислонился к стене, но тут же отпрянул — стена была теплая, пульсирующая, как будто живая — в ней даже жилки можно было разглядеть. Матфей осторожно тыкнул в неё пальцем — точно, не показалось, как будто чья-то плоть.

— Да, Матюша — ад живой, особо его сердце, — хихикнул в кулак старик, наблюдавший за реакцией Матфея.

— Это чудо-перемещение решило нашу проблему очень ненадолго, — мрачно перебил всеобщее воодушевление Белиал. — Они бегут по нашему следу.

— Я тоже их чувствую, — вода собачим носом, согласился другой демон.

Демоны стали беспокойно оглядываться по сторонам.

— Они не посмеют зайти в святую обитель! — расправляя капюшон, как у кобры, прошипел один из демонов.

— Это ты им будешь рассказывать, если они раньше не вырвут твой змеиный язык, Асмодей!

— Мы можем завалить выход! — предложил демон с мышинными чертами лица.

— А как тогда мы отсюда выберемся? — ядовито усмехнулся Азазель. — Как Люцифер с Вельзевулом найдут нас?

— Они может быть и вовсе не придут!

— Метишь на место Люцифера, Асмодей, — покрываясь коконом и шевеля жвалами, выпалил Белиал.

Демоны стали спорить, махая руками. Казалось еще чуть-чуть и дело дойдет до драки. Матфей всегда думал, что споры глухого с неммым свойственны только человеческим политикам, а оказалось — демоны умеют не хуже.

— Не спорьте, детушки. У нас с вами есть еще немного времени — обождём-с, — тихо сказал Егорушка. Сказал тихо, но демоны с какого-то перепуга подчинились, и спор оборвался. Они стали медленно разбредаться по прилегающим пещерам, в общей зале почти никого не осталось.

— Ну, а теперь-с, — потирая ручки, хихикнул Егорушка, — мы с тобой Матюша можем и покумекать...

Вспышка 8. Пора возвращаться домой

На дне бутылки есть чудесное местечко, где хранятся осколки бывшего счастья. Их нельзя собрать, но ими можно резать свое несчастье, множить его на бесконечность и тонуть в этой обжигающей агонии. Она настолько горька, что кажется сладостной.

Руки тряслись, голова гудела, во рту вязкая сухость с кислым привкусом.

Опрометчиво спускаться в ад без вискаря. То и дело хотелось повернуть обратно, чтобы промочить горло и в очередной раз рассказать бармену про Софу. Про её удивительный смех и дивный запах. Про её манеру говорить — быстро, восторженно, глотая окончания слов. Про её бесстрашие и внутреннюю свободу. Про маршрут Берлин-Париж, где они оба были счастливы.

Про её душу, ту светлую, сильную, необыкновенно красивую душу, что он сгубил. Это была его цель — доказать отцу, что даже самая светлая человеческая душа — ничтожна и легко поддается соблазнам.

Именно на такие души они с отцом всегда делали ставки. После проигрыша с фанатиком Иешуа, Люцифер опять решился вступить в игру. И на свою беду выиграл. Тот поворот в истории, который Софье суждено было сделать — не случился. Теперь он мог чествовать свою победу всю оставшуюся вечность — в баре.

Люцифер закрыл ад больше сотни лет назад. Он закрыл его вместе со всеми демонами и грешниками, вместе со своим прошлым.

После стольких лет пришлось попотеть, чтобы найти и открыть врата.

Сам по себе ритуал поиска и открытия довольно прост — достаточно было распахнутых крыльев, немного голубой крови и умения читать замысловатую символику. Сложность заключалась в том, что в этот раз символы указывали на какой-то бред. Люцифер с трудом смог разгадать их значение.

В итоге, он зашел с самого верхнего круга, отсюда предстоял далекий путь до центра, где обычно заседал совет архидемонов. Видимо это был такой намек на то, что нужно хорошенько подумать, прежде чем предстать перед братьями.

Впервые ему было не по себе в собственных владениях. Даже здесь, на самом верхнем круге, где ядро грешных душ еще не сплелось в плотный газообразный шар, а раскрученной спиралью вилось вокруг, где климат был сравнительно мягким и позволял разрастаться деревьям и кустарникам в благолепные рощи, Люцифер быстро взмок. Ноги дрожали, и каждый шаг давался через волевое усилие, а воля без привычной заправки вискарём подводила. Слишком долго он жил среди людей, слишком сильна была его вина перед братьями.

Он запечатал ад, устав от проповедей Вельзевула, который все время докучал ему дружеской заботой и мольбами вернуться. Люцифер же в то время хотел только, чтобы его оставили в покое.

Еще одним поводом было смутное, полупьяное беспокойство по поводу обещанного отцом апокалипсиса. Как раз в то время на земле стало твориться черти что, а ему, вопреки писанию, вовсе не хотелось видеть мир в огне, вот он и решил подстраховаться.

Люцифер привык сжигать за собой мосты. Он и прежде обрывал связи. Он уже терял братьев. Уже предавал тех, кого любил. Он привык к роли всеобщего зла. Но тогда он лишь отвечал предательством на предательство, а в этот раз предал только потому, что был слаб и

пьян. Предавший однажды — предаст не единожды.

Дом его юности давно затерялся в памяти. Вся его прелесть растворилась в разрисованных облаках тропического заката. В свете звездной пыли. В широком размахе ангельских крыльев, в виражах и мертвых петлях. В драконьем рыке и мощи. В любви и согласии с собой.

Восторг полета — ровный, спокойный восторг безмятежного дитя. Сердце, не знавшее потрясений и обид. Чистое счастье не познанных несчастий.

Но он потерял все это. Боль прошла, остались лишь обида и горечь. Все, что было там с ним в небесах — происходило, как будто и не с ним вовсе. Он давно утратил ту лучшую версию себя. И самое главное — давно с этим смирился. Ему больше никогда не вернуться в Эдем и вовсе не потому, что ему туда путь заказан, а больше потому, что невозможно вновь стать светлым херувимом.

Люцифер обрел иной дом. Одним существованием ад причинял боль всем тем, по чьей вине он потерял рай. Он поселился и властвовал в нем назло отцу и ангелам. Это была его месть, его собственный выбор. Он сам решал за себя.

Прежде свободой выбора обладали только люди и Бог. А теперь мог и он. И он был горд тем, что не раб, но равный Богу.

А сейчас показался себе донельзя жалким в своей подростковой гордости и в никому не нужном протесте. Прежде Люцифер чувствовал себя здесь владыкой, но на этот раз был только гостем. Все виделось иначе, казалось каким-то не таким. Повсюду следы запустения и в воздухе витала обреченность. Он не понимал нарастающей тревоги. Не понимал, идет она от того, что он сам изменился или от того, что ад стал иным?

Шаг за шагом в нем пробуждались колючие сомнения. Все они накручивались на один очевидный, но отчего-то никогда прежде не осознаваемый им факт. Суть его сводилась к простой истине — Люцифер не знал — кто и зачем создал ад. Отсюда следовало, что он всегда был лишь арендатором этих владений и никогда не был здесь хозяином, хотя все это время мнил себя именно им. На деле же, в лучшем случае он — надзиратель, в худшем — пленник. Ад эта тюрьма — это не его дом. Его обманули, как мальчишку, потому что он и был всего только мальчишкой.

Ад существовал до падения Люцифера. Но кто архитектор этого места? Кто придумал это все? Придумал отец? Это было на него похоже — он был еще тем хитрозадый лисом. А может — все это придумали люди? Это было на них похоже — придумывать себе страдания.

Но кто бы ни сыграл с ним эту шутку, суть сводилась к тому, что Люцифер — уже не озлобленный на весь мир демон, и путь в ад для него закрыт точно так же, как и путь в рай.

Его вела в ад лишь надежда на другой дом. На тот, что создал он сам и та, которую он любил. Тот дом был домом не юного херувима, не озлобленного дьявола, а домом того, кто стал мужем и отцом. Он совмещал в себе и ад, и рай. И этот дом был единственный, куда ему по-настоящему хотелось вернуться.

Он возвращался преисполненный надеждой, согретый и испуганный ею. Он возвращался в свою тюрьму не за искуплением, не за прощением и не для того, чтобы снова воцариться на своем фальшивом троне. Он возвращался за своей семьей.

Люцифер выбился из сил. Было не жарко, а как-то удушающе затхло. Он уже должен был дойти до любимой рощи, где намеревался передохнуть. Далеко не сразу до него дошло, что он давно пришел. Вот только на месте толстоногих смоляных деревьев, увитых алыми лианами, кроны которых прежде приглушали яростный свет грешных душ, вокруг — было

пепелище.

Роша зачахла, и вместо деревьев из посеревшего песка тянулись уродливые сухие коряги. Лианы высохшими сетями цепляли мертвую листву, она падала на бесплодный камень и грустно шуршала под ногами. Души стайками светлячков блекло посверкивали из полумрака глухого подземелья.

Пораженный этим зрелищем Люцифер присел на каменный выступ. Это на земле перемены — привычное дело, а в аду таких перемен просто не могло быть. Но, тем не менее, он сидел на пепелище. И вместо обычного оживления — здесь царила пустота. Ад по какой-то причине умирал. Его прошиб холодный пот. Что если здесь всё и все погибли? Что если это потому, что он закрыл врата?

Словно в ответ на его ужас послышался стук приближающихся копыт. Люцифер обернулся и увидел двух чертей, недоверчиво водивших розовыми пяточками. Они приветливо хрюкнули, признав старого друга.

В полумраке их силуэты показались зловещими. Всплыли жуткие истории с земли. Люцифер передернул плечами, стараясь побыстрее отогнать человеческие страшилки. Грустно усмехнулся — слишком долго он жил среди людей — пропитался человеческим духом. Знали бы эти зверьки, сколько своих мелких грешков и пакостей им приписали дети Адама и Евы.

На самом деле черти — существа безобидные, чем-то смахивающие на гибрид козлов, свиней и собак, хотя и были куда разумней земных животных, но искушать и плести интриги не умели. В стародавние времена бывало, зверьки забредали в пещеру, выводившую их к людям. Тогда люди их жестоко убивали, а потом привычно оправдывали себя небылицами.

Люциферу показалось, что зверьки ведут себя слишком нервно и настороженно, но вполне возможно, он просто отвык от адовых созданий, да и случившиеся здесь перемены кого угодно могли бы выбить из колеи.

— Ну, привет, чудики. И что же у вас тут случилось? — преодолевая тревожность, спросил он.

Один из зверят, боязливо принюхиваясь, подошел ближе, и на манер собаки ласково ткнулся Люциферу в ноги. При этом жалобно подскуливая. Черти редко скулили — это значило, что дела тут действительно шли паршиво.

— Ничего, я наведу здесь порядок, приятель, — успокаивающе потрепав чертяку за ухом, пообещал Люцифер.

Чертенюк одобрительно хрюкнул и доверчиво боднулся, призывая поиграть с ним. Да, беда бедой, а поиграть с чертиком — дело святое. Закон ада. Это правило было успокаивающе знакомо. Люцифер не мог отказать себе в удовольствии принять вызов.

Он резвился с чертенюком, как резвится мальчишка с собакой, гоняя в догонялки. Чертик попался необыкновенно хитрючим, так что Люциферу пришлось попотеть, прежде чем он сумел поймать его.

Но тут внимание привлекло подозрительное поведение второго чертика. Он так и остался стоять поодаль, в тени, совершенно неподвижно. Хотя по всем законам своей природы не мог не вступить в игру, черти — звери коллективные и дружелюбные.

— Эй, приятель, — окликнул Люцифер, чертенюк не отреагировал, второй чертик, перестав ластиться, настороженно стал водить ушами и испуганно заскулил. — Не трусь, сейчас разберемся, что с твоим собратом.

Люцифер осторожно стал подходить к обездвиженному черту. Но второй чертенюк,

вдруг истерично взвизгнув, преградил ему дорогу и попятился, оттесняя Люцифера назад.

— Эй, успокойся, — попытался унять испуганного друга Люцифер, — ты чего?!

Из темного угла чертик поднял на них неподвижные глаза, его морда выражала какую-то гипнотизирующую пустоту. До Люцифера слишком поздно дошло, что звериные инстинкты не врут, и нужно достать меч.

Странный чертик ожил как по щелчку и коброй бросился на своего собрата, вырвав тому глотку. Несчастный даже взвизгнуть не успел, безжизненно рухнув Люциферу под ноги.

Взбесившийся черт отрешенно взглянул на ошарашенного Люцифера и, развернувшись, спокойно зацокал прочь. За всю историю ада черти никогда, ни на кого не нападали, даже в случае опасности не защищались.

Люцифер опустил на колени перед мертвым зверьком, понимая, что на его месте мог быть он сам. Рассеянно погладил еще теплую шкуру.

Очнулся, когда под рукой стал чувствоваться окостенелый холод смерти. Ему показалось, что тело чертика дернулось. Он настороженно присмотрелся — чертик взглянул на Люцифера отрешенными от всего сущего глазами пустоты.

Люцифер отпрянул. На этот раз он успел достать меч и обезглавил взбесившийся труп. Но это не очень-то и помогло, потому что останки продолжали дергаться. Его меч был непростым — он мог убивать даже бессмертную плоть.

— Какого черта здесь творится?! — по-человечески ругнулся он, и сразу прикусил свой дьявольский язык, здесь так выражаться было не принято — демоны засмеют.

Он искромсал своего заступника в решето. Но даже этого казалось мало, изрубленные куски упрямо продолжали шевелиться. Объяснить это разумно можно было только белой горячкой, что не добавляло ситуации позитива. Он, пересилив себя, перестал рубить живого мертвеца.

Отдышавшись, Люцифер, крадучись, с мечом наготове двинулся дальше. По пути никого больше не встречалось — ни демонов, ни чертей, ни других животных. Света душ едва хватало, чтобы видеть дорогу. Под ногами шуршал пепел.

Здесь и крылья не расправить — наверху слишком тесно и легко можно повредить их о скалистые выступы. Приходилось, как крыса, тайком пробираться по собственным владениям. Ему срочно нужны были ответы, а терпением он никогда не отличался. Поэтому он все-таки пренебрег осторожностью — распахнул белоснежные, с розовыми прожилками, перепончатые крылья, оттолкнулся и взлетел. Невысоко, но сразу стало легче, свободней.

Однако в потемках очень скоро нарвался на те самые выступы и едва не переломал себе крылья и шею. Чудом, сумев-таки удержать равновесие, он опять оказался на пепелище. Крыло обвисло беспомощной тряпкой. Временами от боли темнело в глазах. Но времени жалеть себя не было. Он вскочил и побежал дальше.

Еще пустыня на месте рощи, еще мириады погасших душ и кругом лишь пепел и пустота. В тревоге и отчаянии он остановился, и его настигла тьма и тишина. Мертвая, земная, будто он в могиле. Он не помнил, сколько так простоял. Из ступора его вывел звериный рев.

Люцифер подпрыгнул от неожиданности и облегченно выдохнул.

Сметая на пути чахлый сухостой, к нему на всех парах несли дракон. Дракон был куда меньше того чудовища, в которое еще недавно смог обратиться он сам, но все же куда больше Люцифера в его демоническом облики. Зверь неуклюже затормозил в паре метров. Из-под

когтистых лап прямо в лицо Люциферу посыпались камешки попеременно с пеплом.

Сохраняя невозмутимость, Люцифер медленно достал из кармана платок и вытер лицо. Затем строго уставился на дракона. Тот опустил голову, всем своим видом выражая вину. Однако при этом так радостно кряхтел и долбил обрубок хвоста, выбивая искры, что поверить в его раскаяние не представлялось возможным.

— Как же я соскучился по тебе, Драк! — расхохотался Люцифер и кинулся дракону на шею. Дракон высунул язык.

— Не до такой степени, Драк! — но предупреждение запоздало, и дракон таки приложился огромным, шершавым языком к руке. Кожа мгновенно вздулась и побагровела, благо регенерация у Люцифера происходила быстро, будь на его месте обычный человек — остался бы без руки.

— Что я говорил про твои слюнявые поцелуи, Драк?

Дракон опять принял виноватую стойку, не забывая при этом шкодливо посверкивать глазами. Изуродованное шрамами тело дрожало от перевозбуждения.

Люцифер примирительно почесал два обрубка за спиной. Эти обрубки когда-то были могучими крыльями, а сейчас они все время чесались и болели. Драк позволял до них дотрагиваться только Люциферу.

— Ладно, проказник, прощаю тебя.

Когда-то давно драконы жили на земле. Их было много. Но пришли люди и объявили на них охоту. Они истребили и продолжают истреблять все живое на своем пути. Не из нужды, а ради забавы. Именно за эту жестокость Люцифер ненавидел людей больше всего.

Лишь Софа была другой — доброй и милосердной. Она любила все живое, как и Люцифер. Спасала пауков от разъяренной экономки. И всегда смотрела под ноги, чтобы ненароком не раздавить какого жучка или муравья. В дождь, когда черви выползали на дорогу, она брала палку и отбрасывала их на обочину, чтобы их не раздавили.

Люциферу удалось спасти только пару десятков драконьих яиц. Он принес их в ад, но многие все равно погибли, так и не сумев приспособиться к новому месту обитания. Драк был одним из последних выживших. Люцифер буквально вырвал мелкого дракончика из-под хищных копий людей.

— Ну, дружище, теперь я уверен, что не все здесь потеряно, идем искать живых.

Дракон весь сжался и остался стоять на дороге.

— Драк, я понимаю там страшно, но я должен идти.

Дракон мотнул головой и, упрямо фыркнув, переступил с лапы на лапу, продолжая преграждать путь.

— Пойдем со мной, если не хочешь пускать одного? — дракон испуганно поджал уши, но с дороги не двинулся.

— Боишься? — вздохнул Люцифер. — Я в ответе за всех здесь. Это моя вина и моя ответственность. Понимаешь, Драк? Я должен разобраться, что тут происходит и по возможности спасти тех, кто выжил. Если тебе страшно, то уходи. Я открыл ворота. Ты можешь выйти на землю.

Дракон сердито зашипел, словно Люцифер оскорбил его. Нервно дернул обрубок хвоста и все-таки отодвинулся в сторону. Люцифер двинулся дальше. Дракон неохотно заковылял следом, прихрамывая на изуродованную лапу.

— Не бойся, Драк, я все исправлю, — пообещал Люцифер, на что дракон лишь скептически фыркнул.

Сомнений не оставалось — в аду случился апокалипсис, и самое жуткое было в том, что Люцифер не знал, смог ли в нем кто-то выжить. Ведь это он когда-то привел демонов сюда. Доверившись ему, они покинули Эдем. А он их подвел. Он запер их в смертельной ловушке. Вспомнился Михаил, тогда казалось, что он несет какой-то бред, а сейчас в его бреде вдруг стало слишком много смысла.

Что если все погибли? Что если Люцифер не оставил им надежды на спасение, пропивая себя в барах?

Впереди мелькнула спина демона. Люцифер облегченно выдохнул. Наконец он сможет узнать, что происходит. Оpoznать демона со спины не удалось. Он окрикнул его.

Демон остановился и медленно развернул абсолютно пустое лицо — черты расплылись по всей голове. Он обезлично смотрел на Люцифера черными провалами вместо глаз и, раскрыв прорезь пасти, пошел Люциферу навстречу.

Вспышка 9. Каков твой промысел?

В этот момент в сухоньком старичке перед ним что-то неуловимо изменилось. Тень скользнула по морщинистому лицу, преломив свет, а в этой тени пряталось существо несоразмерное той маске, что оно носило. Как в Кинговском «Оно».

— Кто ты? — не струсил Матфей.

— Фью, — махнул рукой Егорушка, возвращая себе клоунский лик, — скучный вопрос. Да и ответственвал я уже тебе.

— Ты не человек! — уверенно покачал головой Матфей.

— А ты чаго, ксенофоб?! — картинно возмутился Егорушка. — Ну, не человек я, да. Теперь пойдешь к своим братьям с вопросом: «Вы знаете Руса?»

Но Матфей не слушал шутовскую отповедь Егорушки. Обрывки их диалогов и детали встреч всплывали в памяти. Все пазлы складывались в одно. Это как в игре, если соберешь достаточно улик и вовремя все сопоставишь, откроется новый уровень. Вот он и открылся.

— Я сейчас вспомнил твою байку про бездомного Бога и выверт с Адамом и Евой. Бездомный Бог — это ты? — медленно выдавил Матфей, интуитивно уже чувствуя, что попал в самую точку.

Старикан хитро подмигнул.

— Ну, вот и сам дошел до чего-то, — одобрительно прокряхтел он, садясь в позу лотоса, Матфей же остался стоять, скрестив руки на груди. — Приятно же быть догадливым.

— Охренеть да, бро? Я тоже, когда услышал, как они с Варей перетирают эту тему, прям офигел! — автоматной очередью застрочила восторженная скороговорка Сидора из кармана.

— Вы знали?! — возмутился Матфей, вспоминая намеки Вари. — Ну ладно она, — он посмотрел на девушку, которая сосредоточенно пыталась собрать волосы в косу, и, казалось, вовсе не слушает их разговор, — но вот то, что ты, Сидор, в тряпочку молчал — это капец! Там, где не надо треплешься — не заткнешь, а там, где надо — молчишь, как гнида.

— Да ты только очухался! И даже не вспомнил обо мне, кстати! — возмутился Сидор. — Когда бы я успел?! Всему свое время, бро.

И Матфей к своему стыду понял, что друг прав. Что в этой ситуации не ему предъявлять претензии.

— Догадливым человеку быть приятней, чем знающим, — встрял Егорушка.

— Да откуда тебе знать, что нам приятно, а что нет?! Ты не человек!

— Я по вам не одну диссертацию защитил за эти тысячелетия, молодой человек, — ехидно выделив конец фразы, заметил Егорушка.

— Плевать, не считово! — прорычал Матфей. Голос разума предостерегал, что хамить Богу нельзя, но, когда Матфей слушал предостережения? — Если ты не чувствуешь как человек, если у тебя нет опыта переживаний всех тех бед, которые ты обрушил на людей, то ты в нас ни черта не смыслишь.

— Я обрушил беды?! — как будто взаправду задетый за больную мозоль, вскрикнул Егорушка, подрываясь на ноги. — Да типун тебе на язык?! Я вообще в ваши дела не лез никогда! Вечно вы на меня все валите, пора бы уже самим брать за себя ответственность!

— Ответственность? Что ты знаешь про ответственность?! — Матфей подошел к Богу почти вплотную и процедил. — Разве ты не в ответе за тех, кого создал, за своих детей?! Нам нужна помощь и поддержка, а не вечное осуждение. Ты бросил нас!

— А вот и нет, не создавал я вас. С чего бы мне брать на себя такой труд и создавать нахалов вроде тебя? У меня и причиндалов таких нет, чтобы людей мастерить!

Глаза у Егорушки были черные, затягивали в себя, поглощая свет.

Матфей на какое-то мгновение потерялся в этой тьме. Ноги сделали несколько шагов назад. Очнулся он, спиной ощутив теплую, живую стену. Удивленно заморгал.

Егорушка продолжал преспокойненько стоять напротив, уставившись на свои руки.

Бог, который отбрехивается от собственных творений. Вот это уже за гранью всего. А если он не врет, то какой же он тогда Бог?

— И кто же тогда? Кто наш Бог? — прошептал он.

— Ты же анархист, Матюша, выступаешь за абсолютную свободу, — с издевочкой усмехнулся старик. — Зачем же ты жаждешь, чтобы над вами был Бог?

— Потому что мы всего только дети, заблудившиеся, потерянные дети. Нам бы указать путь — тогда бы мы имели силы найти дом и повзрослеть, — покачал головой Матфей.

— Да, дети, все мы чьи-то дети... — старик задумчиво пожевал губами, — трагедия некоторых детей в том, что им никогда не повзрослеть в глазах своих родителей, а для родителей трагедия, что дети взрослеют незаметно. Лучшее, что может сделать родитель — вовремя отпустить, дать свободу. Иначе ребенок отберет её сам, а если не отберет, то погибнут оба.

— Очень нравоучительно, — скривился Матфей, он устал стоять и медленно стал скатываться по стене, как ни странно, ему казалось, что эта стена придает ему силы, и что если он от нее отлипнет, то сломается. — Значит, вы такой добренький и типа отпустили нас?

— Нет, я из тех незрячих, у кого свободу пришлось отбирать, — вновь усаживаясь в позу лотоса, признался Бог. Матфей насмешливо подумал, что всякие там йоги сейчас бы заценили любимую позу Бога. — Я совсем такой же самолюб, как и ты. Ты вот друга своего в кармане таскаешь, а ведь он уже готов уйти и ему с тобой совсем не по пути. Он уже давно горит, но ты занят собой. Он тебе нужен, и ты не видишь, что это мучает его.

— Вы переводите стрелки. Я знаю этот прием — это называется софистика, — процедил Матфей.

Старикан ошибался, если думал, что он поведется на эту чушь с Сидором. Сидору в любом случае лучше в его кармане, чем в аду.

— Нет, я лишь даю тебе подсказку, мальчик, — Матфею показалось, что старик похлопал его по плечу, но этого не могло быть — он сидел слишком далеко.

— Почему нельзя просто сказать правду? — примирительно вздохнул Матфей.

— А ты готов услышать правду? Ты даже самую очевидную правду под своим носом отторгаешь, — заметил Бог. — Разве не лучше, чтобы ты думал, задавал мне правильные вопросы, размышлял, созревал и готовил свою собственную правду, чем отжимать мою?

— А разве сейчас в аду, когда нас нагоняет толпа зомби, все это имеет значение? Какая разница: моя, ваша — истина одна.

— Ой, ли? — захихикал Егорушка.

Матфей начинал опять кипеть — терпения на упертого деда не хватало. Он как будто пытался напиться из решета.

Когда Матфею было лет двенадцать отец жестко ударился в религию, и каждый раз в случае непослушания грозил сыну Божиим судом.

Суд Бога ничуть не пугал Матфея, даже наоборот — он мечтал оказаться на этом

процессе. Он представлял, как предстанет перед Богом и в ответ на его мелкие обвинения — вынесет ему приговор: «И спросит Бог — Никем не ставший, Зачем ты жил? Что смех твой значит? Я утешал рабов уставших, — отвечу я. И Бог заплачет»[1].

Но вот он, Бог, перед Матфеем, и Матфей, как и прежде, не видит в нем своего Бога. Не и вынести этому старику приговор Матфею оказалось не по силам. Потому что Бог как абстракция и символ — это одно, а Бог, как чужеродное сознание — совсем другое.

Слишком много неизвестных в этой истории. Все как будто наизнанку. Чтобы вывернуть, нужно знать направление. Матфей же явно смотрел не туда.

Вспомнив свои сны, он решил сменить вектор и спросить про изгнание из рая и Хаос. Но старика уже рядом не было. Бог опять куда-то девался, вместо него рядом стояла Варя.

— Куда он опять испарился?!

— Его дети просят у него совета, — пожала плечами Варя. — Да и утомил ты его. Он сказал, что ты слишком туго соображаешь и для начала тебе нужно разобраться в себе, а уже потом пытаться постичь кого-то другого.

Эти упреки выжившего из ума Бога из уст Вари звучали очень обидно. Матфей раздраженно хмыкнул и, не удержавшись, зло спросил:

— Тебя это вообще не трогает? Хотя ты, наверное, все и так знаешь? Ты можешь мне внятно объяснить, что к чему?!

Варя неопределенно пожала плечами и присела рядом.

— Я знаю лишь то, что ничего не знаю.

— Но явно больше меня, — заметил Матфей.

— Это не делает меня счастливой. Мне отмерена истина, но я не буду взваливать на тебя её бремя.

— Варя, я чувствую себя слепым котенком, — доверчиво признался он, — брошенным в ров к голодным собакам. Знания — это еще и сила.

— Ты не котенок, Матфей, — уверенно прошептала она. — Ты ястреб. Мне ли резать твои крылья?

Она была очень близко. Матфей и не заметил, как так вышло, что она оказалась так близко. От этой близости дух захватило, и мысли тонули в теплом вакууме. Какие у нее удивительные глаза. От их цвета пахло сиренью. В её словах звучала завораживающая поэзия и нежность весны. Очень красиво, хоть и чушь, но Матфею опять расперло от собственной значимости. Хотелось попробовать эти слова на вкус, он уже наклонился, уже почти коснулся её слов, почувствовал их мягкость.

Отрезвила мысль, что Сидор сидит в кармане и все это слышит, и теперь будет, как минимум полвека издеваться над его ястребиными крыльями.

— Хаос, что это? Расскажи мне, — попросил он, отстраняясь.

Девушка побледнела и опустила глаза. Она поднялась и неожиданно выпалила:

— Я видела семью чертей. Хочешь посмотреть? Их детишки такие милые и играть любят.

Матфей аж поперхнулся от такого предложения.

— Что?! — только и сумел выдать он.

В кармане хихикнул Сидор. Матфей мысленно поблагодарил друга, что он заржал своевременно, хоть раз в жизни проявив тактичность.

— Тебя, кстати, пока ты дрых, черти тащили, а перед тем, как ты проснулся — испугались зомбаков и удрали, — сообщил он. — Я б позырил на детишек.

— Как будто демонов с их рожами не хватает, — буркнул Матфей, все же поднимаясь и шагая вслед за Варей.

Девушка завела его в небольшую пещеру с подсвеченными стенами из красной глины. Он осмотрелся, но никого не заметил.

— Тут никого?

— Немного терпения — им нужно привыкнуть к нам.

Долго ждать не пришлось, скоро из норы на них уставились четыре пары любопытных глаз.

— Мы вас не обидим, — пообещала Варя.

Матфею хотелось бы, чтобы обещала она только за себя.

Сначала высунулись четыре пяточка, то ли хрюкнув, то ли проблеяв нечто, что Матфей расценил как дружелюбное приветствие, и на свет вылезли странные зверюшки, смахивающие на собак, козлов и свиней одновременно.

— Ты можешь подойти ближе, — предложила Варя, уже всюю наглаживая самого мелкого чертика, — не бойся, они совсем не такие, как сказано в писании.

Матфей и так заметил, что они не по канону, но, тем не менее, страх засел на уровне генов, так просто не выбить. Однако выглядеть трусом не хотелось, поэтому он все же, пересилив себя, подошел поближе.

Варя стала играть с чертями в салочки. Лицо ее покраснелось, она звонко смеялась и иногда вскрикивала. Волосы выбились из косы. Матфей невольно залюбовался ей, вовлекаясь в игру и подхватывая её беззаботную веселость.

Меч со свистом рассекал воздух кромсая плоть. Она с чавканьем падала на пепелище. Руки дрожали, пот и кровь заливали лицо. Демоны или то, что когда-то было демонами взяли их с драконом в плотное кольцо, которое быстро сжималось в смертельную удавку.

— Что же вы творите, братья?! — попытался достучаться до обезумевших демонов Люцифер.

Как в дурном сне. Сеча была кровавая и бессмысленная. Под ним горы изрубленных, но не поверженных. Он карабкался вверх по еще живым останкам. С копошащейся горы трупов было видно, как пал дракон. Полчище падших облепили его со всех сторон и как койоты стали грызть его тело. Дракон выл и бился отчаянно и яростно. А потом вдруг затих, и лишь жадное чавканье оглушало звенящую пустоту, образовавшуюся в душе.

— Предатели!!! — взревел Люцифер.

Ярость и боль придавали сил. Он снова и снова поднимал меч. Единственное оружие во всем мире, что способно уничтожить бессмертных. Он рубил своих братьев, тех, кто когда-то, доверившись ему, добровольно покинули Эдем. Тех, кто хранил ему верность долгие тысячелетия. Тех, кого любил всем сердцем.

— За что?! — рыдал он.

С каждым ударом он убивал что-то в себе. А они все шли и шли. Полные пустоты и безразличия ко всему. Ими двигали лишь голод и жадность. Шли, молча, шли, чтобы разорвать и пожрать его. Как разорвали и пожрали до этого дракона. А ведь Драк предупреждал — некого было спасать, они все уже давно мертвы. Его упрямство сгубило последнего дракона.

Люцифер выдохся. Меч стал неподъемно тяжелым. Дыхания не хватало. Умереть в

сражении не страшно, но умереть сраженным горько и обидно. Не так он представлял себе свой конец — не от зубов и когтей падших братьев. Скорее, он думал, что его сразит копье Михаила, или воля отца остановит сердце.

Кто-то ухватил и дернул его за ногу. Он потерял равновесие и кубарем скатился с горы трупов. Сверху на него навалились демоны, погребая под собой.

— Вот и конец, — прошептал он, продолжая, тем не менее, что есть силы махать мечем.

Пыхнуло жаром. Запах горелой плоти прошиб до слез. Он стал задыхаться под грудой загоревшихся тел. Но кто-то сверху откопал его и, выдернув из опаленной толпы, потащил куда-то, похлопывая по дымящейся спине. Он в шоке пробежал с километр. Пока к нему не вернулась осознанность. Знакомый голос с облегчением выдохнул:

— Ты все-таки пришел?! Я уже было отчаялся!

Люцифер остановился и посмотрел в сетчатые, зеленые глаза. Только у одного демона на всем свете есть такие глаза. У того самого, что он оставил здесь за главного, пока был на Земле. Вспышка радости при виде живого и разумного брата, сменилась недоверием и гневом.

— Вельзевул, — вскрикнул он и, схватив его за плечи, требовательно спросил: — Что здесь творится?!

— Потом! Надо уходить!

Вельзевул нетерпеливо дернулся из хватки Люцифера, но тот не отпустил, лишь крепче сжав пальцы. Неизвестно куда его собираются завести, вдруг это все одна сплошная ловушка?

— Я никуда с тобой не пойду, предатель! — процедил он.

Вельзевул отшатнулся, как от удара. Закрыв глаза и, качнувшись с пятки на носок, неожиданно согласился:

— Ладно, значит, они тебя загрызут, и ты станешь таким же. И все было зря.

— Что все?

— Надежда на спасение. Это все, что у нас осталось. Не будет тебя — не будет и надежды. Значит, мы надеялись зря. А это невыносимо, Люций.

— Ты, верно, ждешь, что я поверю тебе? После всего, что я только что увидел, я должен поверить, что это не твоих рук дела?

— Я уже давно ничего от тебя не жду, братец, — раздраженно парировал Вельзевул, то и дело поглядывая ему за спину. — Я только надеялся, что ты не пропил на Земле остатки здравого смысла, и выберешь более подходящее время и место для выяснения отношений.

Люцифер скрипнул зубами. Никогда прежде Вельзевул не говорил с ним в таком тоне. Никогда в его голосе не звучало столько неприязни. А еще он не смотрел ему в лицо и порядком трусил. Причина была либо в том, что он действительно врет, либо... Люцифер оглянулся себе за спину, куда неотрывно таращился Вельзевул. ...Либо в том, что к ним стремительно приближались полуобгоревшие демоны. Еще пару реплик, и они договорятся до того, чтобы стать закуской.

Огненное шоу, устроенное Вельзевулом, ненадолго задержало взбесившихся демонов. Трудно обуздать ярость, Люциферу всегда было трудно себя контролировать. Но деваться некуда, пришлось усилием воли подавить гнев и заключить временное перемирие.

— Ладно! Бежим! Поговорим позже.

Они ныряли из пещеры в пещеру. О существовании многих Люцифер и не догадывался. Раньше все ходили прямыми маршрутами, а теперь точно крысы — по потайным норам.

Вельзевул затащил его в очередную пещеру. Здесь было тесно, и они сразу уперлись в тупик.

Люцифер вопросительно глянул на Вельзевула. Тот без слов открыл замаскированный люк. Лаз был небольшим, если ползти, то только на карачках, но ползти им, судя по всему, и не придется. Люцифер заметил рельсы и приделанные к ним две доски на колесиках.

— Позаимствовали идею у людей, — сухо сообщил Вельзевул, устраиваясь на доску. — Главное держись крепче, и закрой за нами люк.

Люцифер, захлопнул тяжелую дверь. Они оказались в крошечной тьме. Он на ощупь умастился на доске. И доски стремительно влетели в трубу. Люцифер пару раз катался на аттракционах, здесь был примерно тот же принцип — спуск на большой скорости под углом почти в девяносто градусов. Только без всяких там ремней безопасности и удобств для слабаков — так что зад очень скоро превращался в отбивную.

Принцип обычного лифта, адаптированного под адовы реалии. Они провалились на несколько кругов ниже — отсюда было рукой подать до центра. Люцифер, ступив на твердую почву, разминал затекшие и отбитые конечности, стараясь не выдавать желания блевануть.

— Кто придумал? — нарочито безразлично спросил он.

— Мы с Белиалом, — ответил Вельзевул, тоже не отказывая себе в удовольствии потянуться. — Неплохо держишься — обычно демонов выворачивает.

— Это хорошая идея, — потирая ушибленный зад, все же признал Люцифер. — Правда, комфорт у людей тоже можно было бы позаимствовать.

— Я голосовал: «за», — усмехнулся Вельзевул, — но для многих — это было уже чересчур по-человечески. Боялись, что такими темпами мы дойдем до того, что начнем сношаться с земными бабами.

Люцифер пропустил мимо ушей едкий намек. Сил не осталось — он едва поспевал за Вельзевулом.

В относительной безопасности адреналиновый кураж прошел, и оказалось, что огонь не делал особой разницы между ним и взбесившимися демонами. Его поджарило не меньше, чем остальных. Липкий от крови и пота, с горящими волдырями по всему телу, Люцифер был на пределе своих возможностей. Даже ускоренная регенерация не облегчала положение. Упасть за смертью не давала только гордость.

Поэтому когда показался пар от горячих источников с целебными свойствами, Люцифер, не раздумывая, направился туда. В прежние времена здесь отдыхали сотни демонов, а ныне — никого.

Вода жгла нещадно, с него будто живьем сдирали кожу и наращивали новую. Но вместе с тем вода была теплой, благостной, она бодрила и возвращала силы.

Вельзевул, вопреки ожиданиям, возражать и читать нотации не стал. Наоборот, вслед за Люцифером молча скинул одежду и зашел в воду.

Вымывшись, они вылезли на сушу. И долго обсыхали, тупо глядя на пар из воды. В этот момент Люцифер впервые понял, как сильно соскучился по брату. Говорить не хотелось, вообще ничего не хотелось, а надо было.

— И что дальше? — спросил Люцифер, пытаясь отстирать рубашку, методом возюканья её туда-сюда по воде — получалось не очень хорошо.

— Вкратце, — задумчиво сообщил Вельзевул, поднимаясь и натягивая на себя одежду. — Мы сейчас вернемся за остальными, и ты выведешь нас на Землю.

Когда Люцифер шел по разоренному пепелищу, он так и планировал — найти выживших и вывести их наружу, но сейчас эта идея показалась ему подозрительной. После того, как демоны окажутся на земле, пути назад не будет — наступит апокалипсис, как сказано в писании. Люцифер же не относился к группе демонов, какими были тот же Вельзевул и Белиал — мечтающих о том, чтобы очистить землю от всего человечества. Он никогда не хотел генерального сражения и победы в нём — его ненависть так далеко не заходила.

— Ты всегда был слишком фанатичен Вельзевул, — застегивая на себе мокрую рубашку, выговорил брату свои подозрения Люцифер. — Думаешь, я стану помогать тебе устроить апокалипсис? Откуда мне знать, что ты не заодно с этими предателями? Что это не твоих рук дела?! Ты должен был править в моё отсутствие! Ты должен был сохранять здесь порядок! Я отдал тебе всю власть! И что я вижу?!

Мокрая рубашка неприятно липла к коже. Люцифер, вытащив меч из ножен, стал очищать его от крови.

— Я ничего тебе не должен! Или ты забыл, как ты передал мне свои полномочия?! — с издевкой, делая акцент на «передачу полномочий», прошипел Вельзевул. От ярости из горла вместе со словами вырывалось мушиное жужжание. Он подошел к Люциферу почти вплотную и с ненавистью продолжил. — Напоминаю: я тащу тебя с очередной попойки в баре, где ты, как всегда, упился до свинства, а ты вероломно сбросил меня в ад со словами: «Так для всех будет лучше!»! И закрыл гребаные ворота! Это все! Занавес! Ты пропал больше чем на сто лет!

— И ты настолько разобиделся, что решил мне отомстить?! — Люцифер держал меч у самого горла разъяренного Вельзевула. — Что мешает убить тебя прямо сейчас?!

— Ничего не мешает, — холодно ответил Вельзевул, в нем не было страха, лишь горечь. — Вот только это не изменит того, что это все твоя вина. И перекинуть её на меня тебе не удастся, даже если ты меня сто раз убьешь.

Эта была правда. Вот только Люцифер не знал, как ему теперь быть с этой правдой. Он убрал меч в ножны и с болью спросил:

— Почему они предали меня?

— А почему ты их предал? — продолжая его боль, эхом откликнулся Вельзевул.

— Мне было больно, — через силу признался Люцифер, — я был слаб, и не мог больше быть вашим вождем. Я хотел как лучше, но я никогда не причинил бы вам вреда, а те демоны пытались загрызть меня живьем. Что с ними такое? Что здесь случилось, Вельзевул?!

Вельзевул покачал головой.

— Мы не знаем, — вздохнул он. — Сразу как ты закрыл ворота, некоторые демоны стали меняться. Сначала никто не придавал значения, все думали, что они скорбят о твоём уходе. Но их становилось все больше, и они менялись все сильнее. Их личности будто стирали, оставив взамен пустоту и голод. Они не радовались и не грустили, ни плакали и не смеялись. А потом стали жрать все подряд — от чертей до демонов. Сначала мы пытались их спасти, потом изолировать, потом спрятаться от них. Но время работало против нас. Вскоре заражаться и гаснуть стали даже человеческие души, ад зачах. Из шестисот шестидесяти шести — нас осталось только шестьдесят пять.

— Этого не может быть! — из груди рвалось отчаяние и боль — он не мог потерять стольких братьев. — Это какой-то бред!

— Это бред?! — раздраженно жужжа выкрикнул Вельзевул. — Ты бросил нас ради

дочери Евы в самый трудный час! Ты, который осуждал нашего отца за то, что он предпочел нам жалких людишек, сам поступил точно так же! Ты такой же, как и он!

— Заткнись! — взревел Люцифер.

Не помня себя от бешенства, он схватил Вельзевула за грудки и что есть силы ударил еще и еще раз. Очнувшись, отпустил, глядя на свои перепачканные золотистой кровью руки, сделалось стыдно и горько.

— Прости, — прошептал он, избегая смотреть на увечья брата, бросился отмывать руки.

— Очень по-человечески — агрессия, насилие и злоба, — смывая кровь с разбитого лица, процедил Вельзевул. — Ты даже вернулся не из любви к нам, не потому что мы в тебе нуждались! А потому, что девчонка позвала!

— Девчонка? — недоверчиво переспросил Люцифер, он уже и забыл о ней, казалось, что она причудилась ему. — Значит, она и вправду существует?

— Твоя дочь — да, существует, — разбитое лицо Вельзевула быстро восстанавливалось, но выглядело все равно паршиво. — Она здесь, и наш отец тоже. Несет какую-то ахиною про Хаос и конец света, по-моему, свихнулся окончательно, я ему не верю. Скорее всего, он с нами опять играет в свою любимую игру — угадайте мой промысел.

— Но ад был закрыт, — недоверчиво заметил Люцифер. — Как они сюда попали?

— Мальчишка притащил, — пожал плечами Вельзевул. — У него душа, как у твоей Софьи была, только намного сильнее и темная.

— Старый лис что-то задумал, — согласился с братом Люцифер, припоминая, что о том же намекал и Михаил. — Мальчишка, как всегда, лишь средство! А девочка, боюсь, и её он использует.

— Да, мальчишка силен, но вообще ничего не понимает — идет, как теленок на убой. Вспыльчивый, импульсивный на тебя похож. Кстати, твоей дочери он, кажется, нравится.

— Это поправимо, — напряженно заметил Люцифер. — А лучше избавь меня от своих предположений — она еще дитя.

— Не могу, — усмехнулся Вельзевул, — твоя человеческая реакция слишком показательна, и она меня веселит.

Люцифер поморщился, решив оставить это без комментариев.

— Моя до... — нет, пока не убедится он не будет её так называть, — эта девчонка — она здесь одна?

— Да, одна. Твоей Софьи с ней нет.

Люцифер отвернулся, чтобы Вельзевул не увидел глубины его разочарования. Осталось утешать себя тем, что дочь точно знает, где её мать. И вместе они непременно найдут её. Но сначала ему нужно было спасти остатки своего народа и обыграть Бога.

— Отсюда уже можно и долететь — заметил Люцифер, расправляя перепончатые крылья. Вельзевул согласно кивнул, блеснув прозрачными крылышками в свете грешных душ.

[1] И. Губерман афоризмы

Вспашка 10. У весны твои глаза

Ожидание — это мучительно.

Особенно, если не знаешь, чего именно ждешь, но знаешь, что это будет катастрофа.

Особенно, если занять себя кроме ожидания нечем.

Тревога нарастала с каждой минутой, пока не обратилась в панику.

Варя, чтобы успокоиться, стала слоняться по пещерам. Все нервничали, но она не могла объединиться с ними в их страхе. Демоны вокруг боялись, что к ним ворвутся зомби, что их поглотит вечный Хаос, а она боялась, что появится надежда на спасение, что отец откликнется на её зов. И тогда...

...Тогда Варе придется держать ответ за все содеянное. Тогда придется рассказать, о том, как она сгубила собственную маменьку. И все увидят, какая она есть на самом деле, что она чудовище. Увидит отец, а самое ужасное — увидит Матфей. Одна мысль, что он увидит — была мучительна. Пусть её терзают голод и пустота, но не его взгляд, наполненный презрением к ней, как только он поймет, что она есть такое на самом деле.

Она ничтожна, она не достойна, она грязь под ногами. Она примирилась со своей ущербностью, но не могла примириться с мыслью, что он это в ней обнаружит.

Она села, поджав под себя ноги, закрылась руками — нет, она не вынесет его осуждения. И понять не получалось — от чего оно для нее страшнее всего на свете. Почему она так зависит от его мнения о ней?

— Эй, — позвал Матфей, легонько потрепав её за руку. — Чего грузишься? Страшно?

Она подняла на него взгляд.

Матфей, наклонившись над ней, ободряюще улыбнулся. Видимо тоже прогуливался по пещерам и, наткнувшись на неё, решил присесть рядом.

— Понимаю. Тоже не хочу здесь сгинуть, — вздохнул он, по-своему истолковав её молчание. — Если уж пропадать, то под голубым небом и с любимой девушкой рядом.

И опять его слова задели за живое. По щекам покатались слезы. Она не могла и мечтать, чтобы стать для кого-то любимой.

Варе сделалось любопытно, что это значит — быть любимой для Матфея? Она смутно помнила его любимую. Аня была сильна духом. Она несла за собой свет и надежду. А Варя лишь — чудовище, которое он пожалел и не стал добивать. Варя для него никто, и это тоже было больно. А хуже всего, что она не могла понять, почему ей настолько больно от этого.

— Эй, ну что ты опять плачешь? Все будет хорошо, — пообещал он, тронув её за руку. — Мы обязательно выкарабкаемся.

— Я хочу, чтоб ты ушел, — высвобождая свою руку из его ладони, попросила она.

Он вздохнул, но не двинулся с места.

— Я останусь, — наконец, уверенно сообщил он. — Ты одна пробродила здесь слишком долго — тебе это не идет на пользу. Ты накрутила себя.

— Ты совсем меня не знаешь, — прошептала она, глотая слезы.

— Зато знаю себя, — пожал он плечами, — еще немного и я на пару с Сидором сойду с ума. Мне нужна твоя поддержка, Варя. Нам нужно держаться друг друга.

Странно, но от его слов ей сразу стало легче. Слезы высохли, она, улыбнувшись, кивнула ему — ей он тоже был нужен.

Матфей, немного помолчав, заявил:

— Сидор говорит, что с ним души из ядра болтают, прикинь?

— И что говорят? — улыбнулась она.

— Я не спрашивал... Да он гонит.

— Они говорят, — подал голос Сидор, — что Люцифер здесь, но он не сможет нас спасти. Зомбаки слишком близко. И вывести всех может только этот хрен, что расселся здесь и ни черта не делает!

— И как я должен это сделать?! — раздраженно огрызнулся Матфей.

— Они не знают. Но ты ж нас сюда как-то затащил?

— Я по-прежнему не уверен, что дело во мне.

Их спор прервал шум. В гроте что-то происходило.

— Ба! Неужели зомбаки прибыли? — подпрыгивая на ноги, предположил Матфей. — Сиди здесь, я проверю! — велел он Варя.

Но Варя и не думала оставаться в стороне, особенно в то время, когда Матфею угрожала опасность. Она побежала следом.

Оказалось, что всеобщий переполох поднялся вовсе не из-за нападения, а из-за долгожданного появления в гроте Вельзевула с Люцифером. Демоны, окружив прибывших, что-то яростно выговаривали Люциферу. Он с не меньшим жаром выговаривал им в ответ. А потом к Люциферу подбежал Белиал и, обняв его, зарыдал. И стало очень тихо. И в этой тишине Люцифер хрипловато сказал.

— Прости меня, Белиал! Простите меня братья.

Демоны стали поочередно подходить к Люциферу кто-то обнимал, кто-то пожимал руку. Раздался смех, напряжение и гнев ушли окончательно.

— Офигеть, у тебя отец здоровенный альбинос. Впечатляет, — восхищенно присвистнул Матфей. — Хочешь подойти?

— Нет, — спешно ответила Варя, отступая в тень. — Не хочу.

— Да, брось, он с виду нормальный чел, нет кровавых глаз, рогов и хлыста. Вон как демоны ему обрадовались. После Белиала то...

— Оставь меня, — не выдержав, снова попросила Варя. — Ты не понимаешь, Матфей!

— Так помоги мне понять, я ведь помочь стараюсь, блин, — обиженно буркнул Матфей. — Если ты боишься, я буду рядом и не дам тебя в обиду.

— Как это благородно, мальчишка, — прогремел над ними голос с байкерской хрипотцой. — Но вместе с тем глупо — обещать защиту, которую ты не можешь обеспечить — глупо.

Люцифер, скрестив руки на груди, с насмешкой разглядывал Матфея.

— Это не факт, что не смогу — поджилки у Матфея, конечно, дрогнули, но не при Варя же это показывать. Поэтому он, скопировав позу Люцифера, нагло встретился с ним взглядом, но выдержал его только потому, что у Вари были глаза того же цвета.

— А ты и вправду силен, — задумчиво покачал головой Люцифер, — но всего лишь человек.

— Иногда этого достаточно, — с вызовом усмехнулся Матфей.

— Ты в курсе, что я могу тебя уничтожить? — как бы между прочим, держа руку на рукояти меча спросил Люцифер.

— Пожалуйста, не надо, — вставая между ними, и заглядывая отцу в лицо, попросила Варя. — Пожалуйста...

— Ты, очень похожа на мать, девочка, — выдохнул Люцифер. Варя съежилась, он

продолжил с раздражением. — Моя дочь не очень-то и рада встрече, хотя сама позвала меня, я хочу знать почему? Где твоя мать?

Варя с немой мольбой оглянулась на Матфея, всем сердцем желая, чтобы он ушел. Но он все понял с точностью наоборот и ободряюще ей кивнул. От его поддержки стало только хуже, мысли разбежались по разным сторонам, её затрясло.

Люцифер был на взводе и из-за её трусости мог пострадать Матфей. А этого она не могла допустить.

Она развернулась к отцу, сосредоточившись на предстоящем разговоре. Мама бы хотела, чтобы она в этот момент была стойкой и приняла свою участь, как подобает дочери княжны.

— Говори! — нетерпеливо потребовал Люцифер. — Говори, девочка!

— Моей матери больше нет, — выдавила она. — Её поглотил Хаос. Навсегда.

— Что? Что это значит? — поморщился Люцифер. — С чего ты это взяла?!

— Больше ста лет назад был открыт ящик Пандоры. Адам и Ева пытались уничтожить меня — дочь дьявола, с помощью Хаоса. Но я стала сосудом. Через меня Хаос пожрал душу моей матери, — отчеканила она, собственный голос казался ей деревянным и неестественно бил по ушам. — Это значит, что мамы больше нет. Её нет ни в аду, ни в раю, ни для перерождения в новую жизнь...

Вот она и сказала это, вот и обличила себя. Вот и показала всем свое истинное лицо. Её накрыло чувство опустошенности. Хотелось лишь, чтобы меч оборвал наконец-то эту сцену. Все чего ей хотелось — не быть.

— Этого не может быть! — прошептал Люцифер, проводя рукой по лицу. Казалось, что ему не хватает воздуха, он качнулся, сделал шаг назад.

— Я виновата в этом, — все же договорила Варя. — Я уничтожила свою мать.

Варе на плечо легла теплая рука Матфея. Она обернулась и увидела в нем лишь сочувствие и грусть. В нем, вопреки её страхам, не мелькнуло и тени осуждения или неприязни.

— Ты не виновата, — прошептал он ей.

Этот шепот поглотил страшный, звериный рев. Стены и земля задрожали, со всех сторон посыпались камни. Вокруг началась суэта и крики. Матфей потянул Варю назад, но она осталась стоять на месте.

Люцифер обратился в огромного дракона. Белый змей точно такой же, какой приходил в её детские сны. Прекрасный, могучий и смертоносный. Это хороший конец её истории.

Совсем рядом с Варей кто-то кричал. Она выхватила возмущенный голос Матфея.

— Отпусти меня, — с надрывом требовал он, — злобный старикан! Он же убьет её! А ну, пусти, урод сраный!

В этот момент Варя была благодарна Богу. Матфей не пострадает за её грехи. Большого и желать нельзя.

Она готова ответить за содеянное. Зажмурившись, Варя сделала шаг навстречу смерти. Жаркое дыхание коснулось лица. В последний момент Варя все же распахнула глаза и встретила с полным муки взглядом отца. Люцифер опустил морду на лапы у самых её ног. Из огромных сиреневых глаз капали слезы.

Варя протянула руку и осторожно погладила змия по щеке. Сделала еще шаг и, уткнувшись в белую, удивительно мягкую и теплую шкуру, она разрыдалась, как маленькая, на плече у большого и сильного папы.

Из-за того, что альбинос обратился в здоровенное чудовище, пещеру завалило, кое-кого из демонов помяло, но, в общем, все обошлось благополучно. Демоны после обращения Люцифера в дракона вообще как с ума съехали, чуть ли не ноги были готовы ему целовать. Столько радости и фанатизма ни на каждом религиозном празднике встретишь.

Как скоро оказалось, выходы завалило к лучшему, потому что на той стороне слышался зловещий скрежет и чмокание зомбаков. Другое дело, что теперь никто не знал, как выбраться из этой дыры. И надеяться больше было не на кого.

Сидор нудил, что Матфей что-то может. Матфей же мог только офигевать над всякой всячиной, которую предпочел бы смотреть в кинотеатре, спокойно поедая попкорн, а, не изнывая от жары и перспективы в скором времени стать живым мертвяком с единственной мыслью: «Мозги! Мозги!».

Демоны всем скопом придумывали, как выбраться, но Матфей, выслушав пару версий, понял, что чуваки просто пытаются не свихнуться окончательно. И после неизменного итога очередного плана: «Мы все умрем!», предпочел скромно посидеть в сторонке от этой оптимистичной компании.

Теперь все внимание Вари принадлежало отцу. Это тоже бесило. Она как прилипла к альбиносу. Подумаешь, ненадолго в дракона обернулся и немного дьявол — это не меняло того, что он едва не прикончил её. В Матфееву же сторону Варя даже смотреть перестала, всячески избегая любого взаимодействия с ним.

Матфей надеялся, что отведет душу, когда Бог с Люцифером сойдутся в неизбежном противоборстве. Но оба старательно игнорировали друг друга. Лишь иногда Матфей замечал, как Люцифер недоверчиво посматривал в сторону Егорушки, будто ждал от него подвоха и пытался сыграть на опережение. И только! Никаких там шахматных партий или на худой конец банального скандальчика — тишь да гладь.

С Матфеем Бог проделывал, примерно, то же, что и с Люцифером — обходил сторонкой. А если Матфею и удавалось застать старикана врасплох каким-нибудь вопросом, то давал такие заковыристые, бессмысленные ответы, что Матфей зарекся спрашивать.

Варя носилась со своим папашей, а с Матфеем остался только Сидор, который задолбал так, что Матфей через слово грозился кинуть его в ядро к собратьям. Однако угрозы его ничуть не пугали, наоборот — создавалось гаденькое ощущение, что он специально провоцирует на эти самые угрозы.

— Ты, если хочешь, чтобы она подошла, позови, — раздавались неугомонные советы из кармана. — Что сидишь, кипишь-то?

— Иди в жопу, ничего я не хочу! — раздраженно отмахивался Матфей.

— Ага, ты уже дырки на ней прожег, — ехидничал Сидор, — это потому, что смотреть больше некуда?

Матфей поспешно потупился. Сидор, как всегда, был прав — он слишком долго пялился на девушку, и это могли заметить остальные. И при всем своем невнимании к нему, Варя тоже могла это заметить, но отчего-то не замечала. Нужно напомнить себе, почему ему туда смотреть нельзя.

В последний раз Матфей видел Аню в тот момент, когда горел её дом. Она оплакивала мертвого брата. По возрасту все сходилось. Аня тогда отказалась переезжать к нему из-за того, что не могла оставить мелкого на отца алкаша. А Матфей даже не стал разбираться, хотя знал, что существовала какая-то веская причина, но не захотел вникать в Анины беды.

Ему тогда проще было уйти, и она это знала. Прошлое в свете всего этого определяло Матфея, как слабака и предателя, и ему необходимо было доказать хотя бы себе, что это не так.

— Я просто хочу выйти отсюда и убедиться, что с Аней все в порядке, — подытожил Матфей свои мысли.

— Но Варя тебе тоже нравится! — не унимался Сидор. — Почему ты так сопротивляешься?

— Ни черта она мне не нравится, понял?! Я знаю и всегда знал, кто моя женщина!

— А, что если ты ошибаешься? И просто не можешь отпустить и смириться с поражением? Аня, по-моему, тебя отпустила. Иначе, что там делал красавчик Илья, вытащивший из огня её брата?

— Заткнись, ты не прав. Ане такие уроды не нравятся!

— Ну, конечно, умные, богатые красавчики не могут нравиться девушкам. Вы дружили пять лет назад еще в школе! С тех пор много чего случилось, например, ты как бы умер!

— Тебе везет, что у тебя нет моськи, иначе ты давно бы уже по ней получил.

— Если тебе кто-то нравится, это же не значит, что ты кого-то этим предаешь, — продолжал давить Сидор. — Я тут повспоминал твои комиксы, там всегда была девушка один в один Варя, она снилась тебе. Это ли не перст судьбы?! Почему ты считаешь что Аня, а не Варя твоя единственная? Нафига так циклиться на ком-то?

Эти вопросы ни раз задавал себе сам Матфей. Но ответить на них внятно даже себе, было еще той задачей. А уж объяснить что-то Сидору вообще казалось делом безнадежным.

Матфей всегда в отношениях с женщинами боялся стать таким же, как отец. Быть, как собака на сене, метаться между возлюбленными, теряя в этом самого себя. Но если раньше метания отца вызывали у него лишь презрение, то теперь ему было жаль его. Он сам себе казался таким же и ненавидел себя за это.

Он знал, что все еще любит Аню, её судьба была ему не безразлична. Но вместе с тем, Варя завораживала его, и, когда её чуть не загрыз дракон, Матфей понял, что она ему дорога не меньше, чем Аня. Хотя это были разные чувства, но оба очень сильные. Оставалось надеяться, что он никогда не попадет в ту же ситуацию, что и отец — не окажется перед прямым выбором между двумя важными для него девушками.

— Из тебя еще тот эксперт, — сдаваясь, вздохнул Матфей. — Свахой заделался?

— Я дохлый девственник! — засмеялся Сидор. — В чем в чем, а во всяких там отношениях я профи.

Матфей усмехнулся. В последнее время в их перепалках с Сидором что-то неуловимо изменилось. Появилась недосказанность и тяжелое предчувствие рока.

Обычно Сидор был открытой книгой, а сейчас стал себе на уме. Как будто окольными путями пытался подвести Матфея к чему-то важному, но настолько неприятному, что напрямки идти трусил. Матфей же старательно делал вид, что ничего не замечает, потому что страх Сидора был капец как заразен, ведь это же Сидор — он никогда ничего не боялся.

— Чего ты хочешь, Сидор? — наконец, решился спросить Матфей в лоб.

Сидор тяжело вздохнул, и, как мантру, забубнил картавую скороговорку про Гр'еку через р'еку, потом сам себя оборвал и тихо так с расстановками признался:

— Я кое-что решил. Мое место здесь — вместе с другими душами. Ты должен отпустить меня в ядро, Мотан. Так будет лучше для всех.

— Чушь! Что за херню ты опять городишь? — взвился Матфей.

— Мотан, я мертв, — спокойно заметил Сидор. — Я умер. И мне пора уйти. Я все больше чувствую притяжение остальных душ. Мне просто необходимо уже стать их частью. Быть частью, значит, стать счастливым.

— Сидор, это фигня, бро. В аду нет счастья! Ад — это ад!

— Матфей, я заслужил то, что заслужил.

— Мы все исправим!

— Есть время принимать решения, а есть время брать ответственность за принятые решения! Да, меня ждут страдания, но только так можно осмыслить свои ошибки, понять, что именно привело меня сюда и идти дальше. Дай мне уйти, бро. Тебе нужно научиться отпускать людей! Отпусти меня!

Матфей сглотнул ком. Сидор был в чем-то прав, но при этом умудрялся быть не правым в самом главном.

— Я тебя не брошу! Даже если и так, ты же понимаешь, что здесь у них какая-то хрень случилась!

— Да, и я им нужен чтобы справиться, а тебе нет!

— Ты ошибаешься — ты мне нужен! — горячо возразил Матфей. — Ты тут единственный, кто связывает меня с жизнью.

— Так может пора разорвать эту связь. Пожалуйста. Мне не место у тебя в кармане.

Матфей прикрыл глаза.

Сидор так часто его бесил. С самой первой встречи, когда уселся рядом с ним на паре и заявил, что отныне они лучшие друзья, потому что никого лучше Кости Сидорова Матфею все равно найти на курсе не удастся. И как ни странно, это оказалось чистой правдой. Никого лучше Кости Сидорова Матфею не встречалось. При всей своей эксцентричности он был прекрасным другом и хорошим человеком. Гораздо лучше самого Матфея. Смелый, увлекающийся, совсем не такой как все. И умер он из-за их дружбы. Матфей знал, что виноват в его смерти. Это он дал Сидору на первом курсе почитать Бакунина. Это он заразил его мечтами об анархии и революции. Только в то время, как Матфей был всего лишь мечтателем — Сидор оказался деятелем. Некоторые мечты приводят в ад не только нас самих, но и наших близких.

— Это я виноват, что все так случилось, — вслух сознался Матфей, в глазах зацепило. — Это я виноват, что ты умер.

— Очередная чушь, Мотан. Ты бы ничего не смог сделать. Это я, я видел выход только в саморазрушении. Нельзя взять кого-то прицепом и тянуть всю жизнь. Да, некоторые люди делают нас немного лучше или немного хуже, но в итоге — помочь себе мы можем только сами. Я сделал выбор, я хочу пройти этот путь до конца. Ты был мне надежной опорой, но мне пора научиться ходить самому.

— Нет, — прошептал Матфей. — Нет, Сидор. Мы или подохнем вместе, или вместе спасемся.

— Вот этого я боялся больше всего! Ты упертый, как осел! — с горечью выдохнул Сидор. — Тогда давай так, как предлагают они. Ты сейчас подойдешь к ядру и коснешься его. И потом решишь окончательно?

— Я уже решил! — категорично отрезал Матфей. — И трогать ядро не буду!

— Решил за меня?! — разозлился Сидор. — Может, ты все-таки сделаешь мне одолжение и возьмешь в толк мой последний аргумент!

К сожалению, в упреках Сидора была нехилая доля справедливости. Роль тюремщика

даже из благих побуждений Матфею не улыбалась. Пришлось пойти на уступки.

— Ладно, — неохотно согласился он. — Но это ничего не изменит.

Матфей встал, размял затекшие ноги и подошел к пульсирующему ядру. Отсюда была видна только часть сферы. Он хмыкнул и с лентой сунул туда руку.

Волна боли и ужаса током ударила по телу. Он взвыл, спешно отдергиваясь. Но боль не ушла. Он упал, скрутившись на полу пещеры в позу эмбриона. Ему казалось, что еще миг, и он свихнется, и в этот миг все прекратилось, так же внезапно, как и началось.

Он лежал и тупо таращился на ядро. До него медленно доходило, что у него нет выбора, он или отдаст душу Сидора, или душа Сидора погибнет, обратившись в ничто. Души могли существовать только вместе. Таков был непреложный закон мира, точно такой же неоспоримый, как бытующий в природе закон сохранения энергии и естественного отбора.

— Вот ты чучело, — простонал Матфей, сглатывая металлический привкус крови во рту, — а объяснить нельзя было нормально? Больно же!

— Ты меня не слушал! — огрызнулся Сидор. — Мне пришлось.

Матфей достал Сидора из кармана и долго смотрел на него, вскоре шарик расфокусировался, превратившись в красное облачко.

— Я буду скучать, хоть ты и debil, но буду ужасно скучать.

— Да, я тоже, наверно, — голос его дрогнул. — Позаботься о моей маме и сестренке.

— Сидор. Я ведь тоже мертв, — напомнил Матфей.

— Ты пока в игре, — хмыкнул Сидор. — Давай уже, не тяни!

Матфей поднялся и протянул душу Сидора к ядру.

Труднее всего было разжать пальцы, они как будто прикипели к душе друга. Но все же, преодолев себя, он отпустил.

Душа Сидора пару мгновений парила в воздухе, а затем примагнитилась к ядру, слившись с ним в единое целое. Он стал частью остальных душ, и хотелось бы, чтобы это сделало его счастливым.

Матфей еще долго стоял плача и шепча что-то Сидору вслед. Сфера размылась от слез, и ему даже казалось, что он различает в ней душу Сидора.

Он слишком поздно понял, что его прощание стало мини представлением, за которым наблюдали все демоны и Варя в их числе.

Матфею нужно было побыть одному. Он развернулся и пошагал прочь от чужих глаз. Но все пещеры завалило. Все же решил поискать какой-нибудь отдаленный уголок, и ноги сами привили его в ту пещеру, где они играли с чертями. Она оказалась лишь слегка забросана камнями.

Он сел, уткнув голову в колени, и сидел так долго, пока голова не опустела. Думал о всяком. Обрывками крутились воспоминания о Сидоре вперемежку с мамой и Аней. Отсюда собственная жизнь казалась такой маленькой.

Жизнь маленького человека очень просто раздавить об огромный мир. Об этом писал Чехов, Гоголь...

— Ты поступил правильно, Матфей, — он поднял голову — рядом сидела Варя. — Так для него будет лучше.

— Лучше? Что ты об этом знаешь? Что понимаешь в человеческих отношениях? В любви? — скривился Матфей. — Иди к своему папочке.

Варя не шелохнулась, наоборот, вся подобралась и тихо процитировала:

— *«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не*

превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»[1].

Судя по той одухотворенности, с которой Варя выговаривала эту опошленную современностью цитату, она даже не подозревала, как сильно её обесценили голливудские фильмы, прилагая весь её пафос к любой псевдоромантической ванили с тупым сюжетом.

В исполнении Вари эти слова были все-таки наполнены её искренней, наивной верой в их правдивость.

В этот момент она показалась ему такой милой и совершенно беззащитной перед тем, что ей выпало пережить.

— Это скорее похоже на идеальную модель любви, чем на любовь. На любовь не к человеку, а на любовь к любви, — попытался коряво объяснить он. — А любить человека это совсем не так.

Она погрустнела, покачав головой, признавая свое поражение без боя. Ему захотелось защитить её, обнять, оградить от этого мира.

— Ты любил? — тихо спросила она.

— Да, — сознался он. — Я и сейчас люблю...

— А ты... — она покраснела и выдохнула. — Это ведь навсегда — любовь? Ты не можешь забыть?

— Нет, забыть не могу, но могу забытьсья.

Взгляд его обжог Варю. Она и испугалась этого взгляда, и, вместе с тем, все в ней под этим взглядом проснулось, ожило и потянулось к нему навстречу. Сердце зачирикало озорными птичками. Она поддалась ему инстинктивно, неосознанно.

Он был совсем близко и будто знал, что она так вот подается ему навстречу. Он все знал, а она не знала ничего. Он прижался к её губам влажными, теплыми губами, заставляя ее птичек неистово метаться по всему телу приятной истомой.

Она прикрыла глаза, отдаваясь новому для неё неясному, пугающему, волнующему чувству.

Его руки обвили её горячим кольцом, поднимая со дна щемящую нежность.

Не удержавшись, она бережно, кончиками пальцев дотронулась до его щеки, придвигаясь еще ближе, и потерялась, растворилась в теплоте его касаний и поцелуев.

Свежий ветер дохнул в лицо. Варя открыла глаза и увидела, как солнце играет в его огненных волосах. А на щеках у него веснушки, только черные.

Матфей испытующе смотрел на неё. В глазах золото, но уже не расплавленное теплом и страстью, а осмысленное, холодное.

Ей стало зябко под этим взглядом, будто она сотворила что постыдное. А ведь и вправду постыдное. Ведь только мужу дозволено так касаться до тела женщины. Она вспыхнула, отскочила от него и стремглав помчалась прочь.

— Варя! Куда?! — обеспокоенно неслось ей вслед.

Но стыд гнал её дальше, дальше от позора, от своего очередного падения. Дальше от самой себя, такой непонятной, такой чужой самой себе.

Когда воздух совсем кончился, Варя остановилась перевести дух. Трели птиц. Вокруг высокие сосны и березы с почками готовыми распуститься в свежую зелень. Под ногами набухшая водой почва. Таков лик весны.

Земля дрогнула и стала уходить из-под ног. Варя, не удержав равновесие, упала. В голубом куполе неба, расправив широкие крылья, реял орел, преломляя лучи солнца. Солнце распалось, плавилось, теряя очертания, и вдруг взорвалось россыпью золотых крупинок, рассыпаясь по небу.

Ожили спящие вулканы, выпуская из своих недр красную магму. И в небо летела огненная крупа грешных душ. Сливаясь в едино с душами просветленными, они раскрашивали небо в дивные краски.

Адово войско нетвердо стояло на дрожащей земле супротив войска небесного. Ангелы и демоны, ежась от холода, тревожно вглядывались в небеса. В глазах у них стояли слезы.

Ад и рай пуст — все их обитатели здесь.

[1] Библия

Вспышка 11. Армии света и тьмы

Все детство отец таскал Матфея по лесам. Папаня, как настоящий мужик, любил дикую природу — охоту, рыбалку, походную жизнь в палатках. Матфей же ненавидел все это. Ненавидел донимающих его насекомых, вкус похлебки, сваренной на костре, холод и сырость, отсутствие душа, тяжелый рюкзак, стертые в кровь ноги... У него буквально была аллергия на лес, стоило ему ступить в лесной край, как он неистово начинал чихать и чухаться.

Ребенком он взаправду считал, что ад — это когда ты потерялся в тайге. Но оказалось, что ад — это скорее блуждание по бесконечной пустыне в качестве хорошо прожаренной отбивной.

Сухой кожи ласково коснулся свежий ветер. Живой воздух наполнил легкие. В голове прояснилось. Матфей испытующе глянул на Варю, пытаясь понять — они действительно на Земле или это все ему только кажется?

Весна разбудила трель птиц и журчание ручьев. Глаз радовала близрастущая березка, набухшая почками, готовыми распуститься в молодую зелень. Гордые сосны поймали в кроны свет, и красовались в его убранстве. От голубого неба над головой и леса вокруг душа стала легкой и просветленной. Он был согласен обнимать каждое дерево, целовать каждый листочек, да что там, даже жить в лесу — только бы все это не растворилось миражом в измученном сознании.

Лицо Вари дрогнуло, она выпорхнула из его рук и понеслась прочь. Лишившись её тепла, Матфею стало зябко под прохладным ветерком ранней весны. Он непонимающе пару мгновений глядел ей вслед.

— Варя?! Куда?! — только и успел крикнуть ей и уже про себя пробормотал: — Что я не так сделал?

Под ногами чавкнула земля и что-то блеснуло. Матфей автоматически наклонился и вытащил на свет изъеденный ржавчиной, замазанный грязью солдатский жетон. Это была настоящая ладанка первой мировой войны. Он видел такую в музее. Интересно, откуда она здесь? Матфей замер на пару мгновений ошеломленный столь ценной находкой. В былые времена он бы не пожалел пару лет жизни за такую удачу, но сейчас — другие времена.

Он попытался открыть ладанку, но получилось далеко не сразу. Внутри же, к его разочарованию, оказался лишь комок гнили. Время не пощадило память о солдате. И все же находка была чудесной, ему срочно захотелось с кем-то поделиться своей радостью.

Матфей опомнился, поскорее сунул жетон в карман и кинулся вдогонку за Варей. Но в этот момент земля загрохотала, задрожала. В ответ на её вибрации взорвалось солнце, растекаясь по небу золотыми крупницами. На что Земля, не оставшись в долгу, лупанула в небо огненными снопами магмы.

Матфей ругнулся, глядя на световое шоу и пытаясь при этом устоять на ходившей ходуном земле. Это небо в красках света было самым красивым зрелищем, что он когда-либо видел в жизни и вместе с тем — самым ужасным и мучительным. После ада он думал, что хуже уже некуда, оказалось — есть куда, теперь его забросило на Землю — наблюдать, как ей приходит конец.

Необходимость вернуть Варю возрастала в геометрической прогрессии, если происходит очередной капец, они должны встретить его вместе. Хотя бы затем, чтобы уйти

спокойно, без боли очередной потери, хотя бы затем, чтобы обнять её напоследок. Он пожалел, что столько времени убил на рассматривание ладанки — это могло обождать.

Оторвав взгляд от неба, он огляделся по сторонам, но мир вокруг раскачивался с такой силой, что сфокусироваться на какой-то точке стало невозможным. От толчков мутило. Матфей побежал наобум, приблизительно в ту же сторону, что и Варя. Но земля, содрогаясь в родовых потугах, сбрасывала его в грязь. Он весь выпачкался её водами. Вставал. Снова бежал, звал Варю. Перед глазами все неистово мельтешило и прыгало, как будто кто-то бешено размахивал камерой, ловя в кадр лишь панику и смятение.

Момент лобового столкновения с другим телом был неожиданным, жестким и отрезвляющим. Землю в этот момент тряхнуло на десять баллов как минимум. Изображение опрокинулось. Матфей свалился, подминая под себя подвернувшегося на дороге парня. Они кубарем покатались по взбесившейся земле, соревнуясь в ругательствах.

Наконец, все пришло в относительное равновесие, и их перестало кидать по полям и лесам.

— Ты что в шары долбишься?! — идиотский выговор с ленцой показался знакомым.

— Извини, — пробормотал Матфей, поднимаясь вслед за парнем и пытаясь удержать подступившую к горлу тошноту. Ноги и руки после такого адского аттракциона дрожали, тело саднило, он весь вымок и задубенел.

Матфей посмотрел на того, кого сшиб, видок у него тоже был не из лучших, но главное это был тот самый Илья, который приходил с Аней на его похороны и вынес её брата из огня. Тот самый, который звонил Сидору перед самоубийством и на это самое самоубийство науськивал.

— Ах ты сука! — яростно выдохнул Матфей, и что есть силы врезал по наглой роже.

Илья отшатнулся, но не растерялся и, не раздумывая, ударил в ответ.

Земля опять стала уходить из-под ног, раздражаясь новым приступом лихорадки. Они схватились и, брыкаясь, кубыркком полетели в тартарары.

Матфей получил ногой по голове. В ушах зазвенело. Он на мгновение потерялся. Но при этом не перестал отупело и, судя по матюгательствам Ильи, даже успешно махать руками.

— Папенька, ему надо помочь! — до замутненного сознания донеслись взволнованные просьбы Вари. — Разнимите их! Ну что же вы стоите?!

Варя нашла. Матфею, как ни странно, сразу полегчало, даже гнев поутих.

Отвлечшись и расслабившись, он дал противнику возможность подмять себя. Отбиваться стало сложнее.

Земля под ними, как назло, поймала штиль. Это лишало перспективы с её помощью скинуть Илью.

— А ну, прекратите! — над ухом отчетливо прозвенел голос Ани.

Звук Аниного голоса сверху был чистой воды фантастикой. Причем плохой фантастикой — с сюжетными дырами и роялями в кустах. Но невозможность присутствия здесь Ани потянула за собой другую невозможность — ту самую, что сейчас активно выколачивала из Матфея дух.

— Илья, немедленно слезь с него! — сердито потребовала Аня.

Это возымело успех. Илья нехотя скатился с Матфея.

Дышать стало легче. Матфей перевернулся на спину.

Аня, из плоти и крови, стояла над ними. В ярких огнях размазанной по небу радужной палитры, девушка казалась реальной как никогда раньше. Свет ложился на неё красивыми,

мягкими разводами, выштриховывая и накладывая тени на красную царапину на шее, на слишком большую и выпуклую родинку на виске, на ямочку над линией верхней губы. Она была в легком белом платице не по погоде, с распущенной по плечам медью волос.

Удивительно, что они не задели её в пылу драки.

Она злилась и, размахивая руками, выговаривала им, но Матфей никак не мог вникнуть — за что именно и поэтому забил.

Илья сидел на земле и покорно слушал Аню, он явно улавливал суть гораздо лучше Матфея.

Матфей осмотрелся. Вокруг них по одну сторону стояли демоны, а по другую — не демоны, но и не люди. Не трудно было догадаться, сопоставив два и два, что это ангелы.

В отличие от негодующей Ани, Варя испуганно жалась к отцу. Её папаша, очевидно, получал удовольствие от драки и не скрывал, что хочет продолжения.

В причудливых красках неба Варя так и просилась на холст — гладкая, без изъянов, с нежно-персиковым оттенком кожа, в черные волосы свет набросал темно-синие тени. Огромные глаза, очерченные длинными ресницами, при взгляде в которые в носу щекотался запах сирени. Скулы заострились. Как будто её изображение прогнали через ретушь и фильтры, но при этом сохраняя живость и реальность всех её черт. Однако выглядела Варя настолько потерянной и подавленной, что было как-то жаль её и стыдно за свою несдержанность.

— Может, вы уже встанете?! — с негодованием школьной училки поинтересовалась Аня.

Матфей хотел съязвить, что отсюда вид лучше, но решил, что жизнь дороже. Уколело, что ради Матфея Аня платья не надевала, всегда ходила в джинсах и безразмерных свитерах. Он сейчас впервые в жизни как следует разглядел её ноги.

Матфей медленно поднялся.

Илья, вздохнув, последовал его примеру. Отмутузил этот урод его, надо признать, крепко.

Матфей ревностно покосился на Илью, опасаясь, что остался у него в долгу, и с удовольствием отметил, что вид у противника прилично помятый. Плюс ко всему — Илья казался виноватым, хотя это уже работа Ани. Илье просто повезло, что земля брыкалась в его пользу, а так бы Матфей ему точно накидал.

— Он первый начал! — оправдываясь, буркнул Илья, обличительно тыкая в Матфея пальцем.

Аня, скрестив руки, вопросительно посмотрела на Матфея, и он впервые заметил, что она немного робеет перед ним и еще, кажется, рада ему, хотя радость может Матфей и додумал, но вела она себя с ним далеко не так по-свойски, как с Ильей.

— Из-за этого сраного уroda умер мой друг — Сидор! — зло процедил Матфей.

Хотел спросить еще, что Аня здесь забыла в компании такого говна, но удержался, понимая, что не имеет права на такие вопросы.

— Рили? — брезгливо скривился Илья. — Этот придурок кончился сам. Я ему пистолет в рот не запихивал! Не надо на меня вешать всех зябликов.

— Что ты сказал?! — вновь закипел Матфей, поражаясь, что у уroda даже ничего не дрогнуло.

— Вы разве не видите, что происходит?! — возмущенно спросила Аня. — Сейчас не время выяснять отношения!

Все видели происходящее и даже догадывались, что это не к добру, возможно, даже конец всему тому, что они любили и знали в этой жизни. Земля поутихла. Но в небе творилась вакханалия. Оно горело огнями миллиардов человеческих душ. Никто из них ничего не мог поделать с этим пожаром, в отличие от своих взаимоотношений.

— Может, сейчас самое время их выяснить, потому что другого ни у кого не будет? — возразила Варя в унисон мыслям Матфея и грустно добавила. — «...И смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».[1]

Матфей избегал смотреть на девушек, боясь выдать, насколько запутался в своих чувствах, поэтому старательно сосредоточился на попытках отряхнуться от грязи, но добился лишь того, что сильнее размазал её. Случайно глянув на Илью, Матфей обнаружил, что тот делает ровно то же самое и с таким же комическим усердием.

— Вот и войско света прибыло, кажется, апокалипсис обходится без нашего участия, — насмешливо заметил Люцифер, нарушая немую сцену. — Может, поправим дело хорошей дракой, покажем молодежи пример?

Ангелы стояли напротив демонов, а между этим молотом и наковальней застряла скромная компания в лице Матфея, Ани, Ильи и Вари с Люцифером. Благо, что вид предвестников апокалипсиса внушал скорее сочувствие, чем страх. Они больше напоминали сборище потрепанной и испуганной массовки, у которой потек грим и кончился порох в пороховницах, чем защитников света и тьмы.

Армии перешептывались, растерянно поглядывая на войско противника. Драться никому, кроме Люцифера, не улыбалось. Да и Люцифер, скорее всего, ляпнул для того, чтобы разрядить обстановку.

Вперед вышел один из ангелов. В отличие от остальной своей братии внешне он вполне соответствовал церковным канонам — белые локоны, нимб над головой и пронзительные голубые глаза с золотой каймой вокруг зрачка. Но примечательным было даже не это, а то, что ангел был как две капли воды похож на Илью, если не учитывать атрибутику — просто одно лицо.

Матфей с недоумением покосился на Илью, тот неразборчиво буркнул себе под нос заковыристое ругательство, нервно передернув плечами. И тут Матфея осенило. Илья не совсем человек, он такой же как Варя — нефилим, зараженный хаосом. Все встало на свои места: и пустота внутри его души, чуть не поглотившая Матфея на похоронах, и его хладнокровная жестокость.

Матфей взгляделся в его душу, но ничего, кроме розовато-сиреневого света, не увидел. Сейчас Илья был чист, точно так же как и Варя — пустота покинула его. Только в отличие от Вари, он, как был уродом, так им и остался.

Ангел, преисполненный величия, кивнул Люциферу и, указав на Илью, заговорил:

— Я нашел источник всех бед. Это они, Люций! Те чудовища, что мы породили своими грехами! Нефилимы! Мы должны уничтожить их! И спасти Землю!

Воцарилась тишина, прерываемая только потрескиванием разгорающихся небес.

Илья обреченно вздохнул:

— Нашли крайних, — пробормотал он так тихо, что даже Матфей, стоящий совсем рядом, едва разобрал.

Однако с иронией, прозвучавшей в голосе Ильи, как ни странно, Матфей был согласен.

С тревогой заметил он, как Люцифер отстранился от Вари, оставив её совсем одну, и выдвинулся навстречу ангелу. Стало очевидно, что небесные отцы, мало чем отличались от

земных, а если и отличались, то не в лучшую сторону.

Матфей придвинулся к Варе и бережно взял её за руку, демонстрируя всем этим нелюдям, а главное ей, что не даст в обиду. Варя чуть приметно улыбнулась уголками губ, легонько пожимая его руку в ответ. Сердце дрогнуло от нежности, поднятой из глубины его «Я».

Он не удержался и все же украдкой глянул на Аню. Она стояла рядом с Ильей, и Матфей как-то отстраненно осознал, что они теперь не вместе, а порознь.

— Что с тобой, Михаил? Это на тебя совсем не похоже! Так скоропалительно и опрометчиво выносишь приговор своему сыну, а главное и моей дочери, я право теряюсь в твоих настроениях, — задумчиво заметил Люцифер.

— Отчаянные времена — требуют отчаянных мер! Это не мой сын и не твоя дочь — это плод греха. Чудовища — вестники конца! Они уничтожают все, что дорого нам в этом мире, включая и этот мир. Ты бы видел, что случилось с раем, что случилось с ангелами! Они ведь тоже твои братья! Мы должны спасти их, искупить свои грехи!

— Это происки нашего отца, а не наших детей! Ты же сам недавно подозревал его! — возразил Люцифер. — Наши дети не виноваты, их поразили недуг — бездна. Та же болезнь, что лютовала в аду и, как я понимаю, в раю тоже.

У Матфея отпала чавка. *Все смешалось в доме Облонских.* Определенно в этом месте событиям следовало развиваться в противоположную сторону. Михаил же ангел — он должен ратовать, чтобы — мир, дружба, жвачка, а он предлагал порешить собственного сына. Не то, что Матфей сильно был против...

Хотя нет, при всей своей неприязни к Илье, он не готов был к его публичному линчеванию. Но ладно там Илья — этот хмырь предлагал и Варю убить, а это уже совсем из ряда вон. Понятно теперь в кого Илья, с таким отцом трудно уродиться кем-то нормальным.

— Бездна? Ты себя слышишь? Это миф! Откуда ей взяться? — прорычал в ответ Михаил. — Глупо было рассчитывать на тебя! Ты же только и ждал апокалипсис, чтобы утвердить свое царствование! А я наивно думал, что ты любил свою Софью, как я любил Марию, а оказывается, ты использовал её, чтобы создать выродка, который предаст этот мир Хаосу, — в руках Михаила появилось копье, нимб над головой пыхнул ослепительным светом. — Этому не бывать!

Ангелы за спиной Михаила всколыхнулись, зашептались меж собой.

— А вы там так и будете стоять на линии огня? — напряженно прошипел через плечо Люцифер.

Илья, Аня, Матфей и Варя переглянулись и, сообразив что к чему, поспешно ретировались под защиту демонов. — Михаил, гнев застилает твой взор! Ты не видишь, что не прав! Я не дам тебе свершить казнь безвинных! Ты не простишь себя после...

— А я не спрашиваю твоего разрешения!

— Значит, тебе придется его отвоевать! — обреченно выдохнул Люцифер.

— Значит, отвоюю! — торжественно объявил Михаил. — Видимо, отец все так и задумал со дня творения мира! Мы сразимся! Я на стороне света и жизни, а ты как всегда на стороне тьмы и смерти!

Демоны расправили крылья, ошетинились в сторону противника звериным естеством. Войско из жалкого отребья мгновенно преобразилось в устрашающую армию. Они были готовы идти за своим непостоянным вождем до конца и во всем. Они доверяли ему.

Ангелы же лишь в ответ на боевую готовность демонов, нехотя поддержали Михаила,

тоже расправляя крылья и подчеркивая звериные черты. Армия света заметно сомневалась в правде своего предводителя, но на войне солдаты не задают вопросов и не спорят с генералами, даже когда их отправляют на верную гибель ни за что, ни про что.

Войска качнулись друг навстречу другу и, вздрогнув, все разом повалились на землю, зажимая уши.

— «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний»!^[2] — зычно прогремело в голове каждого.

От этого жуткого, продирающего до костей голоса, который почему-то звучал внутри собственного «Я», перебивая мысли, Матфея буквально вжало в грязь.

Когда он сумел наконец-то поднять черепашку, то заметил между встающими с земли ангелами и демонами щупленького старика с хитрыми глазками. Егорушка, как ни в чем не бывало стоял на пути двух войск и, посвистывая, ожидал, когда они придут в себя. Вид у него был такой, будто он все это время продрых в канаве. Не верилось, что это ему сейчас принадлежало слово, что одной силой своей опрокинуло ниц армии света и тьмы.

[1]Откровение Иоанна 21 глава — Библия.

[2]Откровение Иоанна 22 глава — Библия

Вспышка 12. Сказ о сотворении мира

— «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний»![1] — То был глас Божий.

Варя вздрогнула подкошенная вместе со всеми силой слова Господа своего. И первым делом испугалась за Матфея. Он наверняка начнет противиться, и это причинит ему боль, возможно, эта боль лишит его рассудка. Так уже бывало с теми пророками, кто не готов был внимать.

К Вариному облегчению, Матфей поднял голову, и, осознанно взглянув на неё, нашел её руку и крепко сжал пальцы. Они вместе с остальными поднялись с земли. Бог невозмутимо прохаживался по дорожке между демонами и ангелами.

— Всегда мечтал сказать это от души! Хорошо звучит, правда, детушки?! — добродушно поинтересовался Бог, вновь вернув себе елейный голосок обычного старичка.

Варя никак не могла понять, почему Бог из всех личин предпочитает маску страшно-противного, тщедушного, кривого, иногда даже покалеченного, бродячего шута.

Из века в век по миру шел блаженный старик, и не знали люди, швыряясь в него гнилой репой, что этот старик, смеющийся через шутки-прибаутки ведать им правду в глаза, и есть их Бог. А мог бы стать кем угодно, мог бы выбрать лик благообразного старца-философа с окладистой бородой и мудростью в очах, перед которым публика бы благоговела, которому бы внимали. Однако ж нет, он предпочитал вызывать брезгливость, злость и недоумение. Это не похоже на любовь, ведь когда любишь, хочется нравиться.

— Отец?! — восторженно выдохнул архангел Михаил, выпрямляясь в полный рост. — Ты явил себя нам, чтобы дать нам ответы!

— Я-то? — лохматые брови старичка поползли к седому пуху на голове. — Миша, ты как всегда слишком многого требуешь от своего бедного, больного старика. Умерь пыл! Я всего лишь наслаждаюсь последним днем Земли. Любуюсь. Глянь, какая силища по небу разлилась. Увы, не удержать этим душам Хаоса, но они дают нам время проститься с теми, кого мы любим. Все, что мы можем — оценить их жертву.

Варе стало тоскливо, захотелось утянуть Матфея подальше от всех этих разборок и никому уже не нужной болтовни, просто посидеть с ним рядышком, послушать, как бьется его сердце, а потом заснуть в его теплых объятьях, и пусть это будет конец. Пусть он будет таким, в мгновении счастья, которое ей каким-то чудом удалось поймать в свою длинную, но при этом такую короткую жизнь.

Но Варя не решилась этого сделать. Она была не уверена, что в последний миг Матфей захочет видеть рядом с собой именно её, а не Аню. Но самое главное — у Матфея еще оставалась надежда, он еще не принял то, с чем Варя смирилась уже очень давно.

Он стоял, забавно вытянувшись, и всем своим существом пытался вникнуть в то, что говорил Бог. Так солдаты вытягиваются перед генералом накануне смертельной битвы. Сколько таких мальчиков видела Варя, сколько таких вот юных душ ушло через неё в небытие. Видела много, а, по-настоящему, разглядела впервые и пожалела его нестерпимо, как бы смело и отчаянно он не сражался — конец неизбежен.

Официальное объявление об апокалипсисе утонуло в ропоте ангелов:

— Почему ты оставил нас, Отче?! Почему пребываешь на стороне падших, а не на стороне праведных?!

Они тоже еще не осознали конец, они еще надеялись, что можно нажать отмену, совсем, как дети, которые не верят, что могут когда-нибудь умереть.

— Ась? Разве вас две стороны? — еще больше удивился старичок, он скатал шарик из грязи, и стал, отщипывая от него маленькие кусочки, класть их себе в рот и задумчиво глотать. — А я-то думал, что всё едино.

— Какое тут может быть единство, когда демоны на стороне смерти и зла?! Нам достаточно уничтожить нефилимов — и мы спасем мир! Люцифер противится, потому что он всегда мечтал об апокалипсисе! Отче, ты же не дашь свершиться этому. Останови Люцифера! — взмолился Михаил.

В этот момент Варя искренне пожалела Михаила — он так отчаянно верил, что если убить её и своего сына — он спасёт этот мир. Эх, если бы все было так просто, Варя, не задумываясь, дала бы архангелу пронзить себя копьем. Вот только она, на свою беду, знала, что все намного сложнее. Но, чтобы это понять, нужно сломать привычную картину мира, нужно перечеркнуть себя, а это мучительно больно. Не стоило омрачать последние минуты бытия, попытками донести истину — её сильно переоценивают.

— Дык... Он же меня никогда не слушался — поперечный — тоскливо вздохнул Бог, с теплом поглядев на Люцифера. — Тут уже ничего не попишешь! Пусть нефилимы живут, все равно жить всем недолго осталось.

— Но отче, — возразил Михаил, грудь его вздымалась, нимб над головой нервно мерцал. — Ты же творец этого мира? Уничтожь нефилимов! Уничтожь Хаос! Ты же всемогущ! Ты должен спасти нас! Восстановить порядок!

Люцифер скучающе размазывал мечом грязь под ногами. Казалось, он вообще не слушает разговор Бога и Михаила. Но то было обманчивым впечатлением. Он, как пружина вдруг выпрямился и, с нагловатой ухмылкой глянул на Бога.

— Может ли всемогущий Бог, создав неподъемный камень, поднять его? — язвительно спросил Люцифер. — Не потому ли мы все здесь должны умереть, что ты, наш мудрейший отец, изначально заложил под своё творение бомбу с часовым механизмом, любовно назвав её Апокалипсисом?

К парадоксу всемогущества ситуация тоже не сводилась, но Варя загордилась отцом — его смелостью и волей, а главное умом. И все же подумала, что самого важного он как раз и не понял — не захотел понять.

Там, в аду, он все выпрашивал Варю о маме и так сокрушался о ней. Но злился за все на Бога, а Варе досталась только нежность. Как должно быть тяжело сыну Михаила — ведь ему с отцом повезло намного меньше. Хотя Илья держался достойно, она бы так точно не смогла и невольно завидовала его силе духа.

Как Варя ни пыталась пробиться через ненависть отца к Богу и донести, что на самом деле происходит с миром, он её, будто не слышал. Она пыталась объяснить про Адама и Еву, что они, открыв ящик, впустили в Варю Хаос, которая через нее попала на Землю.

Отец же в ответ сжимал кулаки и твердил, что в раю уже давно нет никаких Адама и Евы, и ящика тоже нет, это — злые враки Бога.

Да и не ставила Варя тогда себе цели объяснить все во что бы то ни стало. Ей от своих знаний было лишь больно и тошно — не хотелось делиться этим ни с отцом, ни с Матфеем.

А теперь она наблюдала, как отец переругивается с Михаилом совсем не про то, переливая из пустого в порожнее. И как Матфей силится что-то понять, но устав от перепалки, тяжело вздыхает, потирая виски и грустно поглядывая в небо. Только сейчас

Варя осознала, насколько для них важно было все знать. От незнания они продолжали надеяться, что все можно исправить и бестолково тратили последние минуты своего существования на ссоры и обиды.

— Хватит! — вклинил свое слово в ссору Бог. — Этот мир доживает свои последние минуты, а вы цапаетесь, как бабы в курятнике! Люди на вас повлияли не в лучшую сторону. Причем на вас двоих сильнее всего! — неодобрительно проворчал он, обличительно кивая на Люцифера с Михаилом. — Даже души людей в этот миг объединились! А ведь человеческие души, в отличие от ваших — дуальны по сути своей. Вы же едины! Я разделил вас когда-то только по принципу любви или ненависти к людям, а вы заигрались.

— Да едины, конечно, — с ненавистью фыркнул Люцифер, в облике его появились драконьи черты, Варе даже показалось, что дым из носа пошел. — Только воевали по разные стороны и нас с братьями выкинули из рая, объявив почему-то предателями. Падшие никогда больше не видели дома! Подумаешь, Михаил спрятал от меня мою семью. А потом Бог — мой отец, искалечил мою дочь, наделив её «веселеньким» даром и заставив погубить свою мать! И сейчас мы стоим тут, и мне говорят — занавес! Пытаясь при этом уверить, что всему виной моя дочь — единственное, что у меня осталось от Софы. Якобы причина конца света — моя любовь! Я не так глуп, чтобы в этот бред поверить!

— Да, ты не так глуп, а еще глупее! — процедил Михаил, его глаза налились золотом, и нимб вспыхнул на всю мощь, заставляя собеседников смотреть на него с прищуром. — Как будто нам было легко после вашего ухода, рай уже не был прежним. Мы все потеряли часть себя! Мы все пали!

Плотину прорвало. Присутствие Бога перестало сдерживать даже заробевших поначалу демонов и ангелов. Загалдели. Пошли друг на друга, подрагивая крыльями и размахивая руками со сжатыми кулаками. Пытаясь донести свою неправую правоту, оглохли от ярости и слышали только себя.

Вдруг гомон резко оборвался, стих. Ангелы и демоны еще какое-то время продолжали по инерции выяснять отношения, но звук при этом исчез. Только весна кругом что-то продолжала говорить миру: небо горело, потрескивая огнями, и где-то с востока долетали жалобные крики птиц и животных, под ногами чавкала грязь.

Осознав свою немоту, все сначала с недоумением посмотрели друг на друга, а потом с обидой и возмущением переключились на насвистывающего незатейливую мелодию Бога.

— Устал я, давайте немного послушаем тишину, — выдержав паузу, вздохнул Бог и, вздохнув еще раз, добавил. — А теперь много послушаем меня. Не успел я вас подготовить к этому, детушки. Матюша вот в ад затащил погостить и долго отпускать не хотел. А сейчас, что я могу сказать? Все ваше существование в этом мире есть ложь. Вам легче? Вы ругаетесь не о том! Меня это почему-то огорчает. Я хотел прогуляться напоследок, а вы тут устроили игру: кто виноват и что делать... А ведь нас всех ждет невообразимая мука впереди — рефлекторный голод, тьма, холод и самое неприятное — скудные остатки своего и чужого сознания, они будут надвигаться, как пытка из тьмы, пока вы сами не порвете его в клочья.

Голос Бога обрел зловещие, зычные интонации. Он убрал свой старческий говор и сделался, так похож на настоящего Бога, что в него, как никогда прежде, верилось, и его слова уже нельзя было списать на старческую деменцию или глупую шутку. Они крепили и разрастались в душе страхом и болью.

Матфей слишком сильно сжал Варины пальцы. Она, беззвучно ойкнув, с трудом вытащила свою руку из его хватки, но он, увлеченный происходящим, этого даже не заметил.

Бог собирался открыть всем правду, разрушить миф, что скреплял этот мир долгие тысячелетия.

С одной стороны, Варя понимала, что это необходимо сделать именно сейчас, что иначе они просто перебьют друг друга, в пустой надежде спасти и спастись. А с другой, она мучительно осознала, что Бог расскажет все не из любви и милосердия к ним, а только потому, что напуган, и ему необходимо разделить свой страх с кем-то еще.

Опять захотелось увести Матфея отсюда. Подарить ему последние минуты счастья и радости. Защитить от горькой правды. Но это было не в её силах.

— Вы правы в одном — мы все пали! Пали из одного мира в другой, — продолжал свои признания Бог. — А войны вовсе не было, я её вам придумал. Знаете, что такое порядок? Это система правил, опирающихся на миф и страх. Я придумал для вас миф и страх, чтобы вы смогли жить дальше, после того как утратили свой истинный дом и самих себя. Сейчас же вы должны понять одно — этот мир вместе со всеми нами обречен! И счет идет на часы. Вы знаете конец как новое начало — в этом мире это знание работало. Однако то, что надвигается на нас вне этого мира! Вне его законов. Хаос это конец в вечности.

Варя стиснула постукивающие от холода зубы. В данный момент ей меньше всего хотелось об этом слушать и думать. Противно захлюпала грязь. Все видимо поняли, что это надолго и, устав стоять, переминаясь с ноги на ногу, усаживались, кто куда горазд. Кто-то примостился прямо на отсыревшую землю, подстелив под себя еловые ветки, другие разместились на поваленных деревьях, демонам повезло больше всего — Белиал протянул для них длинную паутинообразную ткань от одного дерева к другому.

Варя села рядом с Матфеем на притащенный им откуда-то старый полусгнивший матрас. Было сыро и зябко, Варю знобило. Матфей придвинулся поближе и обнял её. Сделалось теплей и как-то спокойней.

Попыток заговорить больше никто не делал, лишь иногда Матфей беззвучно шевелил губами, проговаривая что-то про себя.

В небе угрожающе затрещало, и в куполе его прекрасных красок отчетливо прорезалась серая трещина. Пустота прогрызалась в мир. По краям трещины тлели бессмертные души.

Варя случайно встретилась глазами с Аней, и сразу потупила взгляд. Отчего-то само существование этой девушки причиняло ей боль, а это было так глупо и стыдно, особенно сейчас.

— Хаос уже прогрыз ткань мироздания, — не унимаясь, нагнетал обстановку Бог. — Скоро мы все станем плоть от плоти его. Я был там, в нем. Был его частью. Очень давно. Вначале времени и пространства, вначале всякой мысли и слова, когда существовал только Хаос. Потом случился большой взрыв, и Хаос изрыгнул крохотные кусочки порядка. Произошла эманация, и на свет появились мы — первородные Боги. Хаос — наш великий отец. Мы все дети Хаоса.

Бог ушел в воспоминания и повлек за собой остальных. Он вел их через лабиринт собственной лжи, в котором они блуждали тысячелетиями. И чем дальше, тем меньше хотелось идти за ним. Наоборот припасть бы к родным, знакомым столпам миропорядка, зажмуриться, срастись с ними. Но эти столпы рушились в ничто, складывались, подобно карточному домику в плоские декорации.

Получалось, что и Варя все это время видела лишь верхушку айсберга, она знала только следствия, но не причины.

Вспоминалась маменька, которая шептала на ухо маленькой Варе: «Бог милостив — он

защитит нас, ничего не бойся!»». И девочка верила, что это непреложная истина. Этой девочки давно уже нет, а Варя все никак не могла смириться с этим. Не могла взять и перечеркнуть себя прежнюю и принять себя нынешнюю.

— Наш родитель не желал отпускать своих детей и настигал нас всюду. Тех, кого ему удавалось поймать, Хаос беспощадно пожирал. Мы были слабы и измотаны, прячась от него по всей вселенной. Наше полное истребление стало вопросом времени. Тогда Прометей — мудрейший из нас, придумал создать в противовес Хаосу порядок. Те, кто послушал его, сумели спастись. Во Вселенной появился космос — сотни необыкновенных миров. У каждого первородного был свой мир, и каждый считал именно его венцом творения. Я придумал Эдемос — мир ангелов. Прометей создал мир людей — самый противоречивый и странный из всех миров. Люди никому из богов не нравились. Но сам Прометей был от них в восторге. Поговаривали даже, что люди могли влиять на него, что он влюбился в одно из своих творений — женщину по имени Пандора.

Так мог бы выглядеть пересказ студентом древнегреческих мифов, если бы он накануне долго и крепко выпивал, а к экзамену готовился за ночь до сдачи. Ему непременно поставили бы неуд, а потом оказалось бы, что студент на самом деле пророк, но уже без высшего образования, отправленный служить в стрелковые войска, где он покончил жизнь самоубийством, чувствуя, что живет в какой-то плоской, ненастоящей реальности.

— Однако мы все равно вынуждены были существовать в постоянном страхе, теперь не только за себя, но и за свои создания. Ведь если в мир закрадывалась, хотя бы незначительная ошибка, Хаос неизбежно находил и уничтожал и сам мир, и его творца. Именно Пандора вдохновила Прометея создать ловушку для Хаоса — некий сосуд, ящик. Она подсказала идею, суть которой тюрьма. Но закрыть ловушку оказалось возможным только изнутри. Прометею пришлось пожертвовать собой и всеми своими творениями лишь для того, чтобы захлопнуть крышку. Однако он не был бы собой, если бы не учел даже самый маловероятный вариант развития событий. В случае неудачи два человеческих дитя и ящик должны были попасть ко мне. Так оно и случилось.

Варя слушала Бога, а сама мысленно улетала туда, где маленькой испуганно льнула к маминой груди. Мама гладила по голове, шептала вкусной свежестью мяты и шалфея: «Бог любит тебя. Он любит всех нас!» И Варя любила Бога в ответ, он был её лучшим другом всегда понимал, утешал в любой беде, защищал от всех невзгод.

А теперь оказывалось, что этого Бога никогда не существовало, и на его месте в душе образовалась пустота размером с целую вселенную.

— Но инструкции к своим детям и ящику Прометей не приложил, — сокрушался Бог, а Варя так и хотелось закричать, что никаких инструкций и не нужно было, что достаточно было полюбить их. — Вот я и не смог воспитать их людьми. Мальчик и девочка выросли, а я не понимал их. Они раздражали меня своей неправильностью и глупыми играми. Наверное, они были одиноки и несчастны в Эдемсе. На беду ящик Пандоры всегда находился при них. Однажды Адам и Ева из любопытства или от скуки приоткрыли крышку. Оттуда вылетела бездна. Частицы Хаоса прогрызли дыру в мировой ткани Эдемса и отравили близ растущие яблони. Так появилось древо греха — гранат.

В небе снова зловеще затрещало. Трещины расползлись по всему световому куполу, поглощая серостью свет.

— Дети, испугавшись содеянного и моего гнева, решились на ужасный поступок. Это стало их и нашей точкой невозврата. Они обманом накормили всех обитателей Эдемса

отравленными плодами. А затем скинули беспомощных, спящих ангелов и меня в образовавшуюся дыру. И мы бы сгнули, если бы Ева не зачала детей. Дети Адама и Евы рождались с изъяном. В отличие от родителей — они были смертны. А воспитывать и хоронить своих больных детей, дело мучительное. К тому времени Адам и Ева совсем потеряли рассудок и избавлялись от собственных младенцев, сбрасывая их в ту же дыру, куда до того скинули нас. Так продолжалось до тех пор, пока Ева не сыскала способа больше не беременеть.

Варя отчетливо, в мельчайших подробностях видит Еву. Её золотые локоны, свободно упавшие на налитую грудь, мягкие завитки на лобке придают ей сходство с Венерой, которую когда-то изобразил на картине С. Боттиччели. Взгляд её, устремленный вглубь себя, к той жизни, что зреет в ней, подернут поволокой. Круглый, тугой живот пружинисто натянут — точно мяч, а пупка нет, как не ищи. Тяжелая рука мужа ложится на ее живот. И дитя, откликаясь на отцовское касание, колотит ножкой из материнской утробы. На губах обоих одновременно рождается улыбка, понятная в этот момент только им двоим.

А в следующее мгновение Варя уносится на край черного провала. Где Ева прижимает к груди младенца, а Адам хмуро смотрит в черноту пропасти. Ева отдает ему дитя, тот, потеряв тепло матери, жалобно попискивает. Адам держит его брезгливо, на вытянутых руках, стараясь не смотреть и с какой-то дикой, поспешной жестокостью, с замахом швыряет младенца в пропасть. Ребенок вскрикивает, беспомощно, барахтаясь в воздухе, и его жалобный плач еще долго доносится из черноты.

Понятно теперь, почему их лица стали похожи на маски, а глаза отражали такую чудовищную пустоту. Бог ошибался, Хаос не только прогрыз ткань его мира и отравил деревья, он уже тогда проник в души Адама и Евы. Земля — это мир отвергнутых детей. Мы все сироты.

— Произошло невероятное, то, чего ни Адам, ни Ева не ожидали. Их Дети не просто не сгнули в той дыре, а сумели повлиять на окружающую среду. Получился совершенно парадоксальный симбиоз человека и Хаоса, так родился новый уникальный мир — Земля. Мир, творцом которого стал человек и Хаос. Изолированный от других миров, укрытый от всего обитаемого космоса. Земля видна только из Эдемса. Думаю, наблюдать за происходящим тут — стало занимательной игрой для Адама и Евы.

Пружина в матрасе больно впиалась в ногу. Варя завопкала, удивляясь себе, что такая мелочь может причинить ей столько неудобств. Матфей отвлекся на нее, взглядом спрашивая, что не так. Она смущенно замерла, делая вид, что все в порядке.

— Я очнулся в чуждом мне мире, — продолжал говорить Бог, — когда люди еще жили в пещерах и охотились на мамонтов. Истина открылась мне не сразу. Казалось, Адаму и Еве доставляло особое удовольствие мучить меня и выдавать правду по крупичкам во снах. Я потерял все, оказавшись заключенным здесь, среди ненавистных мне созданий, отрезанный от своих братьев, считая, что все мои создания мертвы. Единственное, что мне оставалось — изучать феномен человечества, надеясь найти способ вернуться в Эдемс и отомстить.

Матфей все-таки догадался, в чем дело, ухмыльнулся и жестом пригласил Варю сесть к нему на колени. Она яростно замотала головой, вспыхнув от макушки до пят. Он ухмыльнулся еще шире, но все же подвинулся поближе к краю, освободив ей место подальше от выпирающей пружины.

Трещины разрастались, отвоевывая у света все больше небесного пространства. Поразительная яркость дня постепенно теряла свои краски: утратила сочность пробившаяся

из-под земли первая травка, лужи потеряли брильянтовое сияние маменькиных драгоценностей, и в волосах Матфея больше не пылал рябиновый костер.

— Лишь когда ангелы пришли в себя, мой гнев немного утих. Я начал действовать во благо своих созданий. Земля искалечила их природу: лишила связи с звериными ипостасями, изменила и продолжала менять ангельскую сущность. Но они по-прежнему были мне дороги, и я радовался, что они выжили. В то же время я серьезно опасался, что правда довершит свое дело, и они сойдут с ума, как Адам и Ева сошли с ума в чуждом им мире Эдемса. Я не мог этого допустить. Из обрывков человеческих воспоминаний я сконструировал миф. Тот миф, на котором этот убогий мир держится по сей день. Каждый сверчок, наконец-то, узнал свой шесток.

И Варя поняла, что то не царя узрели они, но регента, возненавидевшего народ, вверенный ему. Придумывать мифы и страхи, чтобы удержать государство и власть, приходится тогда, когда нет любви. Лишь любовь способна скреплять все в гармонии, в вечности, как рифмы скрепляют слова в бессмертные стихи. Страх может только сбить, словно гвоздями. Так канцелярит арестовывает слова в чиновничьих документах, но при первой же возможности уродливая городушка стремится к распаду.

— Все более или менее уравнилось, приобрело хотя бы подобие порядка, но Земля все равно оставалась нестабильной и переменчивой в отличие от постоянной статики Эдемса. Ангелам предстояло существовать здесь в ущерб своей физиологии. Сильнее всего люди повлияли на Михаила и Люцифера. Еще в раю я заметил их привязанность к маленьким Адаму и Еве. Но когда те повзрослели, Люцифер увидел в них низменное, а Михаил возвышенное. На Земле этот факт стал определяющим. Человеческая душа — частица бессмертия — дуальна — в ней есть место и добру и злу. Михаил стал наблюдать за хорошим, а Люциферу пришлось приглядывать за плохим. Я дал «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Души над головой медленно тлели. Хаос жадно пожирал их свет. Сверху падал пепел. Земля вновь содрогнулась, повалив всех в одну кучу. В небо лучами ударили снопы магмы. Это было похоже на пальбу из пушек. Серость расплавилась в огне. Выстрелы гремели, латая, дыры в световом куполе.

Трясло и грохотало долго. С треском вырывались деревья, замертво падали птицы, слышался звериный хрип.

Варя, зажмурившись, пыталась ухватиться за ускользающий воздух, отравленный сладковатым привкусом серы.

Все оборвалось внезапно, точно так же, как и началось. Вдруг тишина — перемирие. Даже рев зверей замолк, отдавая дань этому затишью перед очередной бурей. На головы медленно падали хлопья пепла.

Все еще долго оставались ничком. Потом откашливались. Некоторых даже тошнило, другие трясли слегка контуженой головой.

Варя обнаружила себя лежащей на Матфее и, едва поняв это, подскочила на ноги.

Матфей встал нарочито медленно, с неохотой. Казалось, ему доставляет особое удовольствие её смущать, а ей отчего-то приятно было смущаться. Лишь немного погодя она заметила у него кровь на голове, падая, он сильно ударился о камень.

— Да черт тебя дери! — хохотом взорвалась ругань Люцифера. — Старый засранец! Столько лет водил нас за нос, считая за идиотов! — от смеха Люцифера согнуло пополам. Варя серьезно испугалась за рассудок отца. — А мы ведь тебя все равно сделали! Что,

недооценил нас, да?! Если вся эта чушь — правда, тогда я даже рад, что мы все сгинем! В топку все твои выдумки и тебя, и нас! А сирот этих убогих все же жалко!

— Это не может быть правдой, — шептал Михаил, продолжая сидеть на земле и раскачиваясь взад-вперед. Свет вокруг его головы как будто замкнуло, и лампочка, истерично мигнув в последний раз, погасла, оставив его разум блуждать в темноте. — Неужели я все делал зря, зачем же я бросил тогда Марию и прятал от Люцифера его жену? Зачем все это? И столько злости скопил... Кому её теперь?

Подурневшие и побитые ангелы и демоны с тревогой поглядывали на своих предводителей, тихо переговариваясь меж собой, некоторых все еще тошнило, другие, мучаясь глухотой, заложившей уши, старательно позевывали.

Бог же, как будто даже стусеивался, поглядывая себе под ноги, но вскоре причина его беспокойства стала очевидной, и она оказалась далекой от угрызений совести.

Земля умирала, её соки иссыхали, почва приобрела нездоровый асфальтовый оттенок. От корней деревьев, тех, которые не свалило землетрясением, медленно поднималась все та же болезненная серость, обращая молоденькие березки и гордые сосны в трухлявых, немощных старух.

Совсем рядом с Варей росла полянка крупных подснежников. Нежные, хрупкие бутоны увядали на глазах, обращаясь в прах.

Варя наклонилась, и, в тщетных попытках спасти, сделала то, чего никогда не позволяла себе прежде — сорвала еще не тронутые тленом цветы, отняв их у щедрой кормилицы — земли. Она с грустью вплела уцелевших три подснежника в свою косу. Пусть это совсем ненадолго продлит им жизнь, но все же для иных существ и мгновение — это целая вечность.

— Благодаря моим выдумкам, вы жили и в ус не дули, пока сами все не испортили! — жестко процедил Бог, и вокруг рта у него появилась неприятная обезьянья складка. — Разве ж я вас не предупреждал не сношаться с земными женщинами? Я как чувствовал, что из этого ничего путного не выйдет.

— У меня получилась отличная дочь! — возразил Люцифер, пуская дым из ноздрей. — И, если бы ты не отнял её у меня, я бы сумел её защитить от Адама и Евы. Зачем они открыли ящик и впустили в них бездну? Хочешь сказать — это все без твоего участия случилось?

Бог помрачнел, буквально чернея и поглощая свет вокруг себя. Они обменялись долгими пристальными взглядами, словно испытывая волю друг друга. И Люцифер все же начал сдавать, даже шаг назад ступил. Но в этот момент к брату подошёл и встал рядом Михаил, а к ним примкнули и остальные ангелы и демоны, как один выжидающе глядя на Бога.

— Значит все против меня одного, да? Вот она сыновья благодарность! — проворчал Бог, но, казалось, скорее довольный, чем сердитый. — А я вас действительно недооценивал.

— Зачем был открыт ящик против наших детей? — с отсутствующим, флегматичным видом повторил вопрос Люцифера Михаил.

— Когда я узнал, что земная женщина носит дитя Люцифера — я обеспокоился, мало ли, что за урод мог родиться. Поэтому решил лично все проконтролировать. Нефилим с виду был ничем не примечателен. Я быстро потерял к нему интерес. Как оказалось зря. Именно эта девочка могла стать ключом к моему возвращению в Эдем. Как дитя двух миров — она свободно, даже не осознавая того, переходила из одной реальности в другую. И если бы я это понял, то непременно воспользовался бы проводником.

Варю задел такой утилитарный подход к ней. Она была вовсе не ключом и не проводником, а ребенком, который даже не подозревал, какие вокруг нее крутятся интриги. Все эти путешествия она считала за сны. Слишком много невероятного там с ней случилось, вплоть до того, что она ощущала себя не собой, а крылатой ящеркой.

— Адам и Ева оказались прозорливей меня. Почувствовав угрозу, они решили справиться с этим привычным для них способом и вновь приоткрыли злосчастный ящик, рассчитывая стереть нефилима из ткани мироздания. Однако все вновь пошло не по плану. Впрочем, своего они все равно добились, девочка больше никому не угрожала возвращением в Эдемос. Вместо того чтобы уничтожить ребенка, Хаос попал в очередную ловушку. Душа девочки сработала, как ящик Пандоры, заключив в себя те частички бездны, что в неё проникли. Но это действовало и в обратную сторону — Хаос, в свою очередь, пленил и терзал её душу. Её участи, едва ли мог бы кто позавидовать. Она явилась причиной Хаоса двадцатого века. Но я сумел ограничить эту разрушительную силу, назначив для неё место в этом мире, вписав её в миф. Отныне её величали Смертью. Она пожирала неприкаянные души. То была справедливая дань Хаосу за сохранение порядка.

Там, где скрепит перо по бумаге, а на доске прямо над словом «море» играет солнечный зайчик, учитель неспешно рассказывает о несчастном царе Афин — Эгее и его страшной дани царю Миносу с острова Крит. Как Варя тогда была возмущена ненасытностью Минотавра, который каждый год в своем лабиринте пожирал семь юношей и семь девушек. Как жалела бедного Тесея... И как вздрогнула от того, что маменька, прервав учителя на самом интересном, шумно открыла дверь, заглянув в класс. Тогда Варя еще не знала, что судьба превратит её в чудовище подобно Минотавру, тогда она еще не знала, каково это быть таким чудовищем.

— Но почему ты не рассказал об этом мне?! — с горечью спросил Люцифер, частично покрываясь драконьей чешуей и дымя уже не только носом, но и ртом. Варя, отвлекшись от созерцания собственного горя, забеспокоилась, что у отца может вновь случиться произвольная трансформация.

— А зачем? Все же обошлось. Стали жить как прежде, а то и лучше. Тогда от Михаила я подобного не ждал, а все остальные ангелы прямых контактов с людьми не имели. Узнал я обо всем вновь слишком поздно, не успев ничего предпринять. Адам и Ева действовали на опережение уже привычным способом. Но в третий раз фокус не удался. Они не сумели вовремя закрыть крышку, и Хаос вышел на свободу, разгулялся, расправился. Часть бездны влетела в душу нефилима, часть разлетелась по Земле, а основная часть поглотила Адама, Еву, Эдемос, хлынула в космос. Хаос поживился другими мирами, набрался мощи и вот пришел догрызть Землю. Мы все обречены.

И все же невероятно гадок был Варе этот старик. Его игры в Бога так уродливо отразились на её судьбе, что напрашивалось, если бы не Он... то у нее был бы любящий отец и психически здоровая маменька. И дом, наполненный теплом и уютом, и нормальная жизнь. И счастье непременно бы случилось. Вот только сослагательное наклонение опошляло эту идиллию, попусту растравливая душу.

Кто-то, подкравшись сзади, дернул Варю за косу. Она обернулась и увидела, как Матфей старательно делает вид, что не имеет к этому никакого отношения. И опять — если бы не Он... то она бы никогда не встретила паренька с красными волосами и не пережила бы с ним краткий миг совсем другого, но от того ничуть не меньшего счастья.

[1]То же

Вспышка 13. Ключи к раю

Илья старательно сглатывала, приоткрывая рот, пытаясь избавиться от заложенности в ушах и ничего не упустить из монолога Бога. Несмотря на то, что затянувшаяся болтовня уже порядком достала, Илья жадно ловил каждую фразу, что ложилась на душу целительным бальзамом. Эта витиеватая история, как будто все в нем объясняла, перекладывая груз его вины и ответственности на Адама и Еву, на Хаос, на Прометея, на Бога и прочую мистическую дребедень.

Но, с другой стороны, Илья вдруг с досадой осознал, что эта байка не отменяет того, что он сделал. И оправдывать себя ею, все равно, что маньяку оправдываться тяжелым детством или винить расположение звезд в жизненных неурядицах — глупо. Это значило бы уподобляться впечатлительным барышням с их пустыми сантиментами. Единственный плюс, возможно, Аня все же сумеет простить его.

— Милая семейная история, — протянул он. — Ну, камон, а Аня то с этим чудиком тут каким боком?

Он не особо рассчитывал, что старик ему ответит, особенно в свете того, что он отчетливо помнил, как убил его, а потом, заметая следы, долго тащил подозрительно тяжелый труп по осенней слякоти, но тот неожиданно встрепенулся в его сторону.

— Какой правильный вопрос, Илюша. А все-таки славно, что ты меня тогда не убил, теперь есть, кого спрашивать, правда?

У старика опять появилась гаденькая шутовская манера в разговоре, но при этом глаза оставались неподвижными, нечеловеческими, и от этого контраста делалось по-настоящему жутко.

— Кто старое помянет, тому глаз наружу, — припомнив архаичное выражение, в тон старику сострил Илья.

Матфей рядом пробурчал:

— Так-то — «вон».

Старик захихикал, потер ладошки и снизошел-таки до объяснений.

— Что тут сказать? Земля — мир парадоксов, контрастов и откровенной белиберды. Как ни глянь, этого мира не должно было случиться и то, что он случился уже аномалия. Близорукие Адам и Ева, так गरेвавшие о недолголетии своих отпрысков, упустили кое-что важное — бессмертие их душ. Душа оказалась недурной компенсацией за бренность оболочки. Бессмертие иного порядка, со способностью эволюционировать, становиться сильнее и учиться друг у друга. Путь этого бессмертия заключен в бесконечность — любой конец здесь — лишь новое начало. Человек проживает несколько жизней, прежде чем его душа созревает и попадает либо в рай, либо в ад.

Этот заход издалека невероятно раздражал. Почему бы не объяснить все без занудной предыстории? Вместо этого старикан опять стал затирать про свойства души и вечное возвращение.

Илью не покидало ощущение, что он занят не тем. Если это реально его последние минуты, то все чего хотелось, сделать так, чтобы Аня его простила и уйти с ней в закат.

Все усложняло появление бывшего. Илью просто выворачивало от ревности. Он пристально следил за Аней, боясь и вместе с тем садистки высматривая, признаки ее чувств к Матфею.

— Однако порой из рая и ада души возвращаются к жизни, что редкость, но это очень сильно влияет на все человечество. Гумилев этих людей называл пассионариями, связывая их появления со вспышками на солнце, такие вспышки, кстати, происходят и в ядре, оживляя вулканы. Хотя определение Гумилева поверхностно и мало отражает суть, но для удобства возьмем его терминологию. Одним из самых известных пассионариев был, конечно, Иешуа, я даже чуть не заревновал к его успеху, но после зверской расправы с ним его паствы, мою зависть, как рукой сняло. Много их среди ученых, политиков, полководцев и писателей.

Ощущение складывалось, что Бог решил пересказать им всю историю человечества, отыгрываясь за тысячелетия молчания. Между тем, под ногами расползалась серость, а небо неумолимо продолжало гаснуть.

— Матфей и Аня — две уникальные души, которые во много раз сильнее и Иешуа, и всех кто был до и после. Они — оружие — антитела, выработанные человечеством против Хаоса. Их мощь поражает, одними своими эмоциями, даже не осознавая того, они сумели открыть рай и ад, выпустив души на борьбу с Хаосом, а самое невероятное вытащить из нефелимов бездну. Но даже их силы недостаточно, чтобы победить. Это все — ложные надежды.

Про уникальность Аниной души Ильи и без этих долгих подводок уже давно догадался. А про Матфея даже после этих рассказов не мог поверить. Совершенно обычный парень — прямолинейный тьюфак. Илья таких навидался. Они легче всего разводились на дело, стоило лишь убедить, что дело правое.

— А эта ловушка Пандоры, где она сейчас? — подтверждая сомнения Ильи, простодыро поинтересовался Матфей.

Бог ответил ему снисходительно, тоже, видимо, не питая особых иллюзий насчет избранника человечества.

— Вот в этом вся беда людей, вы не слушаете, а ждете своей очереди спросить какую-нибудь глупость. Говорю же — ящик в Эдемсе, а Эдемос в Хаосе.

— Что, если забрать ящик из Эдемса и затащить Хаос обратно в ловушку? — игнорируя недовольство Бога, продолжил гнуть свою мысль Матфей.

— Мальчик, я пытался найти способ вернуться в Эдемос тысячелетия? — напомнил Бог. — Как ты собираешься туда попасть, чтобы забрать оттуда ящик?

Илья вздохнул, устало переминаясь с ноги на ногу — вопросы ради вопросов. Они уже узнали все что нужно, чтобы бросить узнавать и начать прощаться. Но Аня слушала Матфея очень внимательно, и её лицо медленно озаряло понимание того, к чему он так настырно клонит.

— Но ведь вы сами сказали, что Варя ключ, а если учитывать и Илью, то у нас теперь два ключа от Эдемса! — подхватывая и продолжая рассуждения Матфея, воскликнула Аня.

— Точно, — кивнул Матфей. — Варя и Илья могут попасть в Эдемос к ящику.

Матфей и Аня радостно переглянулись. Наблюдать как Аня коннектится со своим бывшим, и они подхватывают мысли друг друга на лету, как супруги, прожившие вместе сотни лет — оказалось делом на редкость неприятным. В этот момент захотелось развернуться и уйти, но Илья зачем-то остался дослушивать.

Бог крепко задумался, беззвучно шевеля губами. Его хитрое лицо оживилось. Он вдруг резко подскочил, крестообразно раскинул руки, и закружился на месте волчком, поднимая ввысь серую взвесь. Видимо старика окончательно замкнуло, что поубавило нарождающуюся волну позитива.

Яйцо неба в унисон грозно треснуло, сверху посыпались осколки скорлупы — золотой пыли вместе с пеплом. Бог остановился, сведя глаза в кучу, покивав сам себе, вновь сделался хмурым и, крикнув, озвучил свой вердикт.

— Идея могла бы быть дельной, кабы не то, что души нефилимов слишком искалечены, и я совершенно не знаю, как они умудрялись перемещаться по мирам. Они могли и вовсе утратить этот дар.

Илья с облегчением выдохнул. Он никаких перемещений за собой отродясь не наблюдал и совсем не хотел, чтобы сейчас от него стали требовать невыполнимых манипуляций, связывая с его персоной надежду на всеобщее спасение.

— Но попытка — не пытка, — нерешительно вклинилась в разговор Варя, нервно теребя свою толстенную уже и без того сильно растрепанную косу. — Мы могли бы попытаться вспомнить?

Будь на месте Вари кто-то другой, Илья обязательно отрезвил бы его привычным сарказмом. Но в этой девушке было что-то, что не позволяло ему грубить ей. Нет, виной тому была не внешность Вари, слишком броская на его вкус. Илье больше нравилось разгадывать в девушке красоту, как в Ане, например. И даже не угроза маячившего за её спиной, любящего, заботливого папаши, который у самого Ильи отсутствовал. Нет, скорее та связь, которую он невольно почувствовал между ними, делала его более сдержанным по отношению к Вале. Общность их судеб породила в нем братскую симпатию.

Трудно было представить, как эта хрупкая девочка носила в себе Хаос долгую сотню лет и сумела не потерять собственное я. Илья единственный, кто понимал, что она пережила, и после этого не мог не заужавать её.

— Попробуйте, коль охота есть, — Бог, казалось, совсем потерял интерес к разговору и отвечал им уже на ходу. — Возможно, Матфей и Аня смогут пробудить ваши способности. Варя, ты видела Эдемос мимолетом, попытайся транслировать его остальным, почувствуйте его, друг друга и ящик Пандоры. Если вдруг найдете ящик, возвращайтесь с ним, там открывать его нет смысла.

— Тогда Илья и Варя перенесут ящик на Землю, и мы откроем его вместе, — как о чем-то уже решенном сказал Матфей, и Аня согласно кивнула.

— Без меня, — дернулся Илья, — Играйте в героев без меня, — и, развернувшись на пятках, зашагал на выход в противоположную сторону от Бога.

Он шел и в серой пыли, в которую так стремительно обращалась Земля, оставались его следы.

— Илья! Не уходи! Ты нужен нам! — окрикнула Аня, но он не обернулся именно потому, что она сказала, что он нужен «нам», а не «мне».

Осадки с неба прекратились, но с каждым шагом делалось все серей, будто атмосфера хотела надавить на Илью или подчеркнуть его шаги в никуда. Запах серы усилился. Небо выгорало и ярких островков света на нем почти совсем не осталось. Как и в Илье не осталось ничего.

— Постой! — Илья обернулся, встретился взглядом с Михаилом и поежился, глядя в те же глаза, что все эти годы смотрели на него из зеркала.

Меньше всего хотелось сейчас выслушивать претензии не состоявшегося папаши.

В какой-то момент он даже позавидовал Вале, несмотря ни на что — Люцифер любил её и готов был защищать от кого угодно. Илья тогда подумал, что отцам, наверное, гораздо проще принять дочерей, похожих на их любимых жен, чем сыновей, которые напоминают

им лишь нескладную копию самих себя. Но потом он понял, что ему и не нужна любовь отца, что он легко обойдется и без его любви, потому что он достаточно взрослый, чтобы пережить такую нелюбовь.

— Мне плевать, — действуя на опережение, отрезал Илья. — Плевать, что ты там думаешь, если хочешь убить — меть между лопаток.

Илья пошел дальше. Михаил тенью продолжал следовать за ним. Но теней на земле больше не было, они, размножившись до неприличия, эвакуировались раньше крыс с тонущего корабля.

С опушки леса, куда они вышли, была видна деревенька, расположенная в низине. Вернее то, что от неё осталось. Сейчас она выглядела как очень большой, скомканный платок, брошенный посреди дороги. Там и сям копошились точки людей, видимо пытаясь откопать похороненных под руинами близких. И все это в неестественной тишине: даже скотина не голосила, даже дети с бабами не выли, и мужики не перекрикивались меж собой. Расстояние было не таким большим, чтобы так сильно глушить звук — буквально подчистую.

— Ну что? — раздраженно спросил Илья, решив сначала отвязаться от Михаила, а уже потом спуститься в деревню.

Для чего ему захотелось спуститься — он и сам не понимал, может, из любопытства, а может, чтобы помочь этим растерянными точкам на скомканном платке.

Михаил тяжело вздохнул. Устало провел рукой по лицу. Нимб у него над головой опять обозначился едва заметным светом.

— Я боюсь слов, — признался он, — но должен их сказать. Хотя и не могу найти верных. Я был не прав, Илья. Но понимаю, что с раскаяньем — запоздал. Единственное, что я могу сейчас, быть рядом.

Илья наивно полагал, что уже перешел ту черту, за которой его хоть что-то могло удивить, оказалось, еще нет. Даже слова все от неожиданности разбежались, но он быстро их нашел.

— В честь чего это? Я убил свою мать, — непримиримо заметил Илья, заостря свои глаза в узкие щелки. — Я целенаправленно довел её до самоубийства, медленно уничтожая в ней жизнь, радость, любовь. В последние минуты она говорила о тебе... Нет разницы, что мной двигало, я убил её.

Илье было намного легче выносить презрение, чем это непонятно откуда-то свалившееся принятие. Презрение было для него понятным — он сам себя презирал.

Михаил помолчал, пристально глядя на распростертый внизу комок деревни.

— Там что-то не так, — напряженно заметил он.

— Деревню в лепеху смяло, — пожал плечами Илья. — Камон, что там может быть так?

— Люди, Илья. Их реакция на все какая-то нечеловеческая. Вон видишь девочку на руинах, за то время, что мы с тобой говорим, она ни разу не пошевелилась.

— Мне отсюда видно только точки, — старательно приглядываясь, сказал Илья. — Надо посмотреть поближе.

Илья начал спускаться, но Михаил удержал его за локоть.

— Постой, ты должен вернуться к той девушке, что избавила тебя от Хаоса.

Илья дернулся, стряхивая руку отца, тот не возражал.

— Я ничего никому не должен, — процедил он, но понял, что вернуться хочется, но вернуться уже нельзя. Добавил зло. — И твоего фанатизма по спасению мира не разделяю.

— Мир уже ничего не спасет. Я, как и ты — не очень-то и верю, что у вас что-то получится. Я очень люблю этот мир, но он обречен. Вопрос не в том, сколько нам дано времени, а в том, на что мы его потратим.

Да, все чего Илья хотел, это побыть еще немного с Аней, но вместе с тем, все чего он не хотел — это видеть, как она коннектится с бывшим.

— Рили? — сломал бровь и губы в гримасу презрения, поинтересовался Илья.

— Но та девушка, ты ей не безразличен. И когда ты ушел — это причинило ей боль. Нельзя бросать тех, кого любишь, Илья — за это слишком многим приходится платить.

— Что ты можешь об этом знать? — неуверенно огрызнулся Илья.

— К сожалению, кое-что знаю. Вся твоя боль, вся боль Марии и даже боль этого умирающего мира — это моя вина и моя боль. Я мог бы спасти тебя, Марию, и этот мир, но я ушел. А ты сейчас делаешь мою ошибку — уходишь от той, которая тебе дорога, считая себя недостойным её. Борись, не будь трусом, каким был я. — Илья хотел было возразить, но Михаил нетерпеливо показал жестом замолчать. — Ты знаешь, что я прав — не трать время на бессмысленный спор. Побудь с ней, сколько можешь.

С этим хотелось спорить, спорить, спорить.... И рвалось, и клокотало наружу ядовитой желчью, доказать папаше, что тот совсем не знает Илью. Что он не так прост, как Михаил себе его навоображал. Илья мог бы даже выиграть эти дебаты, но остался бы все равно проигравшим. И он, и отец — это понимали.

Илья опустил глаза, разглядывая мертвую землю под ногами. Задумчиво потыкал её носком ботинка, почва легким пеплом взвилась вверх. Он наклонился, зачерпнул пригоршню. Пальцы онемели. Серая, бесплодная, с отсутствием температуры, массы и плотности субстанция ощущалась на коже расплзающимся по телу и нарастающей ко всему апатией. Илья поспешно выкинул пригоршню пепла и брезгливо обтер об себя руки.

— Если я сейчас вернусь — это будет глупо, — неуверенно сдался он.

— Нет. Глупо будет, если не вернешься, — возразил Михаил, тоже взяв горсть мертвой земли. Он подышал на нее, и на глазах почва налилась силой, превращаясь в плодородный чернозем. Михаил протянул комок Илье. Илья на автомате взял его. — Иди. А я посмотрю, что там в деревне, возможно, помогу тем, кому еще можно помочь.

Илья с нарастающим трепетом ощущал в руках мякоть влажной, тяжелой, холодной земли. Теперь в ней можно было углядеть жилки мочалистых корешков и даже маленький панцирь какого-то жучка. Чернозем пах жизнью и надеждой. Поймав внимательный взгляд отца, Илья поспешно сунул комок грязи в карман, делая вид, что ему наплевать.

— Все равно же через несколько часов все умрем, — цинично усмехнулся Илья, чтобы развеять теплоту во взгляде отца. — Какая разница?

— Мне будет приятно, если я напоследок буду полезен людям, — пожал плечами Михаил. Градус его теплоты только повысился. Он подмигнул нимбом и улыбнулся. — Они оказались еще лучше, чем я о них думал.

И вдруг Илья с невыразимой ясностью понял, что этот момент больше никогда не повторится, и что время этого момента истекло. Это финал, а в финале нужен жест примирения. Но к семейным объятьям Илья был не готов.

Сделалось неловко, от смятения он не знал, куда себя девать. На помощь пришел Михаил, протянув Илье руку, Илья с облегчением её пожал. И они разошлись в разные стороны.

— Удачи, — уже спускаясь вниз, пожелал отец.

— И тебе, — через плечо бросил Илья.

Возвращался Илья по собственным следам. Ступал медленно, стараясь поставить ноги след в след.

Вокруг валялись вырванные с корнем деревья, обращенные бездной в трухлявые пни. Но и те, что устояли, выглядели не лучше. Высохшие коряги сплелись исхудалыми ветвями, словно поддерживая друг друга в последнюю минуту. Они были уродливы и до дрожи пугающие, как и все здесь.

Его взгляд зацепился за мертвую лису, придавленную упавшей, разлагающейся сосной. Тельце зверька уже поглотила серость, и только пушистый хвост остался лежать ярко-рыжим пятном посреди безжизненного пейзажа.

Этот рыжий хвост неприятно запараллелился с волосами Ани. Весь кошмар происходящего впервые навалился на Илью со всей силой и неотвратимостью.

Он задышал носом, отгоняя нарастающую панику.

С неба опять стал потихоньку падать пепел. Илья ускорил шаг, опасаясь, что следы запылят, и он потеряет дорогу.

Кроме того, начинало казаться, что он со злости, сам того не осознавая, забрел слишком далеко, и ему очень не хватало такого привычного для нормального мира и как никогда нужного сейчас — айфона. Апокалипсис все-таки, как не крути — дрянное дело.

С перепуга Илья и не заметил, как выскочил на знакомую поляну. Хорошо, что все тут были слишком увлечены друг другом и не обратили внимания на его нелепое появление.

Здесь вообще на контрасте с внешним миром было довольно живенько и уютно. Ангелы и демоны, скучковавшись, всю братались, то и дело раздавался смех и радостные возгласы. Только Бога нигде не было видно.

Аня, Варя и Матфей сидели в стороне от ангелов, подпирая спинами друг друга. Они о чем-то мирно переговаривались и выглядели вполне счастливо.

Илье вновь захотелось уйти, но Аня его уже заметила. Подскочила, как будто обрадованная, бросилась навстречу, но тут же, натянув внутренние вожжи, осадилась и лишь приглашающе махнула рукой.

Он неспешно подошел, напуская на себя равнодушный вид. Давно усвоил, что если тебе пофиг, то ты не уязвим.

— Молодец, что вернулся, — похвалила Варя.

Илья ответил ей благодарным взглядом.

Аня не стала комментировать его возвращения, лишь кивнула, словно присоединяясь к Вариному одобрению. Илье этого вполне хватило, чтобы почувствовать себя свободней.

— Ок, давайте попробуем сделать то, что решили? — буркнул Илья, стараясь глядеть сквозь них.

Он готовился к тому, что Матфей не упустит возможности поиздеваться над его приходом, поэтому заранее демонстрировал, как ему сильно наплевать на чье-либо мнение.

— Фиг знает, — поднимаясь с матраса, пожал плечами Матфей. — Если все дело в эмоциях, мы должны как-то на вас повлиять. Решили, как в фильмах иногда показывают — взяться за руки и помедитировать.

То, что он не получил ожидаемой насмешки, только ещё больше раздосадовало Илью. Это означало необходимость признать, что Матфей оказался лучше, чем он о нем думал. Гораздо охотней верилось, что этот малохольный не стал зубоскалить только потому, что

боялся ухода Ильи. Он был нужен им для реализации их «гениального» плана.

— Рили? Я к твоим потным ладошкам не притронусь! — брезгливо скривился Илья.

— А по харе не хочешь? — завелся Матфей, сжимая кулаки.

Илья действительно предпочел бы хорошую драку плохому миру. Держание за ручки требовало от него гораздо больших усилий, и так жалко было тратить на них последние минуты. Он, не раздумывая, всем телом выразил готовность получить по харе.

— Прекратите! — вставая между парнями, потребовала Аня. — Матфей — дело говорит. Зачем ты вернулся, если не хочешь помогать?!

— По личным причинам, — с вызовом глядя ей в глаза, отчеканил Илья.

Аня потупилась. Тряхнула головой. Одна из её рыжих прядей на миг вспыхнула под проблеском света, который тут же утонул в глухой серости неба. Эта серость была совсем не той, какая бывает в пасмурный день — эта серость, порожденная бездной, оплетала горизонт, а вместе с ним и душу, коконом пустоты и безнадежности.

Илье вспомнился хвост лисы. Захотелось обнять Аню, защитить от надвигающейся катастрофы. Если бы это только было в его силах, он бы любой ценой спас её.

— Тогда сделай это для меня, — очень тихо, в унисон его мыслям попросила она и взяла его за руку.

Тело откликнулось на её мягкое, теплое прикосновение приятной истомой. За другую руку взялась Варя, потушив его огонь.

Девушки, предусмотрительно отгородив Илью и Матфея друг от друга, на корню обрубали дальнейшие поводы к ссорам.

Матфей замкнул круг, встав напротив Ильи.

Они стояли, но ничего не происходило.

И еще стояли. И снова ничего — кроме нарастающей неловкости.

— Может, попробуем покружить хоровод? — робея, предложила Варя и, видимо, поняв, как нелепо звучит её предложение, смущенно добавила. — Это глубоко ритуальное действие.

Илья спорить не стал. С Варей спорить не хотелось. Да и толку от споров не было. Они стали кружиться. В памяти отозвались следы детсадовских утренников с «раз-два-три — елочка гори». Мама обычно наряжала его в ангела, Илья же всегда норовил сломать мешающие ему крылья.

То ли нервы начали сдавать, то ли добила комичность ситуации, но внутри стали нарастать колючие щекотки. Илья усилием воли старался подавить созревший комок хохота. Чувствуя, что он упорно прорывается краской на коже и испариной у виска, он закрыл глаза, но представив все со стороны, еще больше развеселился.

Открыл глаза, встретился с той же мукой в лице Матфея.

Оба не вынесли этого и как по сигналу одновременно разразились беспричинным, диким хохотом.

Аня с Варей выпустили их руки и терпеливо ждали, пока парни отсмеются. Матфея согнуло пополам, у Ильи на глаза выступили слезы!

— Хрень какая-то! — успокаиваясь, заметил Матфей.

— Потому что вы — два дебила! — фыркнула Аня, скрещивая руки на груди и умудряясь прожигать дырки и на Матфее, и на Илье одновременно.

— Сори, держание за ручки не зашло, — пожал плечами Илья, резко сделавшись серьезным. — Кого мы обманываем? Мы обречены!

— Ты так говоришь, потому что тебе на все плевать! — возмущенно вскрикнула Аня

— Я не виноват, что идея твоего Матфея редкостная срань! — парировал Илья.

— Это я предложила! — с обидой процедила Аня. — Это была моя идея!

— От этого, к сожалению, идея лучше не стала, — скривил губы Илья.

— Если критикуешь — предлагай? — с вызовом заметил Матфей.

— Окей, давайте оргию замутим — ключ же наши эмоции. Я беру девочек, а ты можешь где-нибудь в сторонке сам с собой... — взорвался Илья, он не мог больше выносить навалившегося напряжения, а защищаться умел только сарказмом.

Аня яростно накинулась на Илью и, ругаясь, стала колотить его, куда придется.

Илья терпеливо давал ей выпустить пар. Её гнев отрезвил, и он стал утешать её, покорно признавая свою неправоту.

— Я ж пошутил, Ань. Извини, — она заехала ему по губе, он ощупал ссадину языком, во рту появился вкус металла. — Больно же, чего ты?! Успокойся!

Аня застыла, виновато глядя на него и бессильно опустив руки. Черты её скривились, она всхлипнула и поспешно спрятала лицо, уткнувшись ему в грудь.

Илья обнял ее, наговаривая ей в волосы ванильные нежности. Внутри же что-то продолжало щекотать, пихать, будто упорно хотело прорваться наружу.

Хлюпнув в последний раз, Аня отстранилась. Вся она обратилась в смущение, не решаясь ни на кого поднять взгляд. Впрочем, смущалась она зря, Матфей с Варей тактично отошли в сторону и, судя по их виду, были очень увлечены разговором друг с другом.

— Знаешь, — вдруг сказала Аня, — твой запах напомнил мне детство. Пока мама была жива, мы с папой ходили на ипподром, я училась ездить верхом. Но больше всего мне нравилось именно чистить лошадь, и вот... Но это глупо...

У Ильи кружилась голова. Сердце молотило, как бешеное, дыхания не хватало. По спине сбегал пот. Он уже плохо соображал, что она имеет в виду — все силы уходили на то, чтобы удержать в себе этот клокочущий, бурлящий котел то ли смеха, то ли рыданий, то ли и того и другого. Он сопротивлялся, но давление возрастало. Он судорожно подбирал диагноз своему состоянию — что-то между приступом паники и истерикой.

Анины слова становились все дальше, все путаней. Она с тревогой посматривала на него. И тут, прямо у него в голове, раздался четкий Варин голос: «Илья! Выпусти себя!»

Илья ошалело обернулся на Варю. Но на том месте, где еще мгновение назад стояла Варя, сейчас сидела чешуйчатая крылатая ящерица. Дракон был белого цвета, а на морде у него обозначилось чернильное пятно, и лишь глаза остались такими же сиреневыми и грустными.

И тут Илью озарило — они ведь наполовину ангелы, а значит, у них есть и другая ипостась. Смутный калейдоскоп картин всплыл в памяти яркими красками и тут же погас.

«Да, это твоя суть, я её сейчас вижу», — вновь улыбнулась у него в голове Варя.

Матфей, ничуть не испугавшись такой разительной перемены в девушке, протянул руку, погладив дракона по морде, и открыто, с какой-то детской радостью улыбнулся ей.

В этот момент Илья не мог не подумать, что парень все-таки не так плох, как ему бы хотелось.

Дракониха вильнула хвостом, словно разыгравшаяся собака и выдохнула струю едва приметного, розоватого огня. Оба — Варя и Матфей, как будто шагнули в воздух, слегка приподнявшись над землей, и исчезли.

— У них получилось! — восхищенно выдохнула Аня. — А нас забыли, но как же это красиво.

— Сейчас уйдем и мы, — слова дались ему с огромным трудом, он даже не уверен был, поняла ли она то, что он выдавил из себя.

Илья перестал сопротивляться, и крышка котла с оглушительным грохотом взорвалась. Его контузило и вывернуло наизнанку. Во всем теле нарастало покалывание и тепло, которые вскоре превратились в жар и скручивающие судороги. Это было одновременно и мучительно, и приятно, будто пробуждение после долгого сна. Будто важная часть его, все время подавляемая и загоняемая в угол, нашла выход и освободилась от убийственных оков. И теперь он, наконец-то, был свободен. Так свободен как никогда в жизни!

Аня смотрела на него во все глаза, как ребенок, увидевший настоящее чудо. Его зрение изменилось, и он тоже увидел её совсем иначе, чем мог видеть прежде. Она была соткана из чудесного золотистого света. Этот свет согревал, завораживал и самое главное делал его лучше.

— Крылатый единорог, — восхищенно выдохнула она.

Анины слова заиграли разноцветными красками. Звук обрел цвет и вкус. Илья как слепой, который жил всю жизнь во тьме и вдруг прозрев, с удивлением и радостью открывал для себя то, что было от него скрыто.

Но, как усилилось его восприятие прекрасного в Ане, точно так же усилилось и его ощущение пустоты в этом мире.

В воздухе удушающим газом разливалась отравка. Мир был горький, скрипел на зубах пеплом, пах трупным разложением. От его серой гнили мутило. Мухами в нем кружила бездна, что дожирала остатки прекрасных красок, запахов и звуков.

Илья фыркнул, тряхнув гривой. Он понял, почему Варя поспешила уйти отсюда, не дождавись их. Эту муку невозможно было выносить. Она просто сводила с ума.

Он наклонился и, повинуясь инстинкту, стукнул по воздуху рогом, выбивая золотые искры. В пространстве образовался проход. Немедля больше ни секунды, Илья устремился в него, утягивая за собой Аню.

Вспышка 14. Ящик

Аня шагнула следом за единорогом, проваливаясь в неизвестность. Ощущение, будто нырнула в ледяную крещенскую купель.

Все тело пронзило раскаленными иголками. Дыхание перехватило. Душа отлетела, а потом нехотя вернулась обратно.

Зима. Крещенские морозы. Компания шумно выпивает на кухне за очередной великий праздник.

После жалостливого рассказа пьяного отца о том, как дочь сгубила любимую жену, едва знакомый приятель по бутылке — дядя Игорь, подбивает всех очистить Аню от грехов святой водой.

Одиннадцатилетнюю Аню тут же вытаскивают из кровати и велят одеваться. То, что отец едва стоит на ногах, не мешает ему сесть за руль. С ними увязывается и дядя Игорь.

Глубокая ночь. Безлюдье. Снег поблескивает в свете звезд. Купель выпилена в форме креста. Отец велит дочери скидывать с себя одежду и нырять непременно с головой.

Аня не умеет плавать. Ей страшно, но отца с дядей Игорем она боится больше. Поэтому послушно раздевается до плавочек. Ветер бьет в худые плечи. Она дрожит. Зубы выстукивают дробь. Босые пятки жжет. Она медлит у деревянной лесенки, не решаясь спуститься.

Отец поторапливает, мол, замерзли, шевелись. Но шевелиться её заставляет липкий, неприятный взгляд дяди Игоря, а не ставшие уже привычными покрякивания отца.

Аня, стиснув зубы, зажмуривается, спешно спускается по деревянной лесенке и проваливается в кипяток. В голове почему-то паникой бьется фраза из конька-горбунка: «Бух в котел — и там сварился!». Ведь она грешница — значит — сварится, а иначе — почему ледяная вода кажется ей такой горячей?

Душа отлетает...

...и нехотя возвращается в пустоту.

Аня находилась в пустоте, хотя не могла даже вообразить её себе. Пустота ощущалась не как внешнее, а как слепое продолжение её самой. Разум дезориентировано пытался нащупать хоть какую-то опору в привычных точках и осях координат, и, не находя её, бился в панической агонии. Должно быть, подопытные, которые носили инвертоскопические очки, позволяющие видеть мир вверх ногами, поначалу испытывали похожие чувства.

Сознание раскачивалось все сильнее, и, когда казалось, что его сейчас затопит волна безумия — Аня неожиданно нашла опору в Илье. Пустота наполнилась им. В ней проявилось его пятно. Сжатый комок паники кардиограммой тахикардийца пульсировал в пространстве.

Аня потянулась к нему, и Илья в свою очередь смог нащупать опору в ней. Он прекратил метаться и успокоился.

Теперь в пустоте вырисовывались едва намеченные очертания его фигуры, раскрашенной какими-то невероятными цветами: тут было много стального и все оттенки синего, начиная от почти черного и заканчивая бледно-голубым.

— Ты как? — обеспокоенно спросил Илья.

— В порядке, — все еще замороженно разглядывая его суть, сказала Аня. — А ты?

Акустика сбивала с толку — слова опускались, как в пустой колодец, а потом эхом возвращались в виде ответов Ильи.

— Тоже, — задумчиво протянул он. — Интересно, где Варя с Матфеем? Как ты нашла меня?

— Случайно, — призналась Аня.

Илья ругнулся. Они представляли собой цветные пятна на пустом холсте, лишённые всякой возможности к передвижению, и необходимых ориентиров вокруг не существовало: ни времени, ни пространства, ни материи, ни формы.

Илья первый сообразил, что делать. Пока Аня раздумывала, он стал звать Варю и Матфея. Сообразив, что это единственная доступная тактика, Аня присоединилась к нему. Вскоре их старания возымели успех. Из пустоты к ним эхом вернулся мрачный ответ Матфея:

— Где вас так долго носило?!

В сознании Ани выросло ещё одно цветное пятно в форме Матфея. На этих мазках глаз мог бы отдохнуть, если бы они были менее хаотичны и более сдержаны в своих экспрессивных проявлениях. Однако суть Матфея нельзя было отразить точнее, чем та палитра цветов и оттенков, которые выбрал неведомый художник для характеристики его «Я».

— Нигде. Мы зашли сразу за вами, — заметила Аня, опережая резкий ответ Ильи, который грозил очередной затяжной перепалкой.

— Ясно, значит, Варя была права и это особенности этой дыры, — разочарованно буркнул Матфей, он явно специально пытался спровоцировать Илью, и сейчас не мог скрыть своей досады на Анино вмешательство.

В отношении Матфея Аня сама себе удивлялась. Она столько лет бережно хранила все воспоминания о нём. Столько лет мечтала о встрече, представляя её в мельчайших деталях. Каждый раз в её воображении судьба сводила их при новых и самых невероятных обстоятельствах, но неизменно было одно — её чувство к нему.

И вот этот час настал — встреча состоялась. Но ничего из того, что она представляла себе не сбылось. Все переменные смешались и дали совершенно непредсказуемую эмоциональную реакцию. Увидев Матфея, Аня обрадовалась, но больше растерялась, даже испугалась. И с каждым его словом ей делалось все более очевидно — то, что было между ними давно прошло. Он больше не был вспыльчивым мальчишкой — он стал мужчиной. И она уже не была как раньше забитой девочкой. Они оба как будто выросли из своих чувств. И от этого ей было грустно и немного досадно.

Вся это эмоциональное смятение осложнялось невозможностью отразить свои переживания. Ане казалось несусветной глупостью на фоне надвигающейся катастрофы думать о чувствах.

— Так вот значит какой он — вождённый сад, — грустно заметила она, чтобы вернуть себя к действительности.

— Нет, это всего лишь его руины, — возразил Илья. — Такой станет и Земля — после того как её поглотит Хаос.

— Раньше тут было сказочно красиво, — грустно подтвердила Варя.

Она и здесь представляла из себя изящное пятно рассвета.

Стало интересно, как выглядит она сама, наверняка как всегда — неказисто и посредственно.

Аня не то, что ревновала Варю к Матфею, но никак не могла прекратить все время сравнивать себя с ней. И к своему огорчению, на фоне этой эльфийки ощущала всю свою безнадежную серость в лягушачьей шкурке. Мозгами она понимала, что Вариной судьбе не позавидуешь, что девушка заслуживает только сочувствия и уважения, но никак не могла избавиться от банальной женской зависти.

— Что делать будем? — спросила Аня, вновь мысленно обругав себя за глупость и пытаясь сосредоточиться на действительно важном деле. — Как искать ящик в пустоте?

— Никак, — с убийственной уверенностью припечатал Матфей. — Пока вы собирались в дорогу, мы с Варей перепробовали все, что только здесь можно. Как вы понимаете, можно тут только болтать и видеть пятна друг друга. Тут ничего нет, следовательно — ничего и найти нельзя.

Аня мысленно пыталась опровергнуть эти слова, но ни одного аргумента против найти так и не сумела.

— Тревожно. Мы с Матфеем стали замечать, что стоит нам что-то вспомнить, как воспоминание стирается, — грустно дополнила пессимизм Матфея Варя. — Мы забываем себя.

— Мы нигде и становимся ничем, — обреченно подытожил Илья.

Аня разозлилась на его пассивную готовность принять самое худшее без всякого сопротивления.

С Ильей её вообще бросало из крайности в крайность от жгучей неприязни к совершенно немыслимой после его признаний нежности и сочувствию.

— Ага, мы, находясь в Эдемесе, который слопал Хаос, находимся в Хаосе, — паясничая в духе: «я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь», хмыкнул Матфей. — А я-то думал, что в аду было плохо.

— Ту мач! Зачем ты это проговорил? — возмутился Илья. — Итак, мозги как будто вывернули наизнанку.

Аня, решив проверить Варины слова, прислушалась к себе, выуживая из памяти то, чего было не особо жаль.

Перед глазами замелькали картины, от которых она была бы рада избавиться, но они врезались клещами ей в душу и не отпускали даже в самые светлые дни.

Ей тогда было лет двенадцать, она нашла в подъезде блохастого котенка и притащила домой. Когда отец узнал, то в пьяном угаре сильно избил Аню. Она всю ночь проплакала, прижимая к себе теплый комочек. Котенок, будто понимая её горе, утешающее тархтел. Наутро, протрезвев, и по обыкновению раскаявшись, отец разрешил котенка оставить, даже горшок с миской купил.

Но кошка прожила у них не больше года. Отец убил её, когда обнаружил, что запуганное им животное ссыт ему в ботинок. Он на Аниных глазах схватил кошку за задние лапы и ударил об дверной косяк. Аня ничего не успела сделать. Ей оставалось лишь положить мертвую кошку в коробку из-под обуви и похоронить её в березняке.

Все это пронеслось у нее перед внутренним взором так отчетливо и детально, что даже нос защекотало от въедливого запаха кошачьей мочи.

Однако, когда она вновь попыталась вернуться к этим событиям, то поняла, что кроме самого факта убийства кошки отцом вспомнить больше ничего не может. В памяти на том месте зияла пустота.

Тяжелое горькое воспоминание, но оно было её. Она вся есть лишь набор этих

воспоминаний. И если они исчезнут, то исчезнет и она. Память же, запустив механизм воспроизводства, калейдоскопом подсовывала картину за картиной, вопреки её дерганью за стоп кран. Сделалось страшно и она, перебив очередную перепалку Матфея с Ильей, поспешно предложила:

— Давайте тогда поскорее вернемся туда, где еще можно побыть, хотя бы недолго.

— Мы уже пробовали, — мрачно ответил Матфей.

— Может у Ильи получится, — виновато прошептала Варя.

Но и у Ильи не получилось ничего кроме нехороших слов.

В этот момент Аня впервые осознала, что это на самом деле конец. Напряжение вдруг отпустило, и она ощутила небывалую легкость. Все в ней как-то сразу опало, обмякло.

Почему-то вспомнилось, как однажды девочкой она пряталась от гостей в шкафу. Тогда еще была жива мама, и в дом всегда приходило много гостей. Аню везде искали, а она подглядывала в щелку. Из окна струилась полоска света, и она воображала, что за эту черту никто не сможет зайти, что это её защита.

Жаль было кормить этим воспоминанием пустоту. Лучше бы Ани подсунуть пустоте другой эпизод её жизни, тот самый, про рай, где она так бесстыдно хотела отдать себя человеку, убившему всю её семью. К своему ужасу, она поняла, что до сих пор этого хочет. Упреком вставал перед глазами Вадик в пижаме с лисичками. Но лисички выцветали, оставаясь на белом полотне сухим фактом бытия.

Она хотела бы себя утешить тем, что все это сделал не Илья. Ведь из рассказа Бога она знала, что Илья в этой ситуации тоже был жертвой, что он ни в чем не виноват. Но она чувствовала в этом оправдании какую-то фальшь, стремление выдавать желаемое за действительное.

Аня даже не могла определить, где в Илье заканчивался Хаос и начинался он сам. Когда именно она влюбилась в него? В кого она на самом деле влюбилась? Что если это закономерный итог её стокгольмского синдрома? Что если он лишь отражает то чудовище, которое живет в ней самой?

Нужно перекрутить в себе воспоминания о нем и чудовище исчезнет. Но при одной мысли об этом внутри все сопротивлялось. Аня поняла, что ни за что этого не сделает.

Только любовью можно было оправдать совершенно немислимое желание вопреки всему защитить их общую память.

И она призналась себе, что любит. Стало легче, проще, захотелось обнять его напоследок все простить и себе, и ему.

— Вы слышали? — напряженно спросил Илья, вырывая её из раздумий.

Аня как ни напрягала слух, ничего не слышала.

— Нет! — раздраженно отрезал Матфей.

— Я вижу, — прошептала Варя, — как будто пустота движется.

Аня насторожено стала всматриваться и вслушиваться, но абсолютно никакого движения и звуков уловить в пустоте не могла.

— Она говорит, — прошептал Илья

— Он показывает, — вторила ему Варя.

— Мы ничего не видим и не слышим! — хором ответили Матфей с Аней, но Илья с Варей больше никак на них не реагировали.

Аня заметила, что суть Ильи и Вари пошла рябью, по ним будто пустили ток под большим напряжением. Их контуры размывались, краски смешивались.

Защитить Илью она не могла, лишь наблюдала.

Наверное, и ей перед самым концом начнет всякое мерещиться, а хотелось все же сохранить ясность сознания. Но с другой стороны, может и легче, когда ничего не осознаешь.

— Видимо так будет выглядеть наш конец, — тоскливо констатировала она.

— Я должен был быть первым! И здесь гад без очереди пролез! — с искренней досадой возмутился Матфей.

— Успеем, — нервно хихикнула Аня, в то время как её душили слезы.

Она понимала Матфея — она тоже предпочла бы уйти первой, а не наблюдать, как уходит тот, кто ей дорог. Оставалось только ждать, когда придет их очередь.

Вдруг помехи в пятнах Ильи и Вари прекратились. Цветовые волны улеглись и вновь перед ними, как ни в чем не бывало — стояли их раскрашенные фигуры.

— Ящик здесь, — хором заключили Варя и Илья.

— Это мы вроде как знали, — раздраженно заметил Матфей. — Для этого не нужно было пугать нас с Аней до чертиков!

— Но теперь мы еще и знаем, как нам этот ящик добыть, — выговаривая слова, как для особо тупого дебила, объяснил Илья.

— И вы это узнали, пялясь и вслушиваясь в пустоту? — с сарказмом поинтересовался Матфей.

На этот раз Аня была полностью на стороне Матфея, разделяя его негодование. Но вместе с тем, она понимала, что вовсе не злится, а скорее пытается справиться с упадком чувств после слишком сильного эмоционального напряжения. Так мать, найдя своего потерявшегося на прогулке ребенка, вначале раздражается бранью, а потом в слезах прижимает шкуру к себе.

— Да, хватит, — нетерпеливо протянул Илья, — нам нужно спешить!

— Здесь сохранились осколки сознания Адама и Евы, они ждали нас и рассказали, как спастись, — робко объяснила Варя.

— Теперь мы будем верить Адаму и Еве, которые и заварили эту кашу? — возмутился Матфей.

— А у нас есть выбор? — спросил Илья.

— Но с чего бы им помогать нам? — удивилась Аня.

Слишком свежа была в памяти история об этих убийцах собственных детей. Их поступки на протяжении всего существования отличались лишь вероломством и подлостью, которую невозможно уложить даже в самую бесчеловечную мораль. Аня не могла им поверить. Ни на секунду не могла!

— Но хуже точно не будет, — резонно заметила Варя.

Против этого аргумента найти довод оказалось сложней. Действительно, что может быть хуже того положения, в котором они оказались? Их всех при любом раскладе ждет забвение и вечный голод. А вдруг напоследок Адам и Ева решили что-то доброе сделать? Или черт оказался не так страшен, как его намалевали?

— Тогда выкладывайте их план? — сдался и Матфей.

— Он до смешного прост, — заявил Илья. — Единственная сила, которая может здесь сработать — это сила воображения. Так первые Боги создавали свои миры.

— Нам просто всем вместе нужно представить ящик в мельчайших подробностях, — дополнила инструкции Варя. — Цвет, объем, массу, размер. Почувствовать его как часть

себя.

— Ба, психотренинг по визуализации мечты, — вновь съязвил Матфей.

— Если ты мечтаешь о ящике, то да, — не упустил возможности уколоть Илья.

У Ани иногда складывалось ощущение, что Илья с Матфеем играют в плохого и хорошего полицейского. Когда один в чем-то соглашается — второй непременно должен быть против.

— Давайте уже воображать, — вздохнула она, устав от бесконечных препирательств.

Илья с Матфеем затихли. Все сосредоточились на визуализации ящика.

Аня старательно рисовала перед внутренним взором ящик, впрочем, не особо рассчитывая на успех. Прямоугольный, среднего размера, тяжелый, черный. На ощупь гладкий, испещренный письменами. Он пахнет лаком и деревом.

Когда ящик, выйдя за пределы её фантазии, повис между ними четырьмя в воздухе, становясь все более четким и материальным, Аня, невольно охнула от радости. Вот тебе и разрешение спора о том, что первично — материя или сознание!

— Получилось! — обрадовалась Варя.

— Получиться-то получилось, — вновь усомнился Матфей, обрывая всеобщее ликование. — Но толку то в этом? Ящик нужно открыть на Земле, а мы здесь!

У Ани упало сердце, а ведь точно, то, что они нашли ящик — ничего не меняло, они по-прежнему застряли в пустоте. Неужели зря понадеялись на чудо? Вот она, вполне ожидаемая пакость от Адама и Евы — сначала дать надежду, а потом забрать. Последний подарок потомкам.

Но задумчивый голос Вари опроверг сомнения Ани.

— Адам и Ева сказали, что каждый из нас взял себе билет на обратную дорогу, пытаюсь сохранить осколки своего мира. Нам достаточно вспомнить, где наши билеты.

— Отлично! Старая, добрая загадка для пущего пафоса. Самое время для головоломок, сфинксы несчастные! Почему нельзя было сказать конкретно? — возмутился Матфей.

— Не-е, тут все должно быть проще, — задумчиво произнес Илья. — Видимо, каждый из нас что-то взял с Земли. Я вот, например, землю сунул в карман.

— Точно, а я ладанку подобрал, — гордо похвастался Матфей. — Скорее всего с Первой мировой в земле пролежала.

— А я подснежники попыталась сберечь.

Их пятна стали медленно стираться из её жизненного пространства. Аня чуть было не запаниковала, но в памяти затеплился огонек. Она нашла свой билет. Матфей когда-то называл Аню королевой бабочек за то, что она по холодам спасала куколки от морозов и ухаживала за ними до тех пор, пока не случится полная метаморфоза.

На Земле, когда мир вокруг стал умирать, в серости померкшего дня она заметила двух бабочек. Большие, с бархатными крыльшками, они старались улететь от опасности. Одна сдалась и опустилась на умирающую землю. Серость мгновенно опутала её. Бабочка в секунду выгорела, обратившись тусклой тенью себя и рассыпалась в прах.

Вторая подлетела совсем близко к Ане, но тоже запуталась в паутине бездны, едва задев крылом зараженный цветок. Аня инстинктивно, в попытках спасти красоту, протянула руку и поймала насекомое на ладонь. Но бездна уже заразила бабочку, и в руках у Ани осталось только яркое крылышко и горстка пепла.

Вспышка 15. Неизбежная жертва

Мир был погребен под бездной.

Сверху сплошной пеленой падал пепел, образуя глубокие заносы.

Некоторые души продолжали отчаянную борьбу за жизнь, вцепившись в крупички золы, они тускло поблескивали, служа единственным скудным источником света в этой всепоглощающей серости.

Варя, Матфей, Аня, Илья стояли на пепелище своего мира, по пояс увязнув в золе, тут же при них находился ящик, за который все четверо ухватились так крепко, будто это не ящик, а спасательный круг.

Их души медленно возвращались в сознание. Действительность вокруг удручала.

Нестерпимо пахло тухлятиной. Казалось, они переместились в Помпеи, во время извержения вулкана.

Как тени там и сям мелькали силуэты то ли ангелов, то ли демонов.

— Чаго вы так долго?! — накинулся на них проявившийся из серости Бог. — Давайте, открывайте эту штуkenцию!

Матфею очень не понравилась хитрая рожица старика, уж больно хищно блеснули его глазенки. Он заколебался. Остальные, по-видимому, тоже. Они обменялись потерянными взглядами друг с другом. Но в тот же момент всем стало очевидно, что на раздумья времени не осталось — тут или пан или пропал.

— Давайте вместе! — предложил Матфей.

Илья, Аня, и Варя кивнули, и они на счет три разом дернули за крышку.

Крышка поддалась, будто того и ожидала. Из ящика вырвался сгусток энергии. Как взрывной волной, их всех, включая ангелов и демонов, приподняло и расшвыряло по поляне. Эта устрашающая мощь, стала клубиться, обретая форму вихря.

Матфей, ударившись всем телом о землю, ненадолго потерялся в темноте.

А когда пришёл в себя, то увидел как смерч, кружась волчком, скручивает бездну в себя, очищая мир от серой дряни — зрелище поистине грандиозное!

Он лежал на земле и смотрел на разверзшуюся мощь. В голове звенело. В звоне мелькали обрывки мыслей, воспоминаний. В детском саду его любимая игрушка была не машинка и солдатик, как у других мальчишек, а волчок. Раз-два — завел хорошенько, направил траекторию и смотришь, как волчок весело кружит по полу.

Подростком Матфей открыл для себя балет, там нимфы в пачках, вставали на пуанты, а самое главное, умели кружиться волчком. Впрочем, к балеринам, как и к балету, он вскоре охладел.

В классе у них училась начинающая примадонна — жуткая зазнайка, но Матфей всякими способами старался заслужить ее внимание — балерина же. А потом она куда-то пропала.

Позже выяснилось, что девочку выгнали из балетной школы, потому что у неё стала намечаться большая грудь. Она очень тяжело это переживала, по слухам, даже пыталась покончить с собой. Её родители увезли дочь в другой город, чтобы сменить обстановку и помочь ей оправиться от удара судьбы. После этого любовь Матфея к балету как рукой сняло.

Вихрь грозно застыл. Остатки серости сматывались смерчем, как паутина

электрощеткой.

Мир казался почти прежним. Стало свободней дышать. Запах тухлых яиц исчез. Повеяло свежим ветерком. Небо было черным, звездным, с полной луной.

Матфей пару раз глубоко вздохнул. Вставать не хотелось. Он вцепился пятерней в молодую траву и долго вынюхивал запах своих перепачканных зеленую рук.

— Ты так и будешь трупом притворяться? Камон? — раздался над ним голос Ильи.

Было так хорошо, что Матфей даже не стал огрызаться. Нехотя поднялся на ноги, разминая затекшую и подмерзшую тушку. Совсем рядом стояла Варя, глаза у нее поблескивали, и в который раз почудилось, что ему сунули под нос охапку сирени.

«Когда все кончится, — подумал он, — обязательно какой-нибудь куст для нее покалечу».

Вокруг толпились ангелы, вперемежку с демонами, так что уже нельзя было отличить: кто есть кто. Они радостно обнимались, улыбаясь и смеясь, похлопывали друг друга по плечам, выражая уважение старому доброму миру.

— Это все? — недоверчиво спросила Аня. — Мы победили?!

— Только, с этой штукой что-то сделать нужно, — глядя на смерч, заметил Илья.

— Агась, нужно только закрыть ящик, — охотно поддакнул стоящий неподалеку Бог. — Иначе Землю тоже туда закрутит и тогдашеньки все зря.

И тут Матфея, как холодной водой окатило — всегда есть подвох. Он чуял, что сейчас как раз самое удачное время для этого самого подвоха — слишком все хорошо сложилось. В такие моменты что-то обязательно должно сравнять чашу весов в пользу всех пессимистов мира.

— Я чет не вижу ни ящика, ни крышки? — напряженно заметил Матфей, всматриваясь в смерч.

И чем больше он туда глядел, тем сильнее в нем назревала тревога и желание бежать в противоположную сторону от этой штуки, которая все ощутимей подминала пространство под себя.

— Шкатулочка-то изнутри захлопывается, — невинно напомнил Бог, как само собой разумеющийся факт. — Такая вот она хитрая ловушка и подчиняется только добровольцам, а ежели не по доброй воле в себя утащит, тогда нипочем закрыть её не удастся. Я ж говорил. Надо уметь слушать, Матюша.

Матфею опять нестерпимо захотелось поколотить старика. Выждал же момент, чтобы напомнить им об этой фигне, как будто специально в ловушку заманивал. Бог не мог не знать, что добровольцами в этот смерч придется идти четверке крайних, потому что кроме них — таких отборных дураков в целом мире больше не сыщется.

Однако, возможно, хватит жертвы кого-то одного из них — они же здесь все сплошь избранные и особенные. Не обязательно же вчетвером туда переться, только для того чтобы закрыть ящик.

Матфею меньше всего жалко было Илью, но если пойдет Илья, то пойдет и Аня, а этого он допустить никак не мог. Отсиживаться в сторонке, пока сомнительная личность рискует стать героем — точно не его путь. Нет, если что-то нужно сделать хорошо — надо делать это самому. Только думать об этом нужно поменьше, чтоб не передумать.

— То есть кто-то должен пожертвовать собой, — дрогнувшим голосом попытожила Варя и, будто испугавшись сказанного, по-детски прикрыла рот ладошкой.

— Боюсь одной жертвы недостаточно, — развел руками старик. — Ету ловушку можно

закрыть только многими и многими силами. Например, в прошлый раз Прометею понадобилась воля всего созданного им мира и его самого, чтобы запереть Хаос в этот ящик.

Радость выцветала в унисон с небом, которое старательно стирали с холста жизни, словно скребком или тряпкой, намоченной бензином, вытравливая из него краски. Казалось, даже звезды сдали и подурнели, обратившись в тусклые аппликации самих себя. Луна трусливо спряталась за набежавшую тучу, но вполне могло стать, что у Земли просто больше не было неизменной спутницы всех поэтов — её уже скрутило в ловушку.

Ситуация оказалась хуже не придумать. Зря пыжились, зря надеялись. Как ни играй в героев, итог один — геймовер. Все что они сумели — ненадолго отсрочить свой конец и только. Теперь их сожрет не Хаос, а адова машина для борьбы с Хаосом. Даже народная мудрость: «враг моего врага — мой друг» — обманула своих потомков.

Вот только зачем все это нужно? Зачем они стоят и вновь слушают этого выжившего из ума фальшивого идола? Не лучше ли покончить с этим поскорей — ведь по итогу — страшен не сам конец, а ожидание конца.

Ангелы зашелестели меж собой, зароптали. Из толпы решительно выдвинулся Люцифер, следом за ним, прихрамывая, вышел и Михаил. Выглядел архангел, особенно на фоне пышущего силой и уверенностью дьявольского альбиноса — неважно: левая рука иссохла и повисла плетью, глаза впали, нимб едва горел. Он весь был перепачкан кровью и грязью.

На вопросительный взгляд Ильи, Михаил, пожав плечами, как бы, между прочим, ответил:

— Та деревенька оказалась зараженной. Зомби меня слегка потрепали.

— Ок, — с явно напускным равнодушием кивнул Илья. — Не надо было туда ходить.

— Отчего же? — усмехнулся Михаил, усмешкой Ильи. — Мне было полезно помахать копьём, все лучше, чем сидеть и ждать. Вас долго не было, я б окончательно свихнулся.

Из обрывка этого разговора Матфей понял только одно — отношения отца и сына потеплели. Вот только когда они успели сменить температуру — оставалось загадкой.

— Ты хочешь сказать, что люди опять должны отдать себя в жертву? И что их мир вопреки всему обречен? — возмущенно обратился к Богу Люцифер.

— Люди затем и созданы, — не моргнув и глазом, пожал плечиками старик. — Люди — это оружие против Хаоса. Без борьбы им становится скучно. Однако не бойтесь — в этот раз все обойдется как нельзя лучше — я уверен, что Земля уцелеет. Здесь слишком много народилось людей, и они гораздо сильнее своих предков. Полагаю даже, что двоих на разведение можно будет оставить.

— Что?! — свирепо выдохнул Матфей.

Варя успокаивающе тронула его за руку, пальцы у нее были ледяные, видимо она совсем замерзла. Матфей приобнял девушку, подавив в себе желание накинуться на старика.

Он заметил, как Люцифер, и даже Михаил, тоже яростно сжали кулаки, очевидно, что для того, чтобы настучать старику по гнилой репе — нужно было занять свою очередь. Видимо, почувствовав общее настроение, Бог слегка отступил и примирительно зачастил.

— Ой, это я шучу, что ж вы такие нервные, детушки мои, и пошутить старику уже нельзя, — и, перебив свой простонародный говор, опять заговорил по-ученому.

От привычки старика прыгать с одной манеры речи на другую у Матфея начинался невроз.

— Не люблю я делать прогнозы, — продолжал между тем Бог, — но по моим расчетам

в этот раз выживет процентов 10 от общего населения планеты. Половина из этих десяти процентов погибнет из-за нового ледникового периода. Ведь от солнца и земного ядра почти ничего не осталось — не жалели себя души в сражении с Хаосом, поэтому на Земле будет очень холодно. Но, несмотря на трудности, популяция себя восстановит. А через пару тысяч лет и климат нормализуется. Люди живучие — они все это уже проходили.

Слова Бога, судя по траурной тишине, никого не обрадовали. Да, конечно, хорошо, что хотя бы планета уцелеет, и какие-то единицы выйдут из этой передрыги живыми, но обрисованная перспектива удручала донельзя.

Эта катастрофа одним махом перечеркивала все накопленные тяжким трудом достижения человечества, отбрасывала их на миллионы лет назад. В мир мамонтов, звериных шкур, пещер, костров, высокой смертности, болезней, голода. Да, проиграв в малом, они все равно победят в большем. Но малое в этом случае — ни фиги не малое, а весь их многострадальный прогресс. Опять люди будут вглядываться в небо и искать там своего Бога, а их Богу опять будет наплевать на их трудности.

Матфей раньше не вдумывался, какой скачок в развитии проделали люди с темных времен до современности, и теперь его захлестнуло запоздалое чувство благодарности к предкам.

— Но вы же сказали, что ящик могут закрыть только те, кто зашел туда по доброй воле? — резонно спросил Илья. — Камон, сомневаюсь, что хотя бы половина людей на земле обладает достаточным альтруизмом.

Матфей мысленно уважал способности Ильи холодно анализировать и находить бреши в разглагольствованиях Бога. Сам Матфей сразу впадал в эмоциональный стопор и не мог трезво взвешивать всю ахиною, которой их потчевал старик.

Но Бога ничуть не смутило противоречие в собственных законодательных инициативах. Он подмигнул, потер ручки и, самодовольно улыбнувшись, стал на серьезных щах хвастаться.

— Пока вы тут прохлаждались, я действовал. Ужасно утомился, внушая человечеству, что тут гуманитарная катастрофа, которая разрастается и, если её вскоре не остановить — уничтожит всю Землю. Сюда уже со всех краев стекаются добровольцы: волонтеры, спасатели, пацифисты, врачи и прочие нужные нам субъекты. Главное, чтоб успели, а то уж больно медленно у них там все работает. Бюрократизм, усиленный паникой — штука неприятная. Кроме того, сейчас почти все правительства мира в бункерах отсиживаются — это затрудняет организацию масс.

— Но это же обман! Они же не знают, куда вы их на самом деле заманиваете! — возмутилась Аня. — Какая же это добровольная жертва, когда это просто очередные ваши враки?!

— Еще какая добровольная, милочка, — через сжатые губы процедил Бог, явно задетый, что его старания никто не оценил по достоинству, — как известно, от перестановки мест слагаемых — сумма не меняется. Суть осталась та же — люди жертвуют собой ради спасения этого мира. Я лишь облачил истину в понятные им категории. Приманенных мной альтруистов и гуманистов всех мастей должно хватить. Остальных, конечно, утянет супротив их воли, но хоть дрова будут гнилые — это все равно дрова. Ведь даже самый жалкий человечешка не хочет, чтобы его мир исчез.

— Отче, а как же ты? — вдруг резко спросил Михаил, он явно нервничал, иссохшая рука дергалась, как культия. Нимб у него совсем перегорел, глаза были мутными, уставшими.

— А что я? — искренне удивился Бог.

— А то, что твоя жертва спасла бы по меньшей мере половину человеческих душ! — выдохнул Михаил, придерживая свой разгулявшийся тик здоровой рукой. — И тогда бы не случилось такого серьезного катаклизма!

— Я-то?! Тудась?! — возмутился старик. — Миша, да ты сбрендил?! Добровольно?! Ни за что!

По рядам ангелов прошел возмущенный ропот. Даже Матфей, как неприятен был ему старикан, все же не ожидал от него такого неприкрытого вероломства. Все замерли, как оглушенные этим признанием — никому не хотелось верить, что их древний кумир — жесток и эгоистичен. И вместе с тем, каждый в этот момент задумался по какую сторону от черты своей совести встанет он.

— Но ведь наши души — они особенные. Вы сами говорили. Может, наших сил хватит, чтобы закрыть ящик? Может, хватит одной меня? — напряженно спросила Аня.

Было ясно, что Аня уже все за себя решила, и через нее Матфей понял, что и он уже давно за себя решил. За это он когда-то и влюбился в Аню — через нее он мог понимать все лучшее в самом себе.

— Не стоит себя переоценивать, милая, — замахал на Аню руками Бог. — Это маловероятно, что вас хватит. Хотя ваши души будут считаться дороже обычных, ну, скажем, как одна за миллион, но жертва от этого не перестанет быть бесполезной и глупой. Я тебя уверяю, такие как вы на Земле пригодятся гораздо больше, чем в ящичке. Холодно здесь станет, и многие двуногие впадут в отчаяние, а вы своим теплом да горячностью сумеете подарить миру новую надежду. Мудрые генералы в бою не жертвуют своей жизнью, оставляя этот сомнительный подвиг солдатам.

Может, в этом и были зерна здравого смысла, может, Матфей принес бы больше пользы, оставшись на Земле. Он бы с радостью остался даже в мире сплошной тайги и морозов, где ради выживания необходимо будет охотиться и рыбачить. Он бы остался с Варей, построил бы для неё и своих детей дом. И пусть в борьбе за пищу и кров ему приходилось бы нелегко, зато он был бы жив.

Вот только Матфей всегда искренне презирал войну и ни за что не хотел быть генералом. Если уж война неизбежна — тогда уж лучше вступить в нее рядовым — солдат, по крайней мере, не делает из войны карьеру. Солдат не отправляет других на смерть, он умирает сам за себя и не важно, как именно умирает — смотря в глаза убитому им брату, или когда убивший его брат, смотрит ему в глаза. Солдат — это невольник и, конечно же, неизвестный никому герой и мученик.

Не понять этому богообразному существу, что поступи они так, как он им советует, они погаснут и перестанут генерировать такое необходимое этому остывшему миру тепло. Ведь чтобы приговорить к вечным страданиям миллион людских душ вместо одной своей — нужно превратить сердце в кусок льда. Именно поэтому среди политиков и генералов никогда не было и не будет настоящий «пассионариев» — невозможно с холодным сердцем вырабатывать тепло.

— Что ж, — непреклонно заявила Аня, — значит я свой миллион спасу.

— Куда деваться — два миллиона — лучше одного, — покивал Матфей. Нелегко ему было это озвучить, как приговор себе вынести, но сказал, и стало легче. Пути назад больше нет.

— Так и знал, что этим все кончится, — ругнувшись себе под нос, поморщился Илья. — Тогда и я пойду.

— Ты должен остаться, — прошептала Аня и посмотрела на Илью с такой мольбой, что Матфей даже посочувствовал ему. — Оставайся, Илья. Тебе не надо делать этого ради меня.

— Аня, — Илья подошел к ней и обнял, — я не ради тебя, а ради себя это сделаю. Уйти туда с тобой гораздо веселее, чем остаться здесь одному.

— Ну как ты можешь так говорить? — всхлипнула у него на плече Аня.

Матфей с Варей лишь переглянулись — им объясняться было ни к чему — все было прозрачно и ясно как день, и слова казались излишними и даже пошлыми. Он только обнял её, понимая, что вполне возможно в последний раз. Варя, дрожа то ли от холода, то ли от страха, крепко прижалась к нему.

Он бы и хотел отговорить её — не пускать, но знал, что не сможет остановить ни её, ни Аню. Поэтому даже не пытался. Только прикидывал, как зайти в вихрь вперед девчонок. Вполне возможно Матфей сумеет сам закрыть ящик и Варю с Аней не придется жертвовать собой.

— Ну, тогда все вместе пойдем, — подытожил Матфей, нехотя отпуская Варю.

Они взялись за руки и пошагали к застывшему вихрю, хотя все инстинкты вопили и требовали от них развернуться в обратную сторону.

Вспышка 16. Раскрученный волчок

Вихрь стоял над самым лесом, впитывая его зелень. Матфей с грустью подсчитал, что их последняя прогулка выйдет очень короткой — не больше получаса, даже если черепашим ходом. А так хотелось успеть вобрать в себя всю эту жизнь.

— Ой, дураки! — покачал головой Бог, глядя им вслед.

Матфей заметил, как Илья показал Богу фак, и не смог сдержать по этому поводу довольной ухмылки. Руки тоже зачесались смастерить напоследок для Боженки какой-нибудь подобающий ситуации жест, но повторять за Ильей — Матфей, конечно, не стал.

— Стоять! — взревел Люцифер, преграждая им дорогу — вид у него был свирепый, а если учитывать, что из носа, как из трубы валил дым, то даже жутковатый. — Моя дочь никуда не пойдет!

Памятуя, что Люцифер запросто может обратиться в здоровенную зверюгу, Матфей предусмотрительно отошел на пару шагов назад. Не то, чтобы он очень уж боялся дьявола, но оказаться смятым фантиком под тушей дракона тоже совсем не улыбалось. В такой смерти нет ничего кроме глупости, а Матфей уже раскатал губу умереть героем.

— Папенька, — спокойно улыбнулась Варя. — Я совсем большая и решила уже за себя. Разве ты не уважаешь моего решения?

— Это мне известно, что большая. Однако твой Матфей плохо на тебя влияет, если бы он сам не шел на гибель, то я б ему помог, — нетерпеливо дернулся Люцифер. — Ты никуда не пойдешь вперед меня, девочка. Я точно не собираюсь сложа руки смотреть, как ты себя губишь.

— А может — это я на него влияю? — шутливо спросила Варя.

— Конечно же, ты! Ты же моя дочь, куда этому смертному, — засмеялся Люцифер.

Матфею не нравились ни насмешки Люцифера, ни эта отсрочка, но не дать Варе попрощаться с отцом — было бы просто свинством. Поэтому оставалось, молча терпеть, делая вид, что он здесь так — мимо крокодил.

Тем более рядом с Люцифером уже нарисовался и Михаил.

Матфей даже начинал завидовать возможности нефилимов проститься с родичами. Он же когда-то по собственной глупости упустил шанс сказать своему старику — прости, а теперь оставалось только локти кусать. Но зато Матфей точно знал, что его папаня выживет, выживать отец умел, как никто другой — и этим вполне можно было утешиться.

— Ну и каков ваш план? — поинтересовался Илья у Михаила.

— Вам нужно дождаться своей очереди, — покачал тот головой. — Мы решили отдать свои долги людям.

Вся архангельская атрибутика спала с Михаила окончательно, и теперь он скорее походил на брата близнеца Ильи, чем на его отца.

— Варька, я тебя и твою мать любил как никого в этой жизни! — крепко сжимая дочь в своей драконьей хватке, гремел между тем Люцифер. Матфей начал серьезно опасаться, как бы дьявол ненароком не переломал Варе все кости. — Надеюсь, меня хватит, и вам туда нырять не придется!

До Матфея запоздало дошло, что ангелы встали у них на пути не ради пустых сантиментов, что они собираются пожертвовать собой за своих детей.

Судя по обеспокоенной мордахе Бога — это дошло не только до Матфея и совсем не

входило в планы демиурга. За одно это смятение на физиономии старика — Матфею захотелось пожать Михаилу и Люциферу руки.

— Эй, вы чего удумали?! — требовательно воскликнул Бог, темнея лицом в буквальном смысле слова.

Михаил с Люцифером переглянулись и, игнорируя Бога, обратились к ангелам и демонам с речью. Речь была что надо — проникновенная, забористая. Впрочем, Матфей особо не вслушивался.

Он вдруг понял, что у них вновь появилась небольшая надежда на спасение. Ведь, если все ангелы действительно решат пожертвовать собой и у них получится закрыть этот проклятый ящик, то Варя, Аня, он и Илья сумеют-таки уцелеть в этой заварухе.

— Мы долго пользовались гостеприимством человечества! — между тем воодушевленно вещал Люцифер. — Однажды их предки погибли, чтобы другие миры во вселенной, в том числе и наш, смогли существовать без постоянной угрозы быть поглощенными Хаосом. Настало время отплатить за доброту. Мы давно потеряли свой дом и себя. Мы живем в этом мире в ущерб своей физиологии — калеками!

— Но живете! — возразил Бог, и елейные слова его, налитые силой, камнями придавливали душу, однако вряд ли могли кого-то убедить в своей правде. — Не глупите! Вам незачем отдавать жизни за брэнное существование людей! Вы не представляете, на какие страдания собираетесь себя обречь!

Ангелы молча смотрели в землю. В их настроении чувствовались усталость и подавленность. Давление Бога с одной стороны и праведные речи их вождей с другой, казалось, окончательно выбили из-под них почву. Матфей даже посочувствовал им в этот момент.

— Наш отец, коего чтители мы на протяжении всего своего существования, обманывал нас! — с неподдельной болью, негромко, но отчетливо произнес Михаил. — Плел интриги! Не уважал наших решений. Я больше не пойду за отцом, я отрекаюсь от него! Но вы сами вольны выбирать свой путь! Только вам потом жить с последствиями своих решений!

— Я защищал вас! — возмущенно прогремел в головах Бог. — Вы останетесь здесь, дети мои! У вас будет время понять мою правоту!

Матфея качнуло, но в этот раз он сумел устоять на ногах. Детям божьим, по всей видимости, пришлось гораздо хуже — удар силы был направлен на них. Их повалило на колени. Ангелы зажимали уши и носы руками, стараясь остановить кровь. Более горделивые демоны спешили поскорее подняться с колен, позволяя своей крови свободно проливаться на землю.

— Трусы могут оставаться! — страшно рявкнул Люцифер.

Под всеобщий, одобрительный гомон альбинос, ставя в этом споре свою жирную точку, обратился в громадного дракона, оттолкнулся от земли и взлетел.

Дракон стремительно набирал высоту к самым звездам, и из глубины неба еще раз грозно прорывав, зашел в пике. Он врезался в вихрь со всей своей невероятной мощью, увлекая за своим хвостом млечный путь. В вихре жадно чмокнуло, но ловушка не насытилась, принесенной ей жертвой, оставшись грозно нависать над миром.

Варя рядом жалобно всхлипнула, пряча голову Матфею на грудь. Матфей ошеломленно продолжал всматриваться в вихрь — вот как делаются настоящие подвиги без всяких прелюдий.

Ангелы, вдохновленные личным примером вождя, закричали «УРА!», и со всех ног

бросились к вихрю. Последний аргумент Люцифера оказался гораздо весомей, занятой Богом позиции силы.

Их четверка тоже поспешила за ангелами.

— Глупцы, я не допущу этого! — вновь ударил по сознанию голос Бога, прижимая своей мощью к земле. Ангелы как бы споткнулись, но продолжили двигаться к торнадо, хотя уже далеко не так резво.

— Стоять! — зазвенело в головах.

Ангелов вновь повалило на землю. На этот раз и Матфею пришлось окунуться лицом в грязь. Он обеспокоенно поглядел на Варю с Аней — девушки держались молодцом, хотя и были очень бледными.

Остановить же ангелов казалось невозможным. Они поднимались, и оглушенные, и ослабшие неуклонно продолжали двигаться к цели.

— Я вас предупреждаю! — крикнул Бог, в этот раз не вкладывая в звук силы, а только угрозу.

И вдруг Михаил развернулся и пошел навстречу Богу. Ангелы удивленно озирались на вождя, еще совсем недавно так убедительно отрекавшегося от их отца и убеждавшего их идти на вечные муки.

Матфей тоже затаил дыхание.

Михаил остановился в нескольких шагах от Бога и сделал едва заметное движение здоровой рукой. От руки неожиданно отделилось копье и пронзило грудь старика. Тот охнул и осел.

— Это тебе за Марию и моего сына! — зло выплюнул Михаил и, обратившись в огромного, крылатого единорога, хромовой, но бодрой рысью поскакал к вихрю.

Взлететь он не мог, левое крыло беспомощно обвисло. Но тем не менее даже израненный, он быстро встал во главе ангельского шествия. И не замедляя ходу яростно врезался в жадно чмокнувший вихрь.

Ангелы проводили Михаила дружным: «Ура!».

Однако силы и отчаяния архангела тоже не хватило, чтобы спасти этот мир, хотя это и была великая сила.

Все происходило слишком стремительно, Матфей не успевал отмечать события в хронологическом порядке. Хаотично выхватывая то одно, то другое, он вскоре потерялся в собственных эмоциях.

Сначала его поразило то равнодушие, которое проявили ангелы к возможной гибели своего творца. Ни один из них не остановился, чтобы подойти помочь или хотя бы просто поглядеть, как там их Бог — убит или тяжело ранен? Старик лежал всеми забытый на Земле.

Потом Матфей решил, что это все вполне закономерно, учитывая, что последние минуты Бог довольно агрессивно хотел подчинить их своей воле.

Не успел он все это обмозговать, как ангелы стали входить в смерч. Мало кто отваживался это сделать как Люцифер с Михаилом — с набегу. Все предпочитали заходить осторожно, по одному или парами, предварительно попрощавшись каждый с каждым. Провожали всех дружным: «Ура!».

Когда настала очередь Белиала, паукообразный демон, простившись с ангелами, подошел к Варе. Демон, заметно смущаясь, от чего покрылся паутиной до корней волос, что-то вложил девушке в руку и, дрогнувшим голосом, прошептал:

— Этот цветок, как твои глаза. Прощай, Варя.

Белиал развернулся и решительно ворвался в чмокнувший вихрь, но и его силы не хватило, чтобы закрыть распроклятый ящик.

На ладони у Вари оказалась небольшая, искусно-сплетенная из паутины веточка сирени.

Матфея обожгла ревность. Хотелось догнать Белиала, вытащить из смерча и настучать демону по башке. Впрочем, Матфей успокоился почти в тот же миг, как и завелся. Ведь в конце концов у него еще есть призрачный шанс подарить когда-нибудь Варю букет сирени, а у Белиала такого шанса уже никогда не будет.

Адова машина с невыносимым чавканьем пожирала ангелов одного за другим, не щадя никого и продолжая требовать в свое ненасытное лоно все новых и новых жертв. Они ушли все — не струсил никто, хотя струсить было от чего.

Последним в вихрь зашел Вельзевул. Он обернулся, с тоской глянул в небо. Протянул руку к звездам и дунул на свою ладонь, и из его рта вылетела стайка мух. Вельзевул улыбнулся, наблюдая, как жужжа и суется, мухи беспокойным роем разлетелись по земле, и его закрутил вихрь в свои безжалостные объятья.

— Ура! — хором выдохнули Аня, Варя, Матфей и Илья, провожая последнего демона Земли.

Они с грустью смотрели в ненасытную пасть злосчастного вихря и понимали, что теперь настала их очередь для подвигов.

— Вот глупцы, — прошипел у них за спиной Бог. Они обернулись на старика и стали отрешенно наблюдать, как он поднимается с земли и вытаскивает из груди копьё. — Люди все-таки скверно на них повлияли! Очень скверно! Ну, ничего-ничего!

Бог легко и естественно закинул копьё в вихрь. Вихрь вновь жадно чмокнул. Старик, между тем, продолжал ворчать, помахивая в их сторону сухоньким кулаком.

— Это вы во всем виноваты! Дурной пример заразителен! — и потом вновь начал как бы про себя кряхтеть. — Эх, проклятое копьё — теперь долго силушку восстанавливать придется, а мне сейчас силы ну очень нужны. Нет, туда этим дурням и дорога, особенно Михаилу, ну совсем сдурел. В меня! Копьем!

Матфей понял, что это все надолго и, перестав вслушиваться, вновь повернулся к смерчу лицом. Надежда, что ящик закроют ангелы, помахав ручкой, подло ушла в закат. И теперь усталость навалилась на Матфея с удвоенной силой — сам виноват, не следовало раскатывать губу раньше времени.

— Что ж, и нам пора, — вздохнул Матфей, беря Варю за руку.

Он стал придумывать, как отеснить девчонок и войти с Ильей в смерч вперед них. А там, он точно знал, что закроет этот проклятуший сундук во что бы то ни стало. Ему бы как-нибудь убересть Варю с Аней от напрасной жертвы.

Хорошо бы было незаметно намекнуть о своих планах Илье. Аня вроде тоже Илье совсем не безразлична, и он вполне мог вписаться в эту сделку.

Матфей пристально уставился на Илью, тот, почувствовав его взгляд, вопросительно изогнул бровь. Матфей, потихоньку, указав на Варю, Аню и смерч, замахал руками, изобразив отталкивание. Илья вроде бы понял, быстро кивнул.

Но через пару шагов он вдруг остановился, как вкопанный. Настала очередь Матфея вопросительно поднимать на него брови.

Илья задумчиво залип на вихрь. Матфей насторожился — он успел уже забыть, что парень-то с гнильцой и способен в любой момент воткнуть нож в спину. Ведь вполне возможно, он вообще не собирался закрывать ловушку, а просто рисовался перед Аней.

— Погодите, есть идея, — попросил Илья на их нетерпеливые взгляды. — Я кое-чего вспомнил, надо перетереть.

Илья не передумал, а, скорее, что-то надумал, но Матфею ничего перетирать уже не хотелось. Он до одури устал переливать из пустого в порожнее. Ему было абсолютно все равно, что у кого-то опять в мозгах замкнуло очередной бесполезной идеей. Но он почему-то вопреки себе опять потащился на очередной совет по попыткам не сдохнуть, тогда как хотелось просто уже сдохнуть.

Они отошли вслед за Ильей, подальше от кряхтящего и ворчащего Бога, ближе к лесу, так, что темные ветки деревьев нависли над их головами, укрывая от чужих глаз. Такая конспирация казалась вообще излишней.

— Ну, чего там у тебя? — недовольно буркнул Матфей, отковыривая носком ботинка сосновую шишку.

Илья явно нервничал, чего обычно за ним не наблюдалось. Его нервозность оказалась заразной, и Матфей сам стал дергаться и беспокойно озираться по сторонам.

— Варя, — взволнованным шепотом спросил Илья. — Ты помнишь, что нам сказали Адам и Ева напоследок?

— Да, — пожала плечами Варя, — какую-то ерунду, я, честно, даже не поняла к чему это они.

— Ши-и-и — испуганно шикнул на нее Илья. И Матфей стал опасаться — не тронулся ли он умом. Илья вновь зашептал. — Они сказали, вдумайтесь только — цитату безумного человека из Ницше.

— И что?! — раздраженно буркнул Матфей — он Ницше не любил и не читал из принципа, считая его идеи вредными и близкими нацистам. — Адам и Ева знают Ницше, что с того-то?

— Илья, хватит тянуть время, — в голосе Ани слышалась досада. — Люди вообще-то уже начали умирать! Не хочешь идти — не ходи! Мы и без тебя справимся!

Аня развернулась и пошла прочь, твердо давая понять, что больше не намерена слушать эту чушь. Но Илья, дико поблескивая на нее глазами, вцепился ей в запястье и зашептал, так быстро и неистово, что у Матфея аж кровь свернулась — ведь как есть парень спятил.

— «Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история! Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, — и все-таки вы совершили его!»

— Да, вот именно так они и сказали, — с сочувствием глядя на Илью, подтвердила Варя.

Она единственная, кто еще верил, что Илья не тянет время, а действительно хочет сказать что-то важное.

— Ну, бред же! — нарочно громко кинул Илье в лицо Матфей, тоже намываясь уйти и утащить за собой доверчивую Варю. — Что нам-то с того?! Ты сейчас сам похож на этого безумного человека.

— Камон, — зло прошипел Илья. — Ты вообще не сечешь, да?! Это не просто цитата, а цитата о смерти бога: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!».

И тут Матфей стал потихоньку улавливать какой-то смысл в его словах.

Аня тоже перестала вырываться из рук Ильи и обратилась в слух.

— Чтобы нейтрализовать ловушку, в прошлый раз понадобились три составляющие:

мир, его обитатели и их Бог, — очень тихо продолжал развивать свою теорию Илья. — Почему в этот раз должно быть иначе? У нас уже есть два элемента из трех: Эдемос и ангелы уже в ящике, осталось только затащить туда Бога.

Это все было очевидно, лежало на поверхности, как же Матфей сам не догадался.

— Но Прометей пошел в ящик добровольно, — шепотом напомнила Аня, впрочем, уже не оспаривая, а скорее обдумывая идею Ильи.

— Гнилые дрова тоже дрова, — пожав плечами, с издёвкой заимствовал выражение Бога Илья. — В любом случае — его не жаль!

— Но как мы заставим Бога? — испуганно прошептала Варя. — Это же Бог!

— Он ослаб после выходки Михаила, — быстро включился Матфей.

Идея кинуть старика в смерч ему до одури нравилась, единственное, что не очень нравилось, что это придумал не он, а Илья.

— Точно, — поняв, что услышан, с облегчением выдохнул Илья. — У меня есть план. Матфей и Аня, отвлекая старика разговором, потихоньку поведут его к ловушке. Мы же с Варей сменим ипостаси и, схватив его, бросим в смерч, — видимо, заметив, как побелела Варя, он поспешно добавил. — При любом раскладе мы ничего не потеряем — все равно умирать.

— Согласен, — с готовностью поддержал Матфей.

Конечно, Матфею бы хотелось сыграть в этом плане более весомую роль и огородить Варю от довольно тяжелого для неё дела. Но превращаться в дракона он не умел, поэтому приходилось мириться со своим скромным местом заклинателя бури. Он утешал себя тем, что Варе пойдет на пользу уничтожить Бога собственноручно. Потом ей будет легче освободиться от божьего авторитета в себе — религиозное воспитание оставило на ней слишком много шрамов.

— Давайте попробуем, но жаль его все же, — печально вздохнув, согласилась Варя.

— Надо только действовать побыстрее, люди уже стали гибнуть, — вновб с тревогой заметила Аня. — Илья, ты молодец, извини, что усомнилась в тебе.

— Да, мы зря на тебя наехали, — нехотя признал Матфей.

— Ничего. Я бы тоже в себе усомнился, — подмигнул Илья.

Матфей и Аня отправились забалтывать Бога. Варя с Ильей остались менять свой облик и выжидать удобный момент.

Бог сидел в позе лотоса, глубоко дышал и пустыми глазами смотрел на затухающее небо.

— Что вы делаете? — спросила Аня.

— Восстанавливаю силы, — нехотя переводя на них взгляд, ответил Бог. — А вы опомнились и решили все-таки поступить разумно?

— Мы еще думаем, — соврала Аня.

— Мы хотим спросить у вас кое о чем, прежде чем решить окончательно, — подхватил Матфей.

— Ну, так и быть — спрашивайте, — нехотя откликнулся Бог, поднимаясь и потягиваясь.

Матфей с Аней переглянулись. Надо было все-таки заранее обдумать, чем они будут забалтывать старика. Как назло все темы для разговора попрятались и носа не казали наружу.

— Вы же нас не любите? — старательно подбирая слова начала Аня.

— И после того как ваши дети погибли за человечество, — поймав волну продолжил Матфей, — вы не собираетесь отомстить людям? Вы могли бы сейчас истребить нас всех до единого.

По возмущенному взгляду Ани до Матфея дошло, что ляпнул он, конечно, от души, роняя на благодатную почву обиды нужные ей зерна. Даже если раньше у Боженки таких мыслишек не случилось, теперь ему их любезно подкинули. Впрочем, опасались они зря.

— Ой, не говорите ерунды, — махнул рукой Бог, потихоньку включаясь в их медленное движение к смерчу. — Вы, люди, всех мерите своим невысоким ростом. Любовь в вашем понимании мне вообще не свойственна.

Матфей кивнул, сглатывая бульжник. Нервы стали потихоньку сдавать. Ладони вспотели. Он, обругивая себя трусом, старательно давил в себе разгулявшуюся тревогу. Но она упрямо выступала у него на лбу капельками пота.

— Да, к своим творениям я был привязан — эта была весомая часть меня самого, — продолжал Бог, пока не замечая или делая вид, что не замечает их замысла. — Однако они заразились человеческими эмоциями. А мстить за их глупость — до такого додуматься мог бы только человек.

Бог остановился, словно что-то заподозрив. Матфей и Аня, старательно сохраняя лицо кирпичом, всеми силами избегали нетерпеливо поглядывать на небо. Отсюда до смерча было рукой подать, и Варя с Ильей пора бы уже было вступить в игру.

Терзали сомнения, вдруг в этот раз они не смогут обратиться, ведь в прошлый раз получилось почти случайно.

— Нет, мне выгоден человеческий прогресс. Понимаешь, чем сильнее люди, тем комфортней становится жизнь на Земле. Я прямо заинтересован в вашем развитии. Так, что не бойтесь, оставайтесь, я точно не буду мешать вашим жизням... А где Илья с Варей?

— Они...э-э-э... там, — неуклюже пробормотал Матфей.

Аня пихнула его локтем.

Матфей понял, что теперь, чтобы не просрать окончательно эффект неожиданности, старика нужно хватать и запинывать в ловушку самому. От решения действовать — волнение улеглось, и он, наконец-то, сумел собраться.

Воздух рядом натянулся до предела и разорвался свистом самурайской сабли. Матфей с Аней едва успели пригнуться. Бог вот только что был, и вот его уже не стало.

В небе, зажимая старика с обеих сторон, к смерчу на всех парах мчались дракон и единорог. Верткий арестант, сделал едва заметное движение и выскользнул из их лап.

Однако Варя была начеку. Она успела схватить Бога и швырнула свою добычу в ловушку. Единорог же, встав на дыбы, добавил ему ускорения мощным ударом в грудину.

Бога закрутило в вихрь. Смерч поглощал добычу все с тем же отвратительным чавканьем в полной тишине.

И вот что-то дрогнуло там внутри этого ненасытного пожирателя всего и вся. Ловушка задрожала, и вихрь стал медленно оседать к земле. «Вжух!» — вворачиваясь, чертил он в воздухе, кольцо за кольцом.

До Матфея запоздало стало доходить, что все получилось, что они победили. Вроде бы напряжение должно было отпустить, да никак не отпускало.

В вышине раздавался ликующий рев нефилимов. Они радостно закладывали виражи над закрывающейся ловушкой.

Матфея прошиб холодный пот. Слишком все было просто. Не могло быть все так легко.

В этом чуялся подвох. Он замахал руками и рванул к сворачивающемуся смерчу, всеми фибрами почуяв, что сейчас случится непоправимое. Закричал, чтобы предупредить, но опоздал.

Из поверженного смерча вытянулись руки. Одна схватила за крыло Варю, а вторая поймала Илью. Нефилимов стремительно потянуло вниз, в образовавшуюся воронку.

Матфей глядел в перепуганные сиреневые глаза Вари. Она, в панике, из последних сил билась в руке пойманной птахой, но крючковатые пальцы, схватившие её, были намного сильнее. Дракона развернуло головой к воронке и затянуло наполовину. Крыло беспомощно повисло — она сдалась.

Не отводя взгляда от Вари, Матфей бежал на помощь, в расчете на то, что подпрыгнув, успеет схватить своего дракона за хвост. Ему бы только ухватиться, и он вытянул бы её. Жилы порвал бы, но вытянул.

С разбегу, что есть силы он прыгнул, протягивая руку к хвосту. Руку обожгло как огнем. Что-то больно мазнуло его по щеке и отбросило назад.

Матфей взвыл благим матом.

Воронка мгновенно свернулась, обратившись в ящик.

Черный ящик среднего размера, испещренный непонятными символами, стоял у Аниных ног. Аня как-то автоматически, с отсутствующим видом наклонилась к нему, протянула дрожащую руку к крышке и...

— Нет! Не открывай! — страшно крикнул Матфей, и собственный голос оглушил его.

Аня вздрогнула, посмотрела на Матфея и быстро спрятала руки за спину. Отступила на пару шагов от ловушки Пандоры и, как подкошенная, упала на колени. Плечи её затряслись от сдавленных рыданий.

Матфей смотрел то на ящик, то на Аню. Щека онемела. В висках билась кровь. Мозг уже осознал факт потери Вари, но сознание сопротивлялось. Букет сирени в не подаренном будущем, так и остался лежать в увядшем прошлом.

В этот момент он в который раз завидовал Илье. Тот отдал свою жизнь за любимую девушку — как мужик, а Матфей не сумел уберечь свою Варю.

Край горизонта золотил бледный рассвет.

Ящик таял, как мираж, становясь все более призрачным, пока не исчез совсем.

Матфей почувствовал его тяжесть в себе и вздрогнул. Встретившись с Аней глазами, он понял, что эта ноша досталась и ей.

По телу прошла резкая, пронизывающая боль. И он увидел, как звезды водят над ними хоровод, как время и пространство, обнявшись друг с другом, образуют ДНК Земли.

Матфея сворачивало в эту спираль вместе со звездами, вместе со случившейся действительностью, создавая новый виток развития мира. Раз-два — завел хорошенько и раскрутил волчок во всю силушку.

Матфей лежал в воде. Она обглодала кожу и мышцы, оставив голые кости, что бултыхались в её темных недрах. Без мышц он никак не мог выплыть. Каждая такая попытка отдавалась жгучей болью. Но он не оставлял отчаянных надежд вырваться из водоворота времени. Через страдания, через страх, через сомнения, через любовь и мечту — он поднимался со дна реки все выше к свету. До тех пор, пока не вынырнул наружу. Его обнял золотой огонь зари, и он задышал.

Противно пикает в голове. Во рту тягучая сухость, губ не разлепить.

Лицо еще влажное, а события в памяти уже съеживаются. Лишь контурами всплывают. Как сон — яркий, но совершенно бредовый.

В нос бьет резкий запах хлора, который мешается с ароматом сирени. Он заглядывает в глаза сирени.

Суета, голоса, тьма.

Собственное тело тяжело давит, запихивает в рамки, ограничивает. В нем натыканы какие-то трубки, иголки, бинты. Ему тесно, и воздух рвется в груди.

Лампочка на белом потолке дает бледно-синий свет. Окно завешано жалюзи.

На стуле сидит мама. Худая, донельзя бледная, как выгоревшая свеча, руки в волнении ломает. И смотрит на Матфея во все глаза, не мигая, словно боится, что если мигнет, то он исчезнет.

— Мама, — голос, как чужой, не слушается, и в голове от сказанного звенит.

— Слава богу! — шепчет мама. — Очнулся! Мы уж и не чаяли! Больше полугода пролежал!

Матфей был уверен, что умер. Он даже как будто приходил на собственные похороны.

— А я... Я не умер?

— Нет, конечно, нет! Ты живой! Это просто кома! — горячо заверяет мама. — Но теперь все будет хорошо!

— Да, все будет, — подтверждает Матфей. — Здесь пахнет сиренью. Где-то стоит букет?

— Нет, Матюша, — замотала головой мама, — мы же знаем, что ты не любишь цветы. Наверное, это из коридора, как сирень пошла, так медсестрам охапками пациенты носят.

Слова даются нелегко. Язык большой, неповоротливый.

— Ма, а можно... можно мне принести в палату несколько веточек.

— Конечно, — запнулась мама и, покраснев, опустила глаза в пол. — В коридоре сидит отец. Если не хочешь, он уйдет.

— Нет, пусть зайдет, только попозже, я устал.

Сегодня Матфей впервые спустился в общую столовую. Ходил пока плохо, но врачи утверждали, что восстанавливается он быстро и вскоре обещали выписать.

Левую часть лица парализовало — уголок губы и глаза беспомощно обвисли в грустную гримасу — и так красавцем не был, а теперь вообще урод. Но это тоже, по мнению врачей, было временным явлением.

После обвалившихся на Землю катаклизмов, в больнице было не протолкнуться. Очнулся Матфей вовремя — в самый тот момент, когда его отключали от аппарата.

За то время, что он валялся в коме, много чего случилось с миром. Вспышки на солнце, землетрясения, извержения вулканов, торнадо. Природа ополчилась на человека и отомстила за годы эксплуатации. Стремительно менялся климат, говорили о новом ледниковом периоде.

Много чего говорили, но здесь, в городе, жизнь текла почти по старому — их беда

обошла стороной, так, слегка только пару раз трянуло, даже не порушив жилья.

Отовсюду к ним стали стекаться беженцы, привозили пострадавших. А пострадавших, как и погибших, по всей Земле было катастрофически много.

Интернета не было, как и телика — только радио тревожно бубнило отовсюду.

Матфей ничего не мог толком разузнать. Собственная беспомощность выводила его из себя. В отчаянии он попросил маму сходить туда, где когда-то жила Аня.

Мама сообщила, что квартира сгорела, и соседи ничего не знают о дальнейшей судьбе жильцов дома.

Матфей стал подозревать худшее. И ненавидел себя за то, что он выжил, что он сумел выжить, а она, кажется... нет.

Он жевал сухую гречку, раздражаясь на жадность поваров, которые даже воду экономили. Почему бы не варить пожиже, а то ведь встает комом в горле эта каша.

За своими мыслями он и не заметил, как к нему кто-то подсел.

— Матфей! — позвал знакомый голос.

Поднял взгляд. Волосы у нее подстрижены в каре и лицо худое, бледное, но это она.

— Аня?.. — еще не веря себе, спросил он.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net